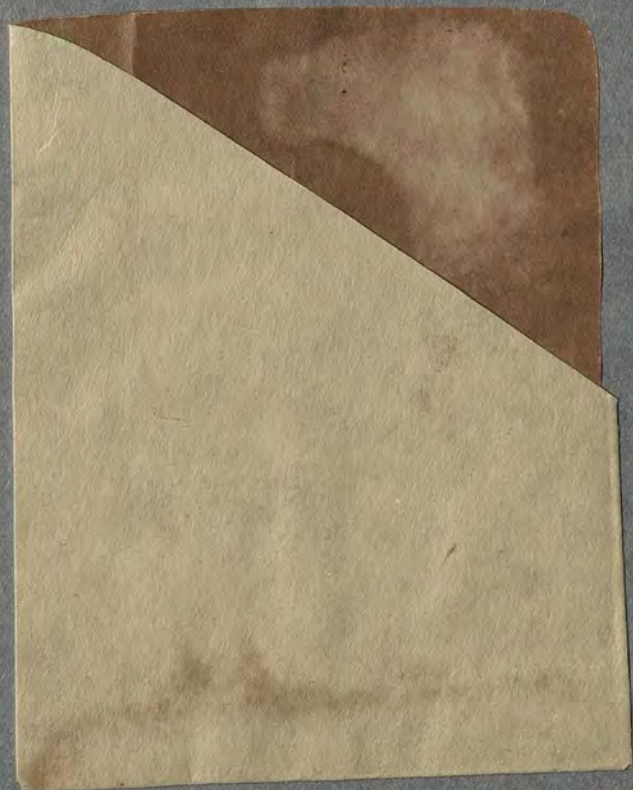

M $\frac{160}{248}$

w 1

M 160
248

СБОРНИК

КОСТРОМСКОГО

ПРОЛЕТКУЛЬТА.

50р.

№ 1.

„Мы ставим своей конечной целью — уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми, вообще.“

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором *исчезает противоположность умственного и физического труда*, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом, такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя“.

(Н. Ленин „Государство и Революция“, М. 1919 г., стр. 105, 121).

Книга имеет:

обрез с переплёта

Печатных
листов

Выпуск

В переплетн.
един.
соедин.
№ № выг.

Таблац

К а р т

Иллюстр.

Служебн.
№

Наклад и
исписка

59

493

7

MI

КЪРЪТЪ ИМЕТИ:

Политных
явство

доулиц

В. Иеронимовъ
Годен.
Годен.
Годен.

Иеронимовъ

Годен

Иеронимовъ

Иеронимовъ
Годен

Иеронимовъ
Годен

2007

802-19

Н. М. $\frac{150}{298}$

1690

СБОРНИК

КОСТРОМСКОГО

ПРОЛЕТКУЛЬТА.

„Мы ставим своей конечной целью— уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми, вообще...

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором *исчезает противоположность умственного и физического труда*, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом, такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя“.

(Н. Ленин „Государство и Революция“. М. 1919 г., стр. 105, 121).

№ 1.

Р 33-6028

*Работа Пролеткульта —
строится на пробуждении масс.*

В первом номере нашего сборника мы думаем осветить, главным образом, не наши планы на будущее, а тот путь, который нами уже пройден, опыт, который нами учтен.

Все то, что способствовало культурному пробуждению масс, развитию ее самостоятельности, ее творческих устремлений, что подготовило почву для создания Пролеткульта.

Культура наша,

Идет последняя борьба,
Сплотитесь, воины труда.
Все человечество войдет
В международный хоровод.

(Со знамени 1-го рабоч. соц. клуба).

Наступила осень, начинается новая полоса в нашей клубной работе. Период исканий, первых попыток наметить основные вехи на нашем пути, период первых ошибок и побед закончен. В нашей работе, в наших упорных исканиях верного пути мы достигли многого—перед нами четко обрисовались наши задачи, выковались наши принципы работы. Все это наше, все—результат нашей практики. Как ясна для нас сейчас важность освещения каждого пройденного шага, с каким живым интересом читаем мы теперь заметки о проделанной работе. Впереди—новые искания, новая творческая культурная работа, новые ошибки, но и новые достижения. Подводя итог полуторагодовой работе, хочется повторить за тов. А. В. Луначарским: „Еще ранняя весна. Может быть ударит мороз. Но как подснежники, как ранние фиалки убирают потрясенную землю первые цветы пролетарской культуры“.

Была ранняя весна, начинала оживать природа; но на политическом горизонте были мрачные тучи. Более, чем когда либо, чувствовалось, что рабоче-крестьянская власть может существовать только при поддержке, при разумном, сознательном отношении широкой рабочей массы. Расшевелить эту массу, призвать ее к творческой активной работе, дать ей понять все величие, всю ответственность момента вот что стояло, как первая задача, перед каждым партийным работником. Партийный коллектив, фабричный районный комитет, ясно сознал эту задачу, и как то инстинктивно наметил путь к ее осуществлению—решено было открыть рабочий клуб в фабр. районе. В первый момент у нас даже были сомнения нужна ли рекомендация для вступления в члены, не помешает ли это проникнуть к нам всякому желающему рабочему. Чем грозней момент, чем большая опасность угрожает советской власти,—тем скорей надо начать работать. Если же мы не удержимся у власти, если нам, передовым рабочим, всплывшим на поверхность в борьбе, сридется погибнуть,—пусть к памяти о нас прибавится еще что то светлое—наш клуб.

Вот что пишет об открытии клуба год спустя одна работница:
„Группа людей, крепко спаянная между собой единой целью, целью великих задач мирового переустройства, открывая 1-й клуб, твердо верила, что начинает великое дело, что кладет первый камень того громадного здания, которое со временем покроеет собою весь мир.

Черные тучи носились над головами, казалось, вот, вот громадные лавины, сорвавшись с высоты, повергнут в пропасть все наши завоевания, добытые столь дорогой ценой. Они это знали, но твердо шли к своей цели“.

Неделя, да наша, все таки ярче у рабочих будет воспоминание о советской власти. Вот то настроение, с которым мы приступили к организации 1-го в Костроме рабочего клуба. Ясно из сказанного, что наша задача—была *работа среди самой широкой, темной рабочей массы.*

Таким путем наметился, определенно и четко, наш принцип: *клуб есть первая культурная ячейка*, клуб должен привлечь в свои стены широкую массу.

Для нас не было и тени сомнения в том, что клуб *не может быть партийным*, но в то же время мы, партийные работники, с первых шагов не могли не пропитать его *партийным духом*: газеты, журналы, воспитывающий в политическом отношении отдел в библиотеке, доклады по текущему моменту, лекции, дающие первые знания, первую политическую подготовку (религия, полит. экономия),—все это у нас наметилось с первых шагов как то само собой.

Предполагая открыть клуб, районный комитет, состоящий сплошь из текстилей рабочих, наметил единственного своего представителя из гор. района, входящего в течение нескольких месяцев в р. к., в заведующие.

В то время в Костроме власть еще только что перешла совету, был еще только зародыш, так сказать, отдела народного образования. Мысль рабочих об открытии клуба была им встречена очень сочувственно, и отделом было сделано все возможное для ее осуществления: даны средства, помощь в отыскании помещения, в приобретении столов и лавок из лазаретов (тогда имущество буржуазии еще не реквизировалось). Заведующим отделом народн. образования В. А. Невским был предложен проект устава первого клуба.

Работников, опытных в культ.-просветительной работе небыло, приходилось итти ощупью, среди ряда сомнений и вопросов, а каждый чувствовал себя ответственным за то дело, к которому он привлечен. С какой жадностью мы ловили каждое слово, каждое замечание, случайно брошенную мысль. Так была положена основа самодеятельности. Агитация за клуб начата была районным комитетом еще нед. за 2 до открытия и к 1-му дню уже было записано порядочно членов.

„Яркий солнечный день. У клуба гордо развеваются знамена—то пришли рабочие с завода Пло на открытие. Вот они заполнили весь клуб, а на улице новые ряды—то пришли с местных фабрик“,—так пишет товарищ в клубном дневнике. Торжественно провели открытие 1-го клуба, действительно, нельзя было протиснуться среди рядов рабочих, надо еще прибавить, что в тот же день было

записано до 300 чел. уже в члены. Но когда клуб начал работать, средняя посещаемость держалась на 35—40 чел.: не было еще понимания, что клуб не место куда сходятся в торжественных случаях или для какой-ниб. определенной цели, а что весь свой досуг надо отдавать ему. На открытии речей было много, но о задачах клуба, о принципах работы не говорил никто: всем было ясно только, что в клуб ходят не только отдыхать, но и учиться. У нас же—организаторов, было, повторяю, твердое убеждение, что клуб, *беспартийный по составу, и ярко социалистический партийный по духу, должен привлечь широкую массу и строиться на ее самостоятельности.* Через несколько дней после официального открытия было назначено общее собрание, на котором присутствовало 170 человек. На повестке стояло: утверждение устава, выборы правления, ревиз. комиссии и сотрудников. С составлением устава мы поропились: пришлось очень его изменить и сдать для переработки в особую комиссию,—отсюда опыт, *что об уставе надо думать, когда уже начнется работа.* С выбором правления встал вопрос, каким путем производить его: по партийным спискам, или от общего собрания. Остановились на последнем. Число установили в 5 человек, с 4 кандидатами, ревиз. комиссии—в 3 человека. Заведующей была избрана кандидатка районного комитета, а сотрудников предлагалось пригласить правлению вместе с входящей в него заведующей. В сотрудники была намечена учащаяся и только что окончившая партийная молодежь, которая месяц спустя была почти вся выделена для организации работы в 1-м красноармейском клубе. Теперь через 1½ года даже странно, сколько еще тогда было у нас сравнительно свободных коммунистов хотя и не опытных, но имеющих общее развитие и горячо преданных работе. Все они теперь или на фронте, или на ответственной советской работе.

Вот бюллетень 2-й недели существования клуба: „средняя посещаемость 66, преобладают рабочие, состав посетителей меняется, каждый член приходит в среднем 2—3 раза в неделю. Утвержден собранием план групповых занятий, художественная группа уже работает, литературная собирается почти ежедневно, есть записавшиеся заниматься музыкой, собирается хор, библиотека пополняется книгами. Предполагается на днях литерат. вечер, участники—сами члены. Работа по устройству клуба еще не закончена, идет частичный ремонт“.

Как видно из этого, с первых шагов работа пошла в клубе разнообразная, тоже как то само собой наметился принцип клуба, как прообраз будущих общественных форм: *каждому—по потребности и от каждого—по способностям.* В воззвании, в это время расклеенном по фабрикам, указывалось, что цель клуба—*„дать всестороннее развитие его членам, дать возможность отдохнуть в товарищеской среде и теснее сплотиться в дружную пролетарскую семью“.*

Немного позднее при клубе была открыта школа грамоты с уроками политической азбуки, привлекавшая много народу, но тут же почти перенесенная в другое помещение, т. к. уже в 1-й месяц работы стало не хватать места в клубе, при его 8 комнатах.

Через месяц 16 апреля на общем собрании была освещена текущая работа и поставлен вопрос при каких условиях возможны

продуктивные и живые занятия в группах. За истекший период жизни выяснились некоторые недостатки в работе, которые необходимо устранить в целях более плодотворной и успешной деятельности.

Между прочим из докладов всех сотрудников выяснилось, что ими понят единственный возможный в клубе метод работы—*полная свобода, отсутствие всякого стеснения*. Так указывалось, что в художеств. группе имевшей в то время 36 человек, давались темы для свободного творчества. Начались уроки геометрии, необходимой для рисования. В литературической группе (50 чел.) ведутся не систематические занятия, а имеющие цель пробудить интерес к поэзии, декламации.

Первой группой намечено было устройство выставки для ознакомления с произведениями художников и для усиления внимания и интереса к живописи.

Второй—издание журнала чтобы „дать возможность членам проявить свои духовные способности, иметь возможность помещать в нем рассказы о своих переживаниях, стремлениях, жизни, чтобы журнал был продуктом пролетарского творчества“.

В научных группах идут занятия, систематич. лекции по истории общественных движений в России и их отражения в литературе, по полит. экономии, истории религии. Постоянных слушателей ядро в 15—20 ч., остальные меняются. После лекций беседы, рабочие иногда выступают содокладчиками.

По этому отчету можно судить о том, что через месяц работы 1-й рабочий соц. клуб вел уже такую работу, которая может называться пролеткультской. Число членов клуба к 19 апр., т. е. через 5 недель со дня открытия, составляло 552 челов., средн. посещаемость 164 человека.

Надо отметить, что рост членов и посещаемости увеличился очень после того, как начались занятия по группам.

Через 2 мес. с начала работы на общем собрании заведующей отмечается большое количество лекций: 9 по полит. экон., 5 по ист. общ. движ., по ист. религий 8. Возникли две группы: хор и лепка, предполагается выставка работ членов клуба по рисованию и лепке.

Выставка художников устроенная в клубе, пользовалась громадным успехом: ее посетило в 4 дня 687 челов., почти исключительно рабочие, 429 м. и 258 ж., при чем давались групповые объяснения. Отмечалась еще важная черта: к устройству выставки члены отнеслись так любовно, с такой заботливостью, клуб стал для них своим, чем то таким дорогим и близким, что надо беречь и укреплять.

Устройства лекций на отдельные темы избегали, чтобы не отвлекать от систематических занятий в научных группах, где курс полит. экон. закончился и начался вместо него курс социализма. Количество членов за 2-й месяц возросло по 50 ч. в неделю, а после начала занятий за неделю с 380 до 552 ч., и к 7 мая уже насчитывалось 700 челов., средн. посещ.—138 ч.

Раньше мужчины преобладали—из женщин ходила только молодежь, но к концу 2 мес. работы уже на 531 м. приходилось

169 ж. В библиотеке уже было 98 подписчиков—62 м. и 36 ж., наиболее читалась беллетристика, (особенно Горький, Толстой Печерский), полит экономия, и ист. революций. Устанавливается дежурство членов,—еще один вид самодеятельности. Клуб стал популярен, как среди организаций, отчисливших некоторые суммы на культ. просв. работу, так и среди отдельных лиц. Военнопленные собрали в пользу клуба 60 р 14 к. из своих грошей и даже организовали вечеринку со сбором на клуб. С расширением работы ассигновок отдела нар. образ. стало положительно не хватать, пришлось думать о добывании средств,—поставили в пользу клуба спектакль в читальне Островского силами членов клуба, участников группы рабочего кооператива. В это время из литерат. группы выделилась драматическая. Начались занятия музыкой—рояль. Членские взносы поступали сравнительно аккуратно, для напоминания же не внесшим рассылали повестки, которые писались и заносятся по домам, самими членами,—еще новый вид самодеятельности. В это время, впрочем, она уже развилась широко: члены клуба писали в журнале, отпуская матерьял, а вместе с тем свои разные замечания и вопросы, в почтовый клубный ящик. (Предполагалась, но не осуществилась почему-то беседа в определенный день в неделю по поводу этого матерьяла). Беседа велась тоже самими членами, нельзя сказать, чтобы очень организованно и регулярно, да за этим и не очень гнались. Оживленной она была в буфете, чем в зале, тогда еще много продуктов можно было получить для буфета, а голод в Костроме уже давал себя чувствовать.

1-го мая 1-й клуб уже участвовал, как организация в шествии. „Среди сплошного моря знамен (пишет местная газета) выделяется изящное знамя 1-го раб. соц. клуба, с так ново и так значительно звучащим лозунгом „Культура наша“. В этот день был литературный вечер силами членов, уютная семейная обстановка так сближала всех.

Хотя уставом было предусмотрено, что общее руководство работой лежит на коллегии сотрудников, во главе которой стоит заведующая, но на деле сотрудники ограничивались только занятиями в своих группах, не дежуря в клубе, не руководя беседой и проявляя мало инициативы даже на собраниях коллегии сотрудников. Пришлось поставить вопрос об организации культ. просвет. комиссии из рядовых членов, наиболее способных и интересующихся работой. На том же общем собрании была избрана хозяйств. финанс. комиссия в помощь правлению, т. к. вопрос о средствах становился все острее. Но обе комиссии начали, как следует, свою работу только уже с осени, т. к. летний период—июль месяц вообще глухой в жизни клуба—был еще более заглушен осадным положением.

Летом, среди членов клуба была распространена анкета для учета их вкусов, запросов, отношения к клубу, а также для учета пола, возраста, занятий, грамотности. Все это было необходимо, т. к. при вступлении в клуб опроса не делалось, карточки членские были очень несовершенны, и о составе членов можно было судить только предположительно. Анкета была неудачна, во-первых, в виду своей

громоздкости, а главн. образ. неудачного для ее распространения времени, если уже не говорить о слабом заполнении всех анкет вообще. Поступило только 100 ответов при 1000 членов. Все же свед. были обработаны в диаграммах. Анкета дала такие выводы:

- 1) Состав в подавляющем числе рабочих, женщин $\frac{1}{3}$ всех
- 2) Из женщин преобладает молодежь.
- 3) Интерес наблюдается прежде всего к газете, к книге, и искусству, затем к лекции.
- 4) Мужчины почти все с высшим образованием, из женщин есть со средним (сельские учительницы).
- 5) Посещаемость в среднем раза 2—4 в неделю у каждого.
- 6) Как на причину редкой посещаемости указывалось на занятость семейными делами и обществ. работой.
- 7) Из понравившихся лекций отмечались главн. образ. ближе имеющие отношение к текущему моменту.
- 8) Как на желательные указывалось на лекции по ист. рев. движ. во всех странах, а также на литературные.
- 9) Как на недостатки лекций, указывалось иногда на недостаточную популярность, иногда на отсутствие конспектов, указаний литературы по лекции.

10) Предпочитались лекции отдельные, законченные, с беседами и конспектами.

11) Из понравившихся книг указывались более всего Андрей Кожухов, Овод, вообще революц. агитац. беллетристика и Горький.

12) Заниматься большинству лучше в клубе, чем дома.

13) На вопрос, чего не хватает в клубе, указывается главным образ. молодежью, на струнный оркестр. Один только чудаков пишет: бутербродов с ветчиной и пр. и пр.,—идет длинный перечень таких вкусных вещей, о которых в наше время говорить „не принято“.

14. На вопрос, довольны ли постановкой дела в клубе,—были ответы: „ожил душой“, „как переродился“, „заведующая идею ведет правильно“ и пр. и пр.

Об отношении к клубу со стороны т. рабочих можно было и без анкеты судить: строго следят за установленными порядками, вводя нового члена с гордостью (как дело своих рук) показывают ему все. Вот идет рабочий, за ним несколько женщин, верно вся семья. Как он переходит от портрета к плакату, от лозунга к диаграмме и обстоятельно объясняет. В клуб стремятся все—вышло как то само собой, что он не стал узко политическим, а рядом с развитием политич. сознания, чувства общечеловечности, с приобретением навыков к коллективной работе,—уделяется много внимания и индивидуальным склонностям. Пусть каждый найдет себе в клубе занятие по душе,—в этом залог успеха работы. Клуб с первого месяца стал центром всей и не только культ. рабочей жизни, каким то справочным бюро, адресным столом, биржей труда, всем, всем. Надо человека,—звонят в клуб. Надо справки—самые разнообразные—тоже. Надо сообщить какую нибудь вест, радостную печальную ли, будет то занятие важного пункта красной армией или смерть товарища—в клуб. Узнать последние новости—тоже. Присутствие в клубе партийного комитета, дежурства в нем членов

и партийные собрания,—все это привлекало в клуб еще более. Только возникший осенью дом коммунистов отвлек массу партийных товарищей и перенес партийный центр туда.

В весенний период, до летнего затишья, надо отметить еще следующее: стало уделяться много времени повседневной культурной работе. Члены клуба привлекались везде, где могли получить что—нибудь для ума и сердца.

Так лекции Поссе, Колонтай, побывавшей и в клубе, посещались усердно членами. Билеты всегда бывали в клубе. В театре отделом народного образования была дана ложа для членов клубов. На билеты устанавливалась в клубе очередь, в порядке записи. Приехала в Кострому московская опера, членам клуба были закуплены билеты, мало того — в клубе устраивались в эти дни музыкальные лекции с демонстрацией рояля и граммофона.

Приехала труппа моск художеств. театра—члены клуба были все почти на пьесе Горького, проведя накануне и после спектакля беседы. Весной занятия распределились так: понедельник—полит. экон. и лепка, вторн.—ист. общ. движ. и рисование, в среду—ист. религий и литер. группа, четв.—ист. общ. движ. и рисование, пятн.—пол. экономия, литерат. группа и собрание библ. совета, субб.—ист. религий и хор. Уроки музыки во время до открытия клуба, 2 раза в неделю, засед. правления—воскресенье днем.

Еще в начале июня посещаемость держалась на 136 челов. в день. Состав членов к 5 июля отмечен такой; 729 м., 247 ж., всего 976 человек.

К 18 июля посещ. упала до 82 чел в день, число членов в это время 1005 чел.

Во время осадного положения наблюдалось как будто оживление в библиотеке. В это время в библиотеку поступило порядочно книг после ликвидации о-ва трезвости, а также 1536 р. с копейками. Это пожертвование со стороны такого учреждения, указывает на то, что клуб считался центром культ. просв. работы.

Обрисовав общую картину первого периода работы 1-го раб. соц. клуба—с 12 марта по 12 июля, придется перейти к отдельным сторонам клубной жизни и осветить их. Так вопросы: 1) о лекциях 2) о беседах и чтениях вслух, 3) о собраниях, 4) о журнале и дневнике, 5) о роли заведующего, правления, ревиз. ком., 6) о работе коллегии сотрудников, 7) о праздниках в клубе, 8) о библиотеке, 9) об учете клубной работы.

Попутно м. б. придется коснуться еще ряда вопросов: широка и разнообразна клубная работа, и только в процессе ее можно натолкнуться на новые виды и методы. А не искать их нельзя. Ведь культура есть совокупность методов и подходов к жизни, кот. каждый класс усваивает. А нам надо строить нашу классовую культуру, кот. с уничтожением классов станет общечеловеческой.

Лекция в клубной работе занимает, конечно, свое место, но только постольку она ценна, поскольку сопровождается беседой, поскольку вся аудитория живо обсуждает тезисы и отдельные

вопросы, поскольку лекция толкнет к изучению данного вопроса путем чтения. Лекции популярные, захватывающие аудиторию, сопровождаемые конспектами в виде определенных положений, указаниями списков книг, имеют большое значение. Если лекции систематические, важно чтобы каждая была законченной, т. к. клубная аудитория всегда в своем большинстве текучая. Привлечь широкую массу на лекцию можно путем не только объявлений, но вывешиванием конспектов, плакатов на данную тему.

Вот лектор по астрономии идет по клубу в руках с книгой, останавливается среди маленькой кучки и показывает картинку. Через 2 минуты вокруг него толпа, вопросы, беседа. Успех его лекции в день, которой он тут же с общего согласия назначает, обеспечен. Вот на стене клуба появляется атлет с гирями в руке,—можно надеяться, что на назначенную тут же лекцию по физической культуре придут.

Чем лекция ближе к жизни, чем больше практического можно вынести, тем больше интересуется она.

„Немудрено, что петроградский пролетариат с восьмушкой хлеба духом не падает“, рассуждают наши клубисты: „когда в его среде такие работники“. Это говорится по поводу доклада приехавшего из центра товарища, ярко обрисовывавшего разные стороны экономической жизни, сделавшего практические выводы.

Чтобы лекции удовлетворяли членов, надо вносить больше разнообразия. От физики к музыке, от доклада по текущему моменту к лекции по физической культуре и пр., конечно все в системе и в связи одно с другим хорошо, если темы намечаются самими членами.

Как уже было отмечено, в 1-м рабоч. соц. клубе вначале устраивались лекции по общественным вопросам: полит. экон., социализм, ист. общ. движения, история религии. Лектора были, преимущественно, коммунисты. В процессе работы ясно стало, что приглашение иначе мыслящего товарища оживляет иногда лекцию, вызывая больше прений,—стали приглашаться и непартийные. Коллегия сотрудников на одном из заседаний признала весьма желательным „приглашение лекторов всякого социалистического течения, поскольку он не будет касаться политических вопросов“. Впрочем и в последнем случае мог быть только намечен оппонент, что и практиковалось.

От тем по общественным вопросам через несколько месяцев перешли к темам чисто научных: был прочитан популярный курс астрономии и физики. И те и другие лекции сопровождались демонстрациями теневых картин, последние еще и опытами. Надо было видеть, как суегились публика, завешивая окна, в ожидании лекции. Было постоянное ядро слушателей. После лекции надолго затягивалась беседа. Иногда приносился прибор, и с улицы долго разносился шум голосов товарищей, смотревших на звезды. Даже был грех с троими: во время военного положения в кутузку попали, на звезды то любясь. По окончании курса по астрономии была попытка со стороны лектора привлечь слушателей в кружок любителей астрономии при научном обществе. Она не увенчалась успехом,

т. к. только в стенах своего клуба, где так свободно дышется, где каждый сам хозяин и работник, клеится работа. Лектор по физике всегда ходил по клубу, окруженный толпой. Надо еще сказать, что если лектора видят в клубе только в определенный день и час, никогда его лекции не будут так многолюдны и интересны. Коллегия поставила строгое условие всем лекторам заглядывать в клуб чаще и вести беседу подготовительную к лекции, вывешивать плакаты и конспекты и пр.

Читался в клубе длинный курс по истории цивилизации. Тут фигурировала главным образом географическая карта.

Лекции слишком научные, особенно если лектор не может связать их с жизнью и иллюстрировать опытами не пользовались успехом, так напр. лекция „Научный взгляд на строение вещества“. Очень большим успехом пользовались лекции по литературе. Тут также был, уже во 2-й раз, прочитан целый цикл. Важно бы сопровождать такие лекции устройством праздников, посвященных этому писателю или теме его произведения.

Доклады по текущему моменту, устраиваемые раз в неделю, всегда повышали в этот день посещаемость, но опять таки беседа, живой обмен мнениями необходимы и тут. Нельзя сказать, чтобы всегда товарищам удавалось добиться от аудитории критики, замечаний, вопросов. Живее всего пожалуй проходили доклады на религиозные темы. Тут привлекали путем раздачи бесплатных билетиков темную массу, не обходилось дело без диспутов. Вот две старухи из сборной при самой большой Костр. ф-ке. „Что, до старости дожила и хлопаешь? Безбожница!“—„Ну и что же, вот устряпаюсь завтра и пойду... думаешь в церковь? Нет, на митинг“, режет старуха.

С большим интересом слушались лекции философские, напр. „о смысле жизни“, о толстовстве. Рабочие выступали оппонентами, как марксисты. Для этого в перерыв соединялись группкой и обсуждали, как связнее и толковее отстаивать свои взгляды,—ведь в тот период, когда развилась лекционная разносторонняя клубная работа, товарищей „передовых“, развитых, партийных уже в клубе было мало. Они заняли все какой-нибудь ответственный пост, разошлись частью, и активными работниками выступила уже сырая масса.

Такие темы, как „Роль земледелия в народн. хозяйстве“, с демонстрацией ярких диаграмм, привлекали немного желающих, но зато интересующихся глубоко. Тоже можно сказать и о лекциях специальных (черчение, пчеловодство и пр.). Лекции с совершенно новым содержанием, на необычные, я бы сказала, для рабочих темы, как напр. лекция о физической культуре, по музыке, о живописи и пр. вызывали большой интерес.

Брались темы и очень близкие к жизни, темы вопроса дня, так напр. „Продовольственный вопрос и современные задачи кооперации“. Нечего и говорить о самом живом интересе к ним. Во все дни, отмеченные каким ниб. политическим событием, в клубе делались доклады—иногда это было частью целого концерта-митинга, так в день парижской коммуны, Розы Люксембург. Если можно на-

звать концертом исполнение хором революц. песен, согласно смыслу речей. Лекторами приходилось пользоваться главным образом от просветительной комиссии университета, мирясь с тем, что темы далеки часто от жизни, не всегда доступно изложены.

Клуб составлял список желательных тем, лекторов просили быть ближе к жизни, к неподготовленной массе, делать лекции не длинные, беседу обязательной. И не очень строго относиться к аудитории клуба, которая никогда не может сравниться с аудиторией университета или какого ниб. театра, куда люди уже определенно приходят слушать. В клубе же часто не знают, идет ли лекция, а главное вновь пришедшие, люди часто еще ничего не знающие, не могут дать себе отчета, хотят ли они слушать, поймут ли, надо ли это им. Или не желая даже слушать, заинтересовываются невольно.

„Это не клубная жизнь, когда устраивается лекция и надо сидеть чинно, смиренно и слушать по размеренным промежуткам времени искусственную речь лектора. Здесь нет непринужденности, нет элементов свободного социального общения. Конечно, в клубе место для хорошей лекции, но ошибочно думать, что сидение на лекции есть форма клубной жизни. Клубная жизнь допускает лекции в форме небольшой речи и последующей живой беседы, для чего отнюдь не обязательны тишина и порядок во всей зале. Пускай эта беседа—лекция соберет около себя живую группу, а шумная, местная, непринужденная жизнь клуба будет идти своим чередом. Самое главное в организации клубной жизни именно ее непринужденность, она располагает к себе широкие слои трудовых классов, и так уже достаточно скованных дисциплиной труда. М. б. большинство клубов и влачит такое жалкое существование именно потому, что организаторы не сумели уловить своеобразные черты клуба, живущего своей особой жизнью, требующей иных методов и приемов нежели те, к которым мы привыкли в обычных условиях трудовой повседневности“. (Петров. народные клубы стр. 11).

Рядом с лекциями устраивались чтения с фонарем, каких ниб. литерат. произведений, мысль о них возникла таким путем: в 2—3 клубах очень много молодежи, не интересующейся серьезной работой, надо их чем ниб. занять. В 1-м клубе слушала далеко не одна молодежь, а положительно все присутствующие. Первый раз читалось произв. Некрасова „Мороз красный нос“: Даже такая известная всем вещь вызвала самое хорошее отношение. Когда же, помнится, читалась „Майская ночь“ Гоголя, было, наверно, до 400 челов. К сожалению мало тeneвых картин, и приходилось читать не что хочется, а что есть. Читающие выделялись из членов клуба. Бывали вступления, напр. об авторе и пр. Одно время чтениями с фонарем увлекались в клубе очень, потом они уступили место чему то другому.

Беседа—соль клубной жизни. В первое время кажется, что беседа должна вестись каким то определенным человеком: заведующим, специальным лектором и пр. Опыт учит, что это невозможно в клубе каждый член-беседчик и в этом, главным образом, и проявляется, его самостоятельность, и вкладывается его часть в общую

работу. Ничто не вносит столько оживления в клубную жизнь, сколько беседы. Ни в чем ином не может проявиться индивидуальность каждого члена так ярко, как здесь. Ни на чем ином не научится он выступать самостоятельным работником, уметь оформить и высказать свои мысли, смело отстоять свои убеждения. Беседа по поводу лекции в связи с прочитанной книгой, по поводу распространяемой анкеты, беседа у плаката, у вывешенного объявления, у списка кандидатов беседа с „подпирающими стены“ новыми впервые вошедшими членами о клубе, с неграмотными женщинами, неисчерпаемые беседы вокруг газет. Да разве переберешь все виды клубной беседы!

С беседой тесно переплетается чтение вслух. Есть неграмотные, часто из-за какого то ложного стыда скрывающие это, много людей, не умеющих бегло читать, у которых процесс чтения отнимает возможность понимать читаемое, у большинства—неуменьше читать газету, расбрасыванье. Наконец многим не хочется взяться за чтение—скучно. Против всех этих бед—чтение вслух. Увлекутся неграмотные, с живым интересом слушают малограмотные, войдут в общую кампанию и скучающие за чтением. И тут не нужен опытный руководитель—беседа идет сама собой, всегда среди рабочих найдутся могущие осветить правильно, с точки зрения рабочего класса и его партии, тот или иной вопрос. Высказываются интересные, глубоко жизненные мысли, приводятся в пример факты. И нам, старым партийным работникам, часто есть чему тут поучиться. В беседе намечаются вопросы, на которых бы хотелось более остановиться, поглубже с ними познакомиться, осветить их, обладая знаниями. Тут возникает сама собой потребность в той или иной лекции,—и слушателей будет достаточно. Часто из чтения, беседы возникает практическая работа. Вот читается статья „Война народной темноте“. Завязывается беседа о привлечении интеллигенции,—отсюда практический шаг. „Учащиеся собрались поговорить о той работе, какую они могут вести в клубе. Присутствовало 30, из 34 зарегистрированных в этот день. Решили создать ряд групп: для занятий с неграмотными, подготовке газет для чтения, для бесед и подготовки к ним, комиссию по организации дежурств и пр. Выбрана комиссия, которая присмотрится ближе к работе, выяснит, в чем острая потребность, как к работе приступить“. Потом возникли группы для беседы с неслушающими чтение, для занятий умеющих играть на инструментах с неумеющими, группы для составления плакатов о событиях каждого дня, для выполнения технических работ (переписка, составление объявлений и проч. и проч.). И учащиеся стали чувствовать себя в клубе хорошо.

Много бесед велось в 1-м клубе вокруг рассказов М. Горького. Был у нас в клубе священник—его всегда можно было видеть окруженным членами. Даже неграмотные женщины выступали оппонентами. Мне особенно вспоминается одна беседа—после рассказа Короленко „Чудная“. Образ девушки-революционерки, образ растерявшегося, не знающего, как разобраться в происходящем жандарма как бы стоял перед всеми нами. Так задушевно, так

искренне, вероятно, редко говорят люди, как мы в тот вечер. А вот читается маленький рассказ „Жизнь—борьба“...

„Темно-синим бархатом стелется глубокое небо... Бледная луна льет на землю серебряное сияние... Мир—словно заколдованный“... Мы сидим тоже, как заколдованные, стих глубоко прочувствованный голос читающего.

...„Сны—светлые лучи—витают над землей. Звезды—горячие прозрачные слезы—смотрят на нее с тоской... Черные тени ползут со всех сторон“... Смотрю на товарищей—ясные лица, все они там всей душой с этим юношей, которого гнетут мрачные стены тюрьмы.

„Зиме. Лачуга на окраине города. Белым саваном покрыта земля. Качаются голые сучья, мертвыми ветвями стучась в окно“... Движение. Все как бы по какому знаку, передвигаются,—глубже усаживаясь, так чувствуется общее настроение у всех. А ведь наша задача, не только развивать, давать знания, но и воспитывать чувство общечеловечности, объединять общими переживаниями. Наша работа—воспитание чувства, энтузиазма в борьбе, воспитание воли, потребности забыть свои мелкие интересы во имя великих общих интересов класса.

Кроме чтений, бесед, члены клуба привлекаются к самостоятельности через общие собрания. Тут разрешаются практические вопросы всей работы, заслушиваются и обсуждаются доклады по принципиальным вопросам, по текущей работе. Общее явление плохая везде и всюду посещаемость общих собраний. 1-й клуб боролся с этим таким путем. 3-го окт. перед общим полугодичным собранием было создано „летучее собрание“, т. е. созданы все, кто был в данный момент в клубе. Обсуждали вопросы, которые должны быть поставлены в порядок дня на полугод. собрании. Этот первый опыт привился — и летучие собрания устраивались очень часто, всегда экспромтом. Таким обр. все члены привлекались к работе. Жизнь показала, как это важно: мы бы не устроили такой хорошей елки в клубе, такой встречи нового года, если бы не поставили обсуждения этих вопросов на летучих собраниях. На них проводились выборы: в педагогич. советы и в др. учреждения. На них члены клуба информировались о собраниях, концертах, открытии новых групп, привлекались в консерваторию, школы, университет и пр. и пр. Эти собрания как бы совещательный орган правления. Надо отметить их непринужденность. На официальных собраниях не так свободно высказываются, не так критикуют работу. А эта товарищеская критика в клубной жизни самое ценное. Еще свободней с ней выступают в клубных органах.

В первые дни открытия клуба заговорили о создании журнала. 1-го мая вышел 1-й номер. „Комиссии было поручено из ничего сделать что-то,“ пишет один из членов коллегии: „Большинство напечатанного в журнале материала, к великому сожалению, принадлежит не тем, на кого рассчитывали инициаторы издания“. Именно потому, что хотели „сделать что-то из ничего“. Вся клубная работа возникает естественным путем, вытекает из жизни. Еще тов. рабочие, те „на кого рассчитывали инициаторы“, не привыкли к клубу, не освоились с ним настолько, чтобы решиться что-то

написать свое. И совершенно справедливо тот же член редакционной комиссии указывает в продолжении своей статьи, что эта малая самостоятельность объясняется нерешительностью, и призывает не стесняться, т. к. мы „дети одной рабочей семьи“. Позднее, когда убеждать в этом уже не приходилось, когда товарищи научились чувствовать себя в клубе, как в своей семье, возник, по инициативе самих членов, другой клубный орган, так называемый „Дневник“.

В журнале редакция состояла из интеллигенции, тут только вначале вошел один ученик, затем одни рабочие. Редакция решила не исправлять матерьяла, чтобы не спугнуть начинающих писать. Только те фразы, в которых трудно было понять смысл, немного исправлялись. А были и такие сотрудники. Чего, чего не писали в клубном дневнике! Вот статья о театре, вот заметка о работе фабр. комитета, тут письма с фронта, там стихи, посвященные междунар. пролетариату и пр. и пр. Много писалось и о клубе, критиковали работу, но больше отмечали, как много внес в жизнь рабочего клуб. Всеми как то было усвоено ясно, что можно затрагивать любую тему: один член предлагает сломать монастырские стены для кирпичных построек, другой пишет о неправильной раздаче на фабрике билетиков на обувь, третий—фантазию „Кругосветное путешествие в 20-й век“. Статья о банях, о фабричных детях, рядом—мысли об искусстве и воспоминание о мрачной дореволюционной жизни, о спорте, о работе продов. отряда. Много рассказов, еще больше стихов. Впечатления от клубных лекций, праздников, концертов. Призывы к работе, статьи от редакции, объявления, „запросы“ правлению и пр. В годовщину клуба вышел специальный номер с воспоминаниями о начале работы, с принципиальной статьей, много приветствий, посвящений.

„Сколько радости, сколько живых впечатлений выносил я из клуба“, пишет один.

„У меня раскрылись глаза, когда я вступила в 1-й раб. соц. клуб,“ рассказывает другая.

Большинство сотрудников, громадное, подавляющее были рабочие. Были и такие, что не могли сами прочитать написанное. К сожалению достать в клуб пишущей машинки мы не могли, и все выходило в 1 экзempl. Для переписки привлекались все члены,—по этому поводу была даже статья „мобилизация грамотных не на словах, а на деле“. Упрекали отд. нар. обр., что не проведена еще мобилизация грамотных и указывали на пример клуба. Дневники читались вслух, велась живая беседа. И тут само собой, без обиды для членов, исправлялось, что оставила нетронутым редакц. коллегия. Часто по поводу одной статьи беседа тянулась весь вечер. После этого замечался приток новых сотрудников. Бывали периоды, когда матерьяла не хватало, и дневник выходил то ежедневно, то раз в неделю. В заключение надо сказать, что заведующему преподнесен был „Дневник“ уже только готовым, следовательно это была инициатива членов.

Вообще о роли заведующего в клубе надо сказать следующее: заведующий, как и вся коллегия сотрудников, должны твердо помнить, что самостоятельность членов залог успеха клубной работы,

что самое главное в клубе не тащить никуда насильно, не навязывать. Коллегия сотрудников, которой принадлежит общее идейное руководство работой, первое время состояла в 1-м клубе из тех, кто собирался выступать в клубе, как лектора или руководителя групп. Затем состав ее сузился, но уже вошли люди, определенно связанные с работой клуба.

Прежде всего каждому сотруднику было предложено представить план занятий,—их подробно коснемся, говоря о работе групп. Коллегия установила твердо принцип свободного творчества, а отнюдь не школьных занятий. О лекциях у коллегии установилось определенное мнение, означенное уже раньше. Предполагали после каждой лекции делать разбор ее коллегией, как это практикуется в кружке рассказчиков. Предполагалось одно время печатанье конспектов всех лекций, читанных в клубе, затем решили оставить это до выхода сборника. К последнему собран был весь материал, о разных сторонах работы клуба, по техническим соображениям он напечатан не был. Много внимания было уделено коллегией вопросу о связи народного дома с рабочей массой.

Привлечь в народный дом широкие массы могут только члены клуба, и сам народный дом должен в своей организации приближаться к последнему.

Было составлено на эту тему воззвание, намечен ряд лекций, читать которые, предполагали члены клуба—рабочие. Говорили даже о митингах по кварталам. В связи с этим впервые возникла мысль об организации из членов клуба инструкторской группы. В то время в коллегия входили представители от всех гор. клубов. Некоторые члены коллегии возражали против той роли, которую берет на себя клуб и надо теперь сказать—отчасти справедливо опасались, что занявшись инструкторской работой, члены дадут опуститься работе в самом клубе. А инструкторской работы было не мало: губ. отд. нар. образования поручал устройство для съезда выставки, составление инструкции о клубной работе. Коллегия предполагала написать ее в виде письма—рассказа об отдельных сторонах клубной жизни. Но это не осуществилось—пришлось написать заведующей бюошюру, которая и была издана в количестве 5 тыс. экз. Устанавливались коллегией взаимоотношения с общ. народн. университетов,—клуб хотел принять самое активное участие в работе всех культ. просв. учреждений города, как организация, связанная более других с рабочей массой. Только когда коллегией был поднят вопрос об объединении в Костроме всей клубной работы, и это осуществилось—создалась и прочная связь с просв. ассоциацией нар. университета. Самой интенсивной была работа коллегии с осени 1918 г., т. е. с полугодия клуба и до конца года. Потом лектора стали приглашаться из университета, далекие от всей клубной жизни, т. к. ввиду постоянных мобилизаций своих работников стало все меньше. Руководителям групп тоже уже не были первые работники, сжившиеся с клубом с его первых дней, жизнь раскидала тех в разные стороны. И коллегия сотрудников перестала быть тесной семьей и мало по малу умирала. Она теперь уже состояла из 3—4 постоянных работников клуба и интересующихся работой членов. После

годовщины клуба коллегия реорганизовалась: теперь в нее вошли по 2 представителя от каждой группы. Жизнь показала, что при малом количестве работников возможна только такая постановка дела. Тут, как и во всей клубной работе, можно отметить то подьем, то упадок, то прилив, то отлив, и только мало по малу, путем исканий, ошибок и учета каждого шага наконец находится верный, по крайней мере, для данного периода работы, путь. Работа в клубе выливается все в новые и новые формы, и не понимает задач клуба тот, кто будет плакать по утраченном. Клуб—сама жизнь, все—движение, все порыв вперед, искание новых форм, проявление творческой активности.

Углубляется клубная работа, окончательно развивается самостоятельность, намечаются и вырабатываются рабочие таланты в группах. Чем больше в клубе групп, тем лучше. От того, как они возникают, зависит успех их работы. Видели мы в своей длинной практике и группы, возникшие по настоянию одного-двух человек, и группы, как то случайно всплывшие на поверхность клубной жизни; об одних делались доклады и велась за них агитация, другие возникали по инициативе группы членов.

„Интересуясь работой клуба я решила побеседовать с вами“ пишет мне девушка-работница (очевидно писать ей легче, чем говорить).

„Я заметила, что многие девушки скучают, я много беседовала с ними. Одни не привыкли читать, их надо приучить, доказать им, что книга—лучший друг человека. Другие не могут просидеть в клубе 3—4 часа без дела. Я предложила бы устроить рабочую комнату для желающих работать женщин, и мы решили во время занятий устраивать поочередно чтения вслух. Тогда мы все девушки сможем посещать клуб, не будем скучать в бездействии, а будем учиться и работать. Найдутся из нас те, которые окажут помощь неумеющим, найдутся и сведующие в литературе люди и постараются пристрастить к книге. Пусть члены клуба смотрят на него, как на трудовой дающий нам познания очаг, пусть из нас будет не толпа скучающих людей, а сплоченная семья, стремящаяся к знанию и труду“. Вот пример самостоятельности членов, вот эта группа не умрет. От заведующей тут требуется только, чтобы комнату дала, от сотрудников—чтобы литературу для чтения выбрали.

Как уже было указано, с первого месяца работы 1-го клуба была группа по рисованию. Собиралось от 20—35 чел., с увлечением просиживали по целому вечеру. Особенно нравилось рисование на заданную тему. „Рисуйте на тему жил-был старик со старухой у самого синего моря“, скажет руководитель и больше ничего. Даже жарко станет, вот перед тобой бумага, уголь в руке, делай, что хочешь. А вот именно, что хочешь то делать мы и не привыкли, самостоятельности то этой, мысли то полета у нас и мало“. Так рассказывал мне рабочий под 40 лет про первые уроки. Очевидно цель занятий, не научить только рисовать, и даже не только разбудить может быть талант и толкнуть его на упорную и серьезную работу в этой области,—еще задача—развить эту самую самостоятельность, что забивалась до сих пор у рабочего, учить его

хоть сначала на этом, творить, проявлять себя, свое „я“. Руководителем группы—уже несколько месяцев спустя после начала работы (и это вполне естественно,—учит больше всего опыт) был представлен план работ, вполне коллегией одобренный. Работа все развивалась, вот уже группа—сократившаяся, правда, количественно, пишет декорации и приступает к коллективному творчеству новой пьесы из жизни революционеров. Вытащены „Революционные профили“, „Андрей Кожухов“, группа занята чтением, обсуждением. Затем появляются первые опыты. Но тут октябрьские торжества отнимают у группы руководителя, и долго не распадается еще она, мечтая подыскать другого. Но нет работы—нет и связи. И вот группа мало по-малу распадается.

С первых же недель работы клуба возникла группа по лепке. Ни в одной, кажется, группе не было столько оживления, как здесь. Смех, молодые голоса (в этой группе была преимущественно молодежь), как будто бы только веселье. Но нет! С двух уроков появляется бюст Наполеона, сразу выделились уже определенные способности. Сколько принуждения, сколько творческой фантазии было в этой работе. Но вот молодая руководительница, живой увлекающийся человек, ушла заведующей в красноармейский клуб, и был приглашен „опытный“ учитель. Вот его план работы, представленный в коллегию: сначала предметы из прямых линий с таблицы, линии полукруглые, затем перебор частей человеческого тела, в каком порядке в лепке они должны идти. Вот этими „прямыми и полукруглыми“ этими „порядками“ и было убито что-то живое. Напрасно коллежка указывала, что преподавание лепки рабочим—дело новое (намека на то, что даже самому опытному руководителю не мешало бы поучиться у жизни), что клуб ставит целью не только научить лепить по всем правилам, но и расширять кругозор учеников, развивать и пробуждать в них инициативу.

Указывали напр, что взрослые выучиваются часто рисовать не с линий, а с того, что подсказывает им их творческая фантазия. Специалиста даже могут оскорблять эти первые произведения, но они дороги человеку, понимающему всю ценность свободного труда.

Группа лепки распалась, просуществовав 4 мес. и более не возобновлялась. М. б. еще и потому, что другие группы привлекли молодежь, да и время уж такое, что к спокойной работе не располагает. Групп неграмотных возникла таким путем. Устраивалось „летучее“ собрание. Один из членов тов. Зафран, самый активный сотрудник клуба, человек из тех, которые не живут, а „горят“, (теперь почти наверное уже—убитый на фронте, куда отправился добровольцем работать в летучем клубе),—предложил заниматься друг с другом грамотой. Мысль эта очень понравилась, и уже на другой день набралась группа неграмотных женщин. Тут же приступили к занятиям. Эта группа существовала полгода, не распадаясь ни на 1 день, и будет после месячного летнего перерыва существовать опять. Сначала занималось с ней 4 человека, чередуясь. Но когда учащиеся перешли в большинстве в клубы подростков, когда была открыта школа-коммуна, а более старшие, посту-

пили в народ. университет, — остался только один руководитель, уже платный.

С группой малограмотных дело обстояло хуже. Она несколько раз организовалась, начинала хорошо работать, распадалась, возникала, при другом составе. Это объясняется тем, что слишком широка область знаний для малограмотных. Там: знай—учи азбуку. А тут не знаешь, за что и взяться. Надо очень опытных руководителей, чтобы дать уставшему, взрослому человеку в недолгие часы его досуга общие и необходимые знания по разным отраслям науки. У нас же занимались сами члены, имеющие уже другую работу, которая не оставляли им места для подготовки. При том совсем неопытные, т. к. кроме учащихся, интеллигенция у нас в клубе почти все время отсутствовала. Но все же потребность в знании, общем развитии так велика, что, несомненно возникновение с осени этой группы опять.

Группа исполнителей подготовительная как бы к драматической. Она возникла из хора, из „летучих“ концертов, из кружка декламаторов. Ее руководитель и вдохновитель, тот же дорогой погибший товарищ, ставил очень большие требования. Вдумчивое отношение, работа над своим развитием, аккуратное посещение собраний. Разбирали литерат. произведения, отдельные типы, идею, давали каждому возможность прочувствовать то, что предстоит исполнить. Тов. Зафран „горел“, ему все было мало, частично и поворчат на него товарищи, но если нет его в клубе—ничего им не идет на ум. При коллективной работе большую роль играют такие отдельные искорки, огоньки, которые зажигают и остальных, рожают тот энтузиазм, который скрашивает так всю работу. Наша группа исполнителей ставила, по просьбе товарищей, ряд концертов по другим клубам. Пели без нот, но, благодаря редкому слуху руководителя, это не всегда даже было заметно. Скажу кстати, что этот товарищ скрашивал нашу жизнь своей музыкой, он творил, по слуху играл целые арии. А главное верил, верил всем своим молодым существом в победу рабочего класса. Клубная работа—работа всех, но когда выделяется из своей среды руководитель, вкладывающий в нее всю свою душу,—он является тем путеводным огоньком, который ведет вперед других.

Группы музыкальные в клубе шли не важно. Был оркестр, составленный из учащихся, инструкторов пехотных курсов и печатников,—тех у кого были свои инструменты, т. к. достать последние было почти невозможно. Играл оркестр на наших праздниках, спектаклях, но в общем он как то не слился со всей работой, как то больше пользовался только помещением клуба, хотя весь состоял из членов его.

Группа по обучению на рояли сначала состояла исключительно из рабочих (6 челов.) это было летом, когда стояли фабрики. Началась работа—и пришлось рабочим мало по малу отходить, вошли ремесленники и учащиеся (12 ч), затем группу закрыли, за неимением средств в клубе, а главное потому, что при больших затратах обслуживался такой ничтожный % членов,—что вызывало много неудовольствия у остальных. Делать уроки вечером, когда

открыт клуб, негде, днем же рабочие не могут. Возникла группа сольного пения, но дело ограничилось только записью,—опять таки днем некому, а вечером негде заниматься. Мы ждали музыкальной школы для взрослых и консерватории, куда и перевели своих музыкантов. Была запись на занятия на мандолине и гитаре, но инструментов не нашли. Хор сначала не налаживался, пока был руководителем, разучивавший по нотам легкие песенки. Бывало, что придет он—а желающих петь и десятка не набирается. Помимо же уроков, каждый вечер заканчивается хоровым пением. Поют с удовольствием, с увлечением, когда из своей среды выделяется человек, могущий аккомпанировать, управлять хором.

Спортивный кружок сначала был очень многочисленный чел. 60, он стал ядром Костр. о-ва спорта. Ушли руководители, вся остальная масса осталась, как овцы без пастыря. Людей же сведущих в вопросах физической культуры так мало, что даже в день спорта не нашлось докладчиков по клубам.

Возник шахматный кружок из учащихся. Была группа для политич. беседы с женщинами, группа для чтения вслух, группа чертежная (очень малочисленная главн. образ. из-за редких посещений руководителя). В февр. открылась переплетная мастерская, устроили беседу о бумажном голоде, о необходимости беречь книги. Начали заниматься с интересом, но когда подготовилась одна группа в 12 чел., желающих вновь не находилось. Да особенно их и не привлекали: надо было вести спешную работу по переплету, учить было некогда, работали специалисты-инструктора днем. Переплетная была устроена совместно правлением 1-го клуба и агитпросвет. губвоенкома Средства были последнего, и мастерская в конце концов была взята туда, с обязательством переплести все книги 1-го клуба. По инициативе курсантов образовалась группа желающих заниматься иностранными языками. Заведующей определено был поставлен вопрос о цели, чтобы эта работа, требующая м. б. ряда лет, не была пустой тратой времени. Цель группы записавшимися указывалась такая: для инструкторов важно знать хоть немного языки на фронте, для поступивших в высшую школу важно для занятий. Группа была организована, занятия велись 3 раза в неделю, сделаны были успехи.

„Сamarade, fumes tu?“ с чувством глубокого удовлетворения обращается курсант к другому. На стенах клуба появились бумажки с надписями на франц. языке. Учительница была опытная, с первых уроков повела разговор. Не хватало, т. е. почти не было совсем руководств. Когда были высланы на фронт курсанты, остальную часть группы перевели заниматься в университет. Были в клубе кружки самообразования, под руководством опытного человека, заведующего клубной библиотекой. Намечены были темы: 1) как произошли суеверия и предрассудки, (читали Рубакин „среди тайн и чудес“) 2) как борется человечество с нуждой и лишениями (Маркс, Энг., маниф. комм. партии и Бухарин „прогр. коммунистов“) 3) как создавалось государство и его роль в будущем (Ленин „Государство и революция“). Занятия велись очень успешно, вышли подготовленные работники, жаль только, что кружок очень замы-

кался. Это давало возможность участникам свободнее высказываться, но лишало других удовольствия слушать. Принимать новых членов было неудобно, т. к. у старых—уже одинаковая подготовка. Условия момента диктовали необходимость, кроме политич. бесед и докладов, создать группу политического воспитания. Мне казалось, что цель занятий—подготовить возможно большее количество членов к агитации среди широкой рабочей массы, дать хотя элементарные знания, освещения вопросов текущей работы и умение вести эту агитацию. Те товарищи рабочие, которые вели раньше политич. работу на фабрике, ушли на ту или иную ответственную советскую работу, или на фронт. Теперь надо работать каждому сознательному рабочему, вести агитацию тут же за станком. Товарищ же, делегированный партией для ведения работы, смотрел на нее иначе: он думал создать нечто вроде курсов, с постоянным составом. Но чтобы организовать курсы—надо снять с работы и дать возможность уже только заниматься. После 3—4 последовательных общих бесед на политические темы, вышел перерыв из-за отъезда товарища, а затем почему то эти занятия не возобновились.

Драматическая группа возникла из литературной. Руководители ее все время менялись. Состав группы зимой был такой: рабочих 9 (1 м. и 8 ж.), конт. служ. 7 (6 м. 1 ж.), учащихся 11 (7 м. 4 ж.), ремесл. 2 м.,—всего 29 человек. Конторщики фабр. те же рабочие, след. на 18 рабочих приходилось 11 учащихся. Несмотря на это возникли трения (это был единственный случай во всей клубной жизни за 1½ года) между рабочими и учащимся, ставили на вид режиссеру его большое внимание к ученикам. М. б. тут действительно была вина режиссера, ведь приходилось иметь дело с человеком, мало знающим рабочих. А м. б. просто неумение подойти, главное же желание поскорей срепетировать,—сыграть, и к новой пьесе. Тут понятно с учащимися дело должно идти скорей. Наша же задача—не постановка частых спектаклей, не интересны нам они, как не интересно пикиканье человека, впервые взявшего в руки гармошку. Рабочих не удовлетворяла такая работа, им хотелось учиться. На одном из заседаний коллегии сотрудников был принят такой план работы: 1) искусство изящного слова—объяснительное чтение драматич. произведений с руководителем, декламация драмат. отрывков, считка пьес. 2) искусство красок и линии—изучение декоративного рисования грим, создание проектов декораций, костюмов, изучение драматич. альбомов и т. д. 3) искусство движения и игры мускулов—изучение ритмической гимнастики, сценической пластики 4) искусство сценич. эффектов, которое достигается изучением приборов, употребляемых на сцене.

Группа постановок включила в свою программу лекции подобрала однородный состав из рабочих, поставила 3—4 спектакля. Рядом возникла другая группа, занятия с которой начал И. П. Беляев, затем вел их уже регулярно А. Д. Попов.

„Драматическое искусство, как и всякое другое, требует большого изучения и работы. Напрасно многие думают, что играть на сцене легко: стоит только выйти и громко доложить свою роль. Все кто хочет попробовать свои силы, должны относиться к люби-

мому искусству серьезно и вдумчиво играть“, пишет он. И рабочие вполне разделяли эту точку зрения. Но так учиться людям занятым трудно, и нельзя сказать, чтобы все одинаково серьезно работали. Теперь, когда в Костр. возник Пролеткульт, эта работа будет вестись в его драмат. студии.

На одном из клубных плакатов читаешь: „несите свои знания в темную массу“. Это—цель нашего собственного просвещения. Учиться, чтобы передать свои знания другим, прочувствовать самому всю радость совместной коллективной работы, чтобы дать понять это товарищам. Закалить свою волю, чтобы сделать сильными и других. Вот о чем думает каждый сознательный рабочий в великий решительный исторический момент последней схватки труда с капиталом. Понятно, что мысль о создании инструкторской группы была встречена больше, чем сочувственно. Эта работа была настолько новая, так много творчества проявили здесь члены, так разнообразны были ее занятия,—что придется уделить ей особое место.

Вот группы, которые существовали в 1-м клубе за 1½ года работы.

Наш опыт—не надо гнаться особенно за специалистами, важней иметь всесторонне развитых людей, проникнутых принципами клубной работы, чутко прислушивающихся к каждому проявлению живой—мысли, творческого порыва рабочих.

Надо остановиться еще на наших клубных праздниках. С первых же дней работы стали обсуждать, какие литературные вечера можно в клубе устраивать. Мы настаивали, что на определенные темы, другие находили это мало осуществимым. Первый наш вечер был смешанный. Когда закончилась программа, составленная из живых, картин, пения, декламация и пр., стали выступать сами члены клуба. Вот выходит товарищ с Аристовской мельницы, старый уж человек и начинает полудекламацию полуинсценировку, и помахивая тросточкой, изображая пробирающегося на свидание паренька. Пошло скажут м. б.? Нет, это было так просто, так он это юмористически передавал, и такая товарищеская интимная обстановка была кругом, что все искренне смеялись. Вот выступает какой то молоденький товарищ с декламацией. Забыл... смутился. Из переднего ряда оборачиваются ко мне: „подскажите“. Я по счастью знала продолжение, и быстро все наладилось.

„Это был первый праздник“, где играли, пели веселились, кто как хотел и как мог, пишет одна из членов клуба.

Много писали товарищи о вечере в день полугодовщины клуба. „Наш дворец в этот день был полон музыки. Она была и в лучших произведениях лучших композиторов,—и в мощных, призывных звуках песен революции, песен социализма, и в осенних цветах и листьях, украшавших стены нашего дворца, и в задумчивых лицах корифеев человеческой мысли, труда и творчества, любовно из дали прошлого и вечного будущего смотревших на нас со стен. Она была и в радостных улыбках собравшихся на скромный праздник социализма.. Она была во всем эта музыка: музыка звуков, музыка слов, музыка мыслей, музыка красок, музыка цветов, музыка сердца!.. пишет один из членов клуба.

Вот, что пишет работница: „были исключительно почти наши рабочие, лица у всех оживленны и веселы, и в каждом сердце билась трепетная радость. Они с улыбками обводили любящими взорами все предметы, их окружающие, чувствуя себя творцами—властелинами работы клуба. В этом милом здании мы проводим лучшие дни нашей жизни, отдыхая и участь тому, чего мы раньше не знали и не видели“.

Бывают дни, которые неизгладимо остаются в душе. Таким был для членов 1-го клуба один из дней октябрьского праздника. В клубе был концерт моск. артистов. Мощно раздаются звуки интернационала. Торжественно величественно звучит музыка Гуно... Вот большой малютка грезит лесным царем (Шуберт).. Бодрым призывом звучит песнь Клерхен (Бетховен).. Нежная ласкающая колыбельная песня.. Вот чудная баллада, полонез (скрипка).. А вот то замирающий вдаль, то звенящий как бы над ухом колокольчик (рояль). Вот рассказ старухи Изегриль под рокот моря. Вся эта волна переживаний, это море звуков приковывает, чарует... забываешь, что часы летят, что в клубе нестерпимая духота.. Все полны одними чувствами, одними переживаниями. Настроением слушателей заражаются и артисты — они исполняют по 3—4 раза подряд, все лучше, все задушевней. Одна из работниц благодарит артистов за то редкое удовольствие, которое они доставили рабочим, так мало наслаждавшимся до сих пор музыкой. Заведующая просит принять на память о клубе то, что дорого всем его членами—издания клуба и снимки с него. Артисты благодарят за то понимание искусства которое так отрадно для них. И долго не расходятся члены клуба, сначала показывают его артистам, рассказывают о работе, потом оставшись одни, тесно усаживаются и время летит незаметно за приветствиями и речами. Как поднимает музыка над будничной жизнью, как она роднит всех общностью переживаний. Кстати скажу, что в это время было такое стремление в клуб—в 1 день как то записались 60 челов., из них 1 учащийся, несколько фабр. конторщиков, остальные текстильщицы.

Устроили на Рожд. для детворы елку.

Полно..

Позвали к роялю, предложили спеть. Зазвенели тоненькие голоса: „Ах зачем, зачем я вам, миленькие дети“? выводит крошечная птичка. Хор дружно подхватывает. После пения один из товарищей обратился к детям с небольшим рассказом, содержание которого, идя домой, маленькие 4 летн. слушатели—по словам матерей—передавали так: „был царь, ничего нам не устраивали, теперь „при новом правле“ елки устраивают, о нас заботятся“. После, рассказа дети вызывались сами декламировать, и так охотно, что едва давали кончить предыдущему. Вот зажгли елку Большая, упирается в потолок. Сколько на ней электрич. лампочек!

Идут дети под звуки марсельезы вокруг елки, притопывая маленькими ножками, а один из отцов говорит: „вот посмотрели бы белогвардейцы, какая еще рать борцов за нами идет“.

Перед новым годом на „летучем“ собрании решили подготовить общими усилиями все нужное для встречи нового года. По инициа-

тине некоторых товарищей выделились члены, чтобы отправиться с санками в деревню за продуктами, чтобы сделать буфет праздничным, другие—за елками для украшения клуба. С утра 31 дек. клуб был оживлен: кто стряпает, кто украшает. Вечером был своими силами литерат. вечер: спели интернационал, после речи заведующей началась декламация, читались приветствия от других клубов, редакционная коллегия „Дневника“ познакомила членов с новогодним номером на обложке которого были нарисованы земной шар с надписью, „пролет. всех стран соединяйтесь“, громадные часы, стрелку которых тянут: назад священник, буржуй, чиновник, полицейский, вперед—пролетарии всех стран: длинная цепь—татарин, армянин, поляк, еврей, русский и пр. и пр. Играл свой оркестр. Тов. Зафран читал свое стихотворение, посвященное клубу. В 12 час. начинаются новогодние речи, приветствия. Потом—в одной комнате беседы, в другой декламация. После 2 час. большинство расходятся, тесная группа самых старых членов еще долго беседует. Впечатление от вечера остается такое хорошее, что на другой день клуб опять полон, делятся вчерашними впечатлениями. К празднованию годовщины клуба готовятся несколько дней, украшая клуб, рисуя новые плакаты, пишут статьи в местную газету и свой юбилейный „Дневник“. Народу свыше 1½ тысяч, приходится уже не пускаться, чтобы не обрушился пол. К этому же дню приурочивается открытие кабинета живописи при клубе и курсов по подготовке клубных работников, как завершение годичной работы. „Когда через 1½ мес. будет выпущено 35 чел., которые понесут идеи и опыт нашего клуба по всей губернии,—мы с уверенностью скажем: 1-й раб. соц. клуб существовал не даром. После длинного ряда приветствий от отделов нар. образ., университета, клубов, приветствует членов драмат. студия и выражает „удовольствие и благодарность членам клуба за их удивительное умение ценить искусство актера“. Концерт приходится сократить из-за тесноты и духоты,—кажется не было в этот день члена, который бы не вспомнил о своем клубе.

„Слезам не место, печать не нам, горящий вызов пошлем врагам!“— Эта надпись была на траурном знамени, появившемся ко дню памяти Парижской коммуны. Рядом доска в большом зеленом венке с траурной лентой. На ней стена парижских коммунаров вверху надпись; „камни вопиют о мщении“, внизу отрывок из истории коммуны, кругом плакаты: „коммунары—славные предвестники нового общества. „Зверская расправа буржуазии одна из позорнейших страниц в истории человечества. „Пролетарии, помните уроки истории“ и т. д., все это сделано членами клуба. Присутствует более 500 чел. Один докладчик рисует картину „кровавой недели“, заканчивая словами, начертанными на знамени. Хор поет—марсельезу. Другой говорит об исторической роли Парижск. коммуны, о громадном значении уроков истории и призывает почтить память героев—коммунаров. Хор поет похоронный марш. Далее—о психологии борцов и озверевших буржуев. О деятельности коммуны, ее задачах. Один из членов читает стихи, написанные им ко дню коммуны, другой—о мальчике—коммунаре, третий—отрывки из кн. Арну „Мертвецы коммуны“.

Праздновали в клубе день 3-го Интернационала.

В день 50 л. со дня рождения М. Горького выступали все члены клуба, подготовившиеся накануне. Все рабочие. Поют: „солнце всходит и заходит“. Один товарищ читает рассказ „О сером“, другой — „Товарищ“, третий песню о соколе. Мелодекламация „Фея“. Решено послать поздравление М. Горькому от членов клуба, как певцу „безумства храбрых“. Вначале вечера доклад о творчестве Горького. А вокруг его большого портрета—множество плакатов и выдержек из его произведений. Так „уголок М. Горького“ и остался после этого вечера в клубе, как и после дня Розы Люксембург.

В 15 ление со дня смерти А. П. Чехова, праздник был в саду клуба. Выступали с инсценировкой рассказа „Толстый и тонкий“, был доклад о творчестве Чехова. Слушатели и исполнители как бы составляли одно целое: то один, то другой из присутствующих читал тот или иной рассказ.

Чем больше проявлялась самодеятельность в устройстве этих праздников, тем более приносили они пользы. Бывали в клубе еще концерты, всегда вступительное слово, разработанная, представляющая одно целое, программа. И всегда бесплатный вход. Спектакли от клуба всегда были не в его стенах. Танцев за 1½ ч. не было устроено ни разу. Ввели мы в свою жизнь „летучие“ концерты. Как то раз бежит за мной кучка членов, тащит меня в зал, наперебой рассказывая что-то. Оказывается им требуется, чтобы я сказала о пользе таких вечеров, которые устраиваются без всякой подготовки, по крайней мере без намеченной раньше программы, когда решается выступить каждый, когда создается такая обстановка, что нет места нерешительности, робости, ложному стыду и пр. Я исполнила их просьбу. Тут же выходит товарищ с одной из фаб. лет под 50, и начинает петь „Среди долины ровные“. А когда я рассказала, как в деревне Маша „косы расчесала и всю ночь Ванюше письмецо писала“, твердо решив: „не хочу я быть с.-р-кой, хочу большевичкой“, тут пошли выступать одни за другими. Так начались наши „летучие“ концерты, которыми одно время так увлекались, что редкий вечер не заканчивался музыкой, пением и декламацией. Из них возник кружок декламаторов, потом группа исполнителей. Понятно, больше выступала молодежь, но бывали случаи, что какая-нибудь солидная работница начнет рассказ из жизни, или нарисует картинку, из того что видела и слышала на улице. По нашему примеру, „летучие“ вечера стали ставиться везде, а в красноарм. клубах и с докладами по текущ. моменту на них выступать стали. Так сближались мы все через эти вечера, так уютна была наша клубная обстановка.

К праздникам можно отнести и наши экскурсии: в лес, на лодках, осматривать какое-нибудь редкое здание. Экскурсии бывали и маленькими кучками и от нескольких клубов. Бывали речи, доклад пение, игры. Научная экскурсия были только раз для осмотра ключей, снабжающих водой весь город, да раз в церковь с старинной живописью.

В клубе большую роль играет библиотека. Открывая клуб, мы тут же открыли наскоро разбитую по отделам библиотеку, дан-

ную партийным комитетом. Каталогов не было, кроме одного писаного, вообще технически оборудована библиотека не была долго. Но читателей было много, особенно тут же в читальне. Спрашивали совета, что взять по тому или иному вопросу, некоторые читали систематически.

Через полгода уже библиотеку стали ставить по всем правилам, и на это ушло очень много времени, т. к. за это время она очень пополнилась. Читать в клубе поотвыкли. Между тем в клубе никакое чтение, беседа, лекции никакие занятия не могут вестись хорошо, если нет под рукой библиотеки. После лекции надо немедленно дать книжку, чтобы закрепить прочитанное, пока не ослаб интерес. Книжку для чтения приходится выбирать тут же, в зависимости от того, какие слушатели. При библиотечном совете недолго существовал библиотечный совет, велись дежурства членов.

„К чтению относятся серьезно: обращаются к заведующей за разъяснениями, приходят за словарем, просят книги по определенному вопросу, затем заявляют, что усвоили и хотят „дальше“, — это отмечается в первый месяц клубной работы.

Учет всей клубной работы ввелся у нас только постепенно. Состав членов учитывался по вступным карточкам где отмечаем: пол, возраст, грамотность, занятия, кто рекомендует, адрес и ежемесяч. взносы. Эта карточка остается в клубе, на руки выдается дубликат, менее полный. По такому учету:

На 1 апреля в 1-м раб. соц. клубе состоит 1421 челов

В о з р а с т.	Фабричных рабочих.		Ремесленников.		Канторщик. и служащ.*)		Интеллигенции.		Учащихся.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
до 20 лет	97	122	31	20	63	35	2	6	66	41
от 20—30 л.	240	188	89	20	146	33	30	13	7	2
от 30—40 л.	46	31	12	1	20	—	11	2	—	—
старше 40 л.	25	7	8	—	4	—	2	1	—	—
Итого	408	348	140	41	233	68	45	22	73	43
	Об. пола.		Об. пола.		Об. пола.		Об. пола.		Об. пола.	
	756		181		301		67		116	

Всего 1421 член. До перерегистрации к новому году было 2¹/₂ тысячи.

Из них:

Малограмотных	3
Неграмотных	10
С нисшим образ.	1072
Со средним образ.	310
С высшим образ.	26

*) Сюда входит очень много фабричных канторщиков которые по своему развитию по всему не отличаются от рабочих.

Учет посещаемости велся по отметкам швейцара сначала, затем по цветным билетикам, кот. вешали при входе. С 40 - 50 в первый месяц работы, средняя посещаемость достигала до 260 зимой 1918 г. Иногда вели учет посещаемости более точный (если очередь доходила до более солидных дежурных, больше же дежурит молодежь и те члены, кот. пока еще не могут приспособиться ни к какой другой работе). Так:

22-го ноября:

	Рабочих.	Интеллиген.	Учащихся.	Всего.
Мужчин	97	8	7	112
Женщин	32	3	6	41
Всего	129	11	13	153

23-го ноября:

	Рабочих.	Интеллиген.	Учащих ся.	Всего.
Мужчин	177	4	25	206
Женщин	90	3	12	105
Всего	267	7	37	311

23 ноября были такие занятия: 1) с неграмотными, 2) драмат. группа, 3) репетиция другой драмат. груп., 4) инструкт груп., 5) чтение и беседа с женщинами о с'езде, 6) оркестр, 7) пение, 8) подростки весь вечер провели за подбором комплектов материала о клубной работе, переписке плакатов, за вырезками и пр., т. к. за всем этим обращаются в клуб ежедневно.

28-го ноября:

	Рабочих.	Интеллиген.	Учащихся.	Всего.
Мужчин	164	16	24	204
Женщин	57	4	12	73
Всего	221	10	36	277

30-го ноября:

	Рабочих.	Интеллиген.	Учащихся.	Всего.
Мужчин	214	11	28	253
Женщин	111	4	12	127
Всего	325	15	40	380

Посещаемость клуба в начале весны. В день:

	Рабочих.	Интеллиген.	Учащихся.	Всего.
Мужчин	148	25	34	207
Женщин	111	9	11	131
Всего	259	34	45	338

Через 2 недели:

	Рабочих.	Интеллиген.	Учащихся.	Всего.
Мужчин	178	11	20	209
Женщин	117	10	19	146
Всего	295	21	39	355

Эти таблицы указывают, что разговоры некоторых пессимистов о наводнении клуба интеллигенцией являются результатом полной неосведомленности говорящих. Процентное отношение остается таким же, как было все время, и клуб давая для работы людей, которые постепенно отходят, впитывает в себя новые слои, уже менее сознательных рабочих.

Надо прибавить, что если кто говорил о том, что в клубе появилось много интеллигенции, то причина этого была такая: постоянные посетители клуба рабочие так изменились, так непринужденно, уверенно держат себя в клубе, ведут беседу, поют,—что некоторые не верили, что это рабочие. Бывали случаи, что эти „Фомы неверные“ подходили и сами спрашивали присутствующих об их профессии.

Были попытки при входе отмечать в специально сделанных таблицах каждый номер, так чтобы выяснить, сколько раз в месяц каждый член посетил клуб. Но эта сложная работа—(надо найти № вошедшего) никак не удавалась, когда посещаемость достигала до 400 чел. в день. До сих пор мы не могли наладить точный учет посещаемости читальни: первое время нравилось больше читать в общем зале, в „тихой читальне“ было всегда мало народу, особенно читающих газет.

Если унесешь газеты из общего зала—часть членов не прочтет их. Читают и в буфете и во всех комнатах. Только по тому, как изотрутся, истреплются газеты к концу можно судить, что почитали. Когда клубов уж было несколько, все сведения о работе мы—путем заполнения ежемесячной анкеты сдавали в статист. отдел народн. образования, который учитывал движение всей клубной работы в городе. К сожалению у нас не было сил для того, чтобы представить в диаграммах весь материал о работе.

В наших изданиях отразилась вся жизнь клуба: маленький словарь, приспособленный для чтения газет, появился в первые дни открытия клуба. К выставке мы издали сопроводительную книжку. К концерту в день полугодовщины клуба брошюрку „Светлый праздник“, позднее „Терье Виген“. В сентябре появилась книжка „Как устроить и вести рабочий социалистич. клуб“, зимой клубом были изданы 2 брошюры Невского „Ботанические занятия с детьми“ и „Практические занятия со взрослыми“. Весной по окончании первых курсов при клубе—появился сборник конспектов, прочитанных лекций, списки книг. В печати книжки: о живописи и 2-й сборник статей по внешкольному образованию В. А. Невского.

Таким обр. за 1½ г. клуб издал 10 ценных вещей.

Клуб—подготовительная ступень к университету. Вот цифры, указывающие, что наш клуб эту задачу выполнял.

В 1-м рабочем социалистическом клубе.

В высшую народную школу при раб. крест. университете записался за 2 дня следующий континент слушателей:

	Робочих.	Приказч.	Ремесл.	Шоффер.	Конторщ. (фабрич.)	Учеников.	Всего.
Мужчин	11	1	1	1	3	3	20
Женщин	34	1	1	—	2	—	38
Всего	45	2	2	1	5	3	58

В клубе возникла мысль о консерватории, многие члены клуба вошли в музыкальные группы Костр. „Дома искусств“.

Надо сказать, что вся работа клуба часто суживалась из-за недостатка средств. Субсидий гор. отд. нар. образ. не хватало, да и не всегда была возможность их в срок получить. Платных концертов, вечеров и пр. мы не устраивали из принципиальных соображений. Клуб должен дать все своему члену бесплатно, последний же должен вносить аккуратно свои членские взносы. Но повысить их невозможно: клуб должен привлечь широкую массу, еще не понимающую значения его, не имеющую представления о том, что этот клуб дает. Можно слегка повышать месячные взносы, удовлетворяя всем членов, вступной же взнос должен быть минимальным. Для ведения отчетной денежной части, для отчетов общему собранию и в печати выделяется в правлении особый член Его работа, как и казначея, должна быть оплачена. Все книги—кассовая, инвентарная прих. расх. и пр. в клубе должны быть в исправности.

Так мы налаживали работу, а жизнь все выхватывала у нас то лучших активных работников, то целые группы сознательных, вошедших уже в работу и проникнувшихся ее принципами членов. И в то же время со всех сторон, из молодых уездных клубов просили работников. Поэтому мы решили использовать лето для подготовки клубных работников. Предложенный мною план курсов был детализирован И. А. Невским*). С записавшимися мы дней 10 вели предварительные беседы, сблизили их между собой и с частью лекторов, приучили их хоть немного к усиленной умственной работе и тогда открыли курсы. Состав курсов исключительно рабочей, преобладали мужчины. Благодаря тому, что курсанты были как бы одна тесная дружная семья, что они проводили в клубе все время с 10 утра до 1 ч. ночи только с перерывом на обед,—курсы дали в 1½ мес. даже гораздо больше, чем мы предполагали,—перед нами были теперь люди не только развившиеся и познакомившиеся с работой, но и глубоко искренне преданные советской власти. 15 мая курсанты раз'ехались по губернии, а 20-го мая в 1-м клубе за большим столом уже сидело 46 женщин, большую часть уже не молодых, пришедших прямо от станка,—слушатели вторых курсов. После недели бесед, в которых принимали участие все, то излагая данную

*) См. „Курсы для подготовки клубных работников“ издание 1-го рабоч. соц. клуба.

для прочтения к этому дню статейку, то отвечая на вопросы, то критикуя ответы товарищей,—часть слушателей ушла на курсы сестер милосердия, а с остальными начали занятия. Недели через 3 все слушатели были разбиты на 3 группы: библиотечная, по дошкольному воспитанию и специально клубная. Речером продолжались общие лекции, день же каждая группа отдавала практическим занятиям. Все курсанты были командированы в Москву в экскурсию.

После этой экскурсии библиотечная группа перешла еще на губернские библи. курсы, чтобы лучше подготовиться к работе, дошкольная уже работает пока практикантками в домах ребенка, из клубной одна заведующей в клубе, другая—политическим беседчиком при школе безграмотных, снятых с работ, третья работает в Пролеткульте.

По окончании, первых курсов была издана книга—сборник подробных конспектов лекций, проверочных вопросов, практических занятий и громадный список рекомендуемых для самостоятельных занятий по данным вопросам книг.

Через полгода после открытия 1-го клуба, в самый разгар его работы—открылись, один за другим, ряд клубов. Как только наступило осеннее ненастье, и испортилась переправа через Волгу, члены 1-го клуба—рабочие металлисты—открыли у себя за Волгой клуб им. Ленина.

„К открывшемуся клубу начинают привыкать, посещаемость достигает 100, а то и 200 чел в праздники. На первом докладе т. Ра-стопчиной „Рабочий соц. клуб—орудие классовой организации пролетариата“ присутствовало более 100 чел, все рабочие. Слушали с громадным вниманием, после 2-й части, где пришлось коснуться практической работы, тех первых шагов, которые предстоит сделать, собрание решило приступить немедленно к работе, стали выяснять кто в какую группу вступит, всем хотелось взяться за дело завтра же. Собрание закончилось чтением вслух. Читалась маленькая художественная вещица „Жизнь-борьба“. Не щелохнулся никто, все как бы слилось в эти минуты“. Вот что пишет рабочий о клубе.

За первые 3 недели записалось 30 чел. Летом этот клуб перенес свою работу в сад, ставились при участии худож под'отдела нар. образов. спектакли и концерты. Читались лекции

За рекой Костромой, откуда зимой, а особенно весной и осенью трудно переправляться в город,—возник клуб, вскоре после 1-го. Об этом клубе надо сказать, что все там делалось самими рабочими; инициатива открытия принадлежала им же. Очень много внимания уделял клуб драматической работе, лекций же в виду дальнейшего разстояния, было очень мало. В центре возникли 2 клуба, организованные ремесленниками, главным образом, союзом Иглы, выделившим из своей среды энергичного, преданного делу, заведующего, и клуб печатников, созданный группой членов 1-го клуба—печатниками. Возник клуб советских служащих,—теперь все 3 клуба слились в один. *От расширения к углублению работы—вот наша задача теперь.*

В самом фабричном районе открыли, по инициативе партийного комитета, клуб коммунистический, вся работа которого еще в будущем, когда рабочая масса почувствует его вполне своим детищем.

Вот состав членов 2-х клубов, дающий возможность судить о нашей связи с рабочими массами.

На 1-е февраля:

Рабочие фабрик.

	Коммунистич. клуб.		1-й Социалист. клуб.		Клуб ремесленников.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
До 20 лет	115	128	79	98	—	—
" 30 "	90	85	173	157	1	4
" 40 "	62	39	37	25	2	3
Старше 40 лет	13	7	20	4	—	—
Итого	280	259	309	284	3	7

Ремесленников:

До 20 лет	10	3	22	13	55	64
" 30 "	12	1	70	17	94	46
" 40 "	4	—	11	1	29	7
Старше 40 лет	4	—	8	—	18	2
Итого	30	4	111	33	196	119

Фабричных конторщиков и служащих.

До 20 лет	30	12	44	28	15	15
" 30 "	29	15	121	26	16	2
" 40 "	11	8	13	—	3	—
Старше 40 лет	2	—	4	—	—	—
Итого	72	35	182	54	34	17

Интеллигенции.

До 20 лет	4	—	1	2	2	3
" 30 "	7	—	19	11	3	3
" 40 "	10	3	10	2	2	—
Старше 40 лет	2	—	2	1	—	—
Итого	23	3	32	16	7	6

Учеников.

До 20 лет	7	1	45	26	7	7
" 30 "	12	—	6	2	2	3
Итого	19	1	51	28	9	10

Всего 424 302 685 415 249 159

Средняя посещ. 183 260 60

В большинстве клубов вели работу, согласованно с 1-м клубом, часто не привившееся в одном клубе прививалось в другом,— между всеми клубами все время поддерживается тесная связь. Из собраний коллегии сотрудников 1-го клуба с представителями от других создавалась межклубная комиссия, работавшая регулярно 10 месяцев, легшая в основу теперь клубной секции Пролеткульта. Она давала и идейное руководство, обсуждая коллективно принципы работы, и практические указания. Это было тем более необходимо, что заведующие во всех почти клубах были рабочие—члены 1-го клуба, получившие, как общее развитие, так и специальную подготовку, только работая в нем. В красноармейских клубах, тесно связанных с рабочими, работа все время шла хорошо, посещаемость лекций—250, 260, не говоря уже о спектаклях и концертах-митингах.

Будем надеяться, что все костромские клубы, в недалеком будущем, займут в культурной жизни Костромы такое же большое место, какое занял 1-й клуб,—этот первый культурный уголок. „Пусть ярче останется у рабочих воспоминание о советской власти, пусть к памяти о нас прибавится что-то яркое—наш клуб“, говорили мы 1½ года тому назад, когда черные грозные тучи висели над советской республикой. Грозны еще тучи и сейчас, все ближе момент решительного последнего боя,—но еще тверже и решительней идем мы вперед, и еще уверенней повторяем: будущее—наше!

Выросла сознательность, развилась самодеятельность, окрепла наша красная армия,—и во всем этом не малая доля и нашей работы—работы клубов.

„Человечество на заре величайшего возрождения и возможностей Радость предчувствия того разлита по всей вселенной. Только слепые и глухие не слышат творческих, строительных звуков, рожденных миллионными ударами молота миллиарда человеческих рук повсюду“...

„Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах, это не призыв к неволе.

Это--песни будущего“.

М. Растопчина.

24 сентября
1919 г.

Впечатления рабочих от клубной жизни „1-го Костромского рабочего социалистического клуба“.

(Отрывки из записей в газетах, дневниках, журналах „1-го Костр. рабочего клуба“). *)

Тусклый зимний день, но уже чувствуется приближение весны, прекрасного времени года, когда пробуждаются силы природы со всеми ее красами. Я иду на открытие клуба, около которого встречаю роту красноармейцев, пришедших приветствовать открытие клуба. Внутри клуба еще почти ничего не устроено и публика ходит по пустым комнатам, но по радостным лицам рабочих можно видеть, как дороги им свои рабочие клубы, будущия дворцы пролетарской культуры и искусства.

(Журнал клуба № 1-й 1918 г.)

М. М—ч.

Иду я в клуб. Вот мои первые шаги учиться знанию и науке. Иду решительно и думаю о том, что я должна со всем переродиться. Долой!—все прошлое долой с сегодняшнего дня. Я к новому стремлюсь.

Дошла открыла дверь. Вошла свободно я в этот храм поэзии новых дней.

(Дневник клуба № 17.)

Я стал членом клуба.

Частенько я слышал и читал, что записаться в члены какой либо организации—это мало. Надо работать, помогать в укреплении этой организации.

Совершенно случайно я подслушал, что некоторые члены смотрят на клуб совершенно не так как я, мне же казалось, что я смотрю на клуб правильно, и мне хотелось, что бы все смотрели на него одними глазами. И вот по вечерам я стал им говорить, что такое клуб, как я его понимаю и какую пользу он нам приносит. И что-же уговорил таки. Вот думаю, в чем соль то заключается: надо делать хоть немного, а из этого немногого соберется одно большое целое.

*) Примеч. Помешенные здесь записи клубных впечатлений, принадлежащие немногочисленному исключительно индустриальным рабочим, интересны и ценны тем, что они дают живое представление о роли 1-го клуба в культурной жизни Костромского пролетариата. Во всех записях чувствуется, что рабочие от соприкосновения с своим клубом получают бодрый тон жизни, активные настроения, радость культурного творчества.

Рабочий клас Костромы соорудил себе маяк, который своим светом привлекает новые силы из подвалов и чердаков и показывает им истинный путь к жизни.

(Журнал клуба № 4-й 1918 г.)

Митрич.

Я прихожу в клуб. Никого нет. Вот первые шаги сторожа. Через десять минут все вдруг ожило. По залу пошли наши товарищи. Заиграла рояль. Зазвонил телефон. Приходит лектор читать лекцию. Я слушаю и углубляю все в свою голову и стараюсь, чтобы ничего не утерять новое и светлое.

(Дневник клуба № 16.)

Е. С.

Захожу в клуб, сажусь за стол и начинаю читать газеты. Прочёл одну, две—надоело. Взял лежащий тут-же на столе журнал „Пламя“ и читаю очерк о рабочей жизни на фабриках и пред моими глазами разворачивается картина про житье—бытье рабочего, которых сами же люди превратили в живые машины, которые с раннего утра до позднего вечера принуждены заниматься тем, чтобы набить потуже бездонные карманы своего господина—паука.

Под впечатлением прочитанного сижу и думаю—неужели это так всегда будет?—и я почувствовал, что леденею от ужаса. И точно могучий голос полководца прозвучали вдруг звуки марсельезы. Товарищ заиграл на пианино. И мне тогда стало так, радостно на сердце. И в тот момент мне захотелось закричать: „Товарищи! Смелее пойдем на борьбу с пауками,—нас ждет свободный мир“.

(Журнал клуба № 3.)

Я. Я.

Вчера был вечер в клубе посвященный творчеству М. Горького. Не смотря на то, что программа вечера была намечена только накануне и почти все товарищи выступали в первый раз—сошло все очень удачно. После перерыва все присутствующие долго пели. Было весь вечер как то уютно... так просто и празднично.

(Дневник клуба № 16.)

М.

Сегодня в нашем клубе было совместное чтение: прочитано было „Спать хочется“ сочинение Чехова. Нужно отметить, что слушателей было очень мало, но тем не менее прошло очень оживленно, были прения к статье на чтении. На этом чтении один задал религиозный вопрос, а другие товарищи развили мысли социального положения упомянутых в рассказе лиц.“

(Дневник клуба № 17).

Слушатель.

Я пришел в клуб. Должен быть доклад. Я вошел в зал и занял место у стола. Доклад привлек много слушателей. Докладчик был молодой человек. Он говорил увлекательно... Горячие слова... Порывистые жесты. Оглянувшись кругом можно было видеть разгоревшиеся лица... блестящие глаза. Около двери, прислонившись к стене, стоял один товарищ. Он был уже не молодой, но в глазах его устремленных на докладчика читались юношеская отвага и глубокая радость. Он весь обратился в слух. Губы его тихо шевелились, а руки бессознательно повторяли жесты докладчика. На душе у меня стало светло и радостно.

Л.

(Газета клуба № 4 1918 г.)

Одиннадцать часов вечера Клуб начинает пустеть; товарищи расходятся по домам. Я задумчиво сижу в углу. Домой почему то идти не хочется,—в клубе так хорошо, уютно; так свободно себя чувствуешь здесь; люди кажутся такими близкими.

Товарищ Зафран садится к роялю и вот из под его пальцев по залу понеслись чудные ласкающие звуки,—то торжественные, то грустные. Сердце трепещет,—бьется, а звуки льются еще более захватывающие и опьяняющие.

И вот мне вспомнилось...

Прекрасный весенний день Природа ликует. Солнце так нежно так ласково светит, пробуждая к жизни все окружающее. Я не торопясь иду с работы домой, вдыхая с наслаждением весенний воздух, пропитанный запахом черемухи и лип. И вдруг, из открытого окна великолепного барского дома, до моего слуха долетели чудные чарующие звуки рояля. Я остановилась и, затаив дыхание, стала слушать. А когда последний аккорд замер, игравшая барышня подошла к окну и увидев, воровски притаившуюся у окна фигуру бедно одетой девушки, позевывая засмеялась.

Тут то я и очнулась и душа из прекрасного мира звуков невольно перенеслась домой в грязную сырую хибарку с вечно в ней ноющими родителями, жалующимися на судьбу, проклинающими свою жизнь.

(Дневник клуба № 18).

Е. А.

Вчера мы праздновали полугодовщину нашего клуба. Народу было так много, что с трудом можно было пробраться в зал. Играл оркестр струнной музыки. Были почти исключительно все наши рабочие, лица были у всех оживленны и веселы и в каждом сердце билась трепетная радость. Они с улыбками обводили любящими взорами все предметы, их окружающие, чувствуя себя творцами работы клуба.

В этом милом здании мы проводим лучшие дни нашей жизни, отдыхая от дневных работ и забот и учась всему доброму и хорошему, учась тому, чего мы раньше не знали и не видели. Товарищи рабочие! вспомните как мы жили раньше угнетенными рабами. Мы не имели понятия, что такое музыка, что такое литература и разные другие хорошие вещи, теперь же в нашем клубе наши рабочие учатся разным ранее неведомым для нас предметам. Теперь мы поняли, что мы такие же люди как и все, и имеем право на жизнь более других, потому что все создано нашими руками.

В. Пасхина.

(Номер газеты память полугодовщины клуба).

1-й Рабочий Социалистический Клуб.

Недавно очень удачен был вечер в 1-м Рабочем Социалистическом Клубе. Народу было много. Первым был доклад тов. Сафонова, который живо простым языком обрисовал слушателям текущий момент и ход международной революции. Слушали все с живым интересом, даже самые равнодушные к ходу революции были страстно возбуждены. Я со своей стороны желала бы, чтобы почаще устраивались среди рабочей массы такие интересные доклады и тем самым будилось сознание тех, которые не совсем еще осознали настоящее положение.

После доклада—всюду возбужденные разговоры, и потом организовался легучий концерт. Много декламировали кто как могли революционные песни. Один из товарищей исполнил на рояли несколько произведений, похоронный марш и др. Одним словом, вечер был так хорош и приятен, что не хотелось идти домой когда стрелка часов показала 12. Этот день мне показался каким то праздником. Люди, окружающие меня, казались такими близкими и дорогими, весь мир чудным прекрасным, душа была переполнена чем то хорошим и хотелось бы высоко подняться к небесам и парить в воздухе.

Нет мы просто ничего не делаем, так, что становится стыдно. Мы должны общими силами как можно более звать наших рабочих в наши кружки, что-бы все мы были тесно скованы железным кольцом сознания, любви и братства.

Работница В. П.

Опыты литературного творчества клубистов 1-го Костромского рабочего социалистического клуба.

(Из рукописных дневников, журналов и газет клуба).

Взвейся знамя трудовое!

Знамя красное взвивайся
Над свободною страной;
Клич победный раздавайся
Облети весь шар земной.

Возвести крестьянским хатам
И подвалам бедняков,
Что у русского собрата
Больше нет уже оков;

Что свободно мы встречаем
Ныне первый майский день,—
Угнетенных призываем
Под знамен кровавых сень.

Чрез обманутых собратьев
Обнаженные штыки
Простираем руки братьям
Всем трудящимся земли.

На пути к единой цели
Все в одно сольемся мы,
Что бы сбросить наши цепи
В день труда и день весны.

Верим мы, что дрогнут троны,
Пред сплоченностью труда
И деспотии короны
Все исчезнут навсегда.

Знамя красное взвивайся
Над коммунной трудовой;
Клич победный раздавайся
Облети весь шар земной.

Осенний закат.

Как печален и тих золотистый осенний закат;
Как тоскливо поникли в саду моем старом деревья нагие;
И в закатных лучах монастырские главы блестят;
Облетающий лист уж шурша покрывает дорожки лесные.
В этот вечер люблю наблюдать я томимый тоской
Переливы зари... силуэты деревьев недвижимых во сне.
Вот туман уж поднялся над тихой и сонной рекой,—
И опять я грущу молчаливо о милой ушедшей весне.

Очертанья домов под лучами вечерних небес
Засыпают, исполнены тайны чарующей—правды былого;
Много страсти волшебной таит в себе дремлющий лес:
Нет... не выразит чувство осеннее нежное, бедное слово.

А. Кротков

С новым годом!

С новым годом! любимый мой, милый мой брат,
Коротавший со мною бессонные ночи;
Чу! вдали уж иные напевы звучат,
Уж иной там зари загораются очи.

Будь бодрей!.. Наше горе уж в прошлом... ушло,
Встрепенись, позабудь о былом о далеком:
Нам теперь уж на новом просторе широком
Время ткать счастье жизни грядущей пришло.

Много жертв пало там... назади много слез
Но, товарищ, печальные думы гони.
Новый год, кроме радостных солнечных грез,
В каждом сердце зажжет пламя братской любви.

А. Кротков.

После ночной работы.

Я утром из душной иду мастерской,
Физически сильно измучен,
Холодное сердце об'ято тоской
И вид мой печален и скучен.
На небе не видно и признака туч—
Следа не осталось ночи—
Весеннего солнца сияющий луч
Слепит истомленные очи.

Иду мимо сквера, где пруд и кусты
На солнце блестят, серебруются—
И ветер колышет акаций листы—
И им помогает шептаться.

И я, восхищенный такой красотой,
Сяжусь на скамейке под липой
И утренний воздух весны золотой,
Вздыхаю я грудью разбитой.
И чувствую мощный прилив новых сил,
Что-б биться упорно с судьбою.
И то, что так робко я раньше просил,
Теперь взять с жестокого бою.

Митрич.

Элегия.

Сладкозвучная песнь отзвучала...
О, мой друг, в лучший мир ты не верь:
Все, что было в подлунном сначала,
То—увы—остается теперь.
Тот же серый, угрюмый в пространстве
Виден призрак осеннего дня,
Он ужасен в своем постоянстве:
Нет в нем духа живого, огня..
Ночь и день... ночь и день... Все бессменно..
Повторяется жизнь так всегда..
Не ищи никакой перемены:
Не найдешь ты ее никогда.

Владимир Зафран.

Бой.

Бой кипит: грохочет канонада,
Смрадный дым, кругом не видно зги..
Разобрать нельзя,—да и не надо
Далеко-ль еще от нас враги?..
Пулеметный треск, не уставая,
Слышится вдали... Когда ж конец?
Все стреляй, на миг переставая..
Кто вчера был жив,—сегодня тот мертвец.
Пули свищут, словно злые осы:
Разрывными начал бить опять..
В голове бесплодные вопросы:
Скоро-ль, скоро-ль кончим мы стрелять?..
Надоело! Все плечо отбило,
Деревянным сделалось оно..
Впереди—мрак вечности, могила,
В настоящем же отчаянье одно.
Вот снаряд ударился о бруствер,—
Комьями земля летит в глаза..
Мой товарищ падает—он умер!!
Чувствую—скатилась слеза..

Санитары убирают тело,
И к бойнице стал уже другой...
Как ужасно, как все надоело!..
Скоро-ль кончится проклятый, долгий бой?..

Владимир Зафран.

У рояля.

Сыграй мне чтонибудь: я так люблю созвучья!..
Когда играешь ты, то кажется—душа
Трепещет в звуках музыки могучей,
И хочется мне слушать не дыша.
Я уношусь в волшебный край мгновенья,
И мысль моя эфиром грез полна,
И засыпает мозг в чаду оцепененья,
В груди бурлит певучая волна.
Я погружаюсь в сон поэзии чудесной,
Желаний неземных отраву жадно пью...
Ты знаешь ли Шопена вальс прелестный,
Где он оплакал молодость свою!..
Сыграй его—люблю я грусть поэта,
Воспоминания о свете милых дней,
Хочу любви угасшего привета,
Хочу оплакать скорбь души моей...
Сыграй мне чтонибудь о неземных волненьях,
Из „сказок Гофмана“ сыграй мне чтонибудь...
Я утонуть хочу в небесных вдохновеньях,
На миг забыть суровый жизни путь.
Под обаяньем музыки забуду
Я песнь унылую обыденных невзгод,—
Я буду слушать,—звуки пить я буду!
Потом... О, пусть потом душа во мрак уйдет...
Теперь же исполняй бессмертные творенья,—
Теперь горит во мне священный огонек;
Я жажду музыки,—я жажду вдохновенья...
Без этих звуков я бы жить не мог!

Владимир Зафран.

Светлой памяти погибших в 1905 г.

Идейным борцам этот гимн мы поем,
Погибшим в борьбе за свободу:
Вы умерли честно в бою роковом
За счастье родного народа...
Вы смело пошли против вражеских сил,—
И пали вы в схватке неравной,
И ныне стоим мы у ваших могил,

Поем мы про подвиг ваш славный..
У ваших могил собралися друзья,
А враг уж исчез безвозвратно!..
В долгу мы у вас, людей славных семья,
В долгу мы у вас неоплатном..
Построим мы памятник славы в честь вас,
На нем будет красное знамя!
Напишем о прошлом правдивый рассказ
О подвиге сделанном вами,
Поведает внукам о вас он, друзья,
Как пролили кровь за свободу!..
В долгу мы пред вами, героев семья,
Погибших за дело народа.
Прощайте-ж герои!— Да будет земля
Покоить с заботою нежной
Вас, павшие с честью; свободы заря
Хранить будет сон безмятежный!

Владимир Зафран.

Мы живем в дни сверкающей яркой весны,
В дни падения старого мира,
В дни грядущих побед, в дни священной войны.
Против ига золотого кумира.
Мы живем в час сверкающей яркой зари.
Сгинет мрак, призрак гнета былого,
И настанет великое братство любви
Всех трудящихся мира земного.
Мы вступаем на путь,—мы сметем навсегда
Всех врагов трудового народа,
И построим храм мира и света, — труда
И дадим храму имя „Свобода“.

В. Чекулаева.

О! пойду по песку я у самой воды
Пусть она под ногами журчит,
Пусть поет она песню о грустной любви,
Пусть мне тихую сказку она говорит.
Ночь теперь. Я не встречу теперь ни души,
И никто мне не станет мешать,
И волшебную нить прихотливой мечты
Будет некому грубо порвать.
И в мечтах я создам дивный светлый чертог,
Озаренный волшебным сияньем луны.
Кто войдет туда—будет прекрасным как бог,
И как боги все будут там счастья полны.

2018552921

Я туда соберу моих дивных друзей,
Все таких же скитальцев, как я.
Будем мы до зари пировать веселей,
Прочь тяжелые думы гоня.
Все сойдутся из дальних и ближних краев,
Каждый будет и весел и смел...
Мы споем нашу песню про тех бедняков,
Кому черное горе удел.
Наша песня глубокого чувства полна
И, как будто, тягуче звучит,
Только гордому сердцу понятна она,
Но ему она все говорит.
Эту песню слышали лишь те, кто умел
Ненавидеть и рваться в тоске,
Кто глубоко любил, кто свободы хотел,
Кто рыдал на приволжском песке.
Наша песня страшна и далеко гремит
Дикой мощи и силы полна;
До дворцов золоченых она долетит
И угрозой там будет она.
Но когда мы окончили песнь тяжкой борьбы,
Песню новую мы запоем,
Песню полную мира и светлой любви,
Как молитва о чем-то святом.
Эта песня не будет так мощно звучать
И не будет далеко слышна,
Да чужому ее все равно не понять:
О победе поет нам она.
И плотнее сомкнем мы наш тесный кружок
Все проникнуты чувством одним...
И до утра сиять будет светлый чертог,
А потом разлетится как дым.

Грей.

Ваша музыка—музыка грез,
Сказка забытая муки и слез,
Наша же звонкая, крепкая сталь
Громко зовущая в дивную даль
В вашей звучат все проклятья судьбе,
Словно боитесь погибнуть в борьбе.
Наша-ж зовет на тернистом пути
Духом не падать и бодро идти.
В музыке вашей мечты и тоска.
В нашей—раскаты и грохот станка.
Ваша лишь скуку наводит, печаль,—
Наша бодрит и зовет идти в даль.

Г. Ш.

По озеркам тихо веет ветерок,
В круг камыш зеленый лоно вод облек;
Громкий, из осоки, уток слышен крик;
На приплеске важный бегаёт кулик.
Из лесу несутся трели соловья
Вот где жизнь—раздолье... милые края...
Аромат бодрящий от лугов несет
Там косарь работник песенку поет.
Ширь полей родимых в песне той звучит;
Радости, невзгоды—все она сулит.

Ф. Шахов.

Развернем мы красные знамена,—
И штыки к винтовкам мы примкнем,—
И под гимн свободы в батальоны,
Всех рабочих мира созовем.
Это будет армия народа!
Это будет армия труда!
Встанет тот кому мила свобода—
Гнет и лож мы свергнем навсегда.
Нас веками деспоты давили,
Позабывши бога, честь и стыд
Дорогой ценой свободу мы купили
Нам ли! нам! без боя уступить.
Крез мечтает о прошедшей доле,
Что мы вырвали могучею рукой,—
О бездельной праздности—покое,
О владычестве над массой трудовой;
И пылая гневом страшной мести
Суд нещадный хочет совершить,
Мир труда предать насилью-казни
И слезами, кровию залить.
Но под шум зловещих тех пожаров
Мы ряды дружной свои сомкнем;
Со священным гимном коммунаров
На врагов душителей пойдем.

Ф. Шахов.

НА РАБОТУ.

Пора на работу! вставайте скорей!
Уныло гудок завывает
Он плачет о доле голодных людей,
Которых сейчас созывает.
Проснулся замученный бедный народ,
Их гонит семьи стон голодный,—
Он гонит и будит и спать не дает
Без хлеба в квартире холодной.
И старый и малый идет торопясь
На фабрики, шахты, заводы,
Под гнетом нужды беспросветной томясь
Проводит тяжелые годы.
Теперь же невольник нужды беспросветной
Проснулся и цепи порвал
Идет к своей цели прекрасной—заветной,
Куда его манит святой идеал.

В. Чекулаева.

Дорогая, хочу рассказать
Тебе чудную, светлую сказку:
В этой сказке страданье, любовь,
Грусть и тихая, нежная ласка.
В этой сказке и „он“ и „она“
Оба нежно друг друга любили;
В первых встречах их только луна,
Ноч да звезды свидетели были.
Как ласкал, целовал он ее;
Как глядел в ее синие очи;
Сладким мигом казались им
Эти светлые майские ночи.
Что за чудные песни он пел!
О любви, о свободе, о братьях—
Тех, которых злодейка тюрьма
ЗаклЮчила в суровых об'ятях.
Он ей пел о железных цепях,
Пел о грозной руке произвола,
Пел о днях проведенных в слезах,
Пел о людях, погибших без стона.
Ему молча внимала она,
Убаюкана нежною лаской.
И вся жизнь ей казалась тогда
Упоительной, чудною сказкой.

Что—ж!—Погибли златые мечты!
В одну ночь ее милого взяли
И на месте свиданья в лесу
Рано утром его расстреляли.

Москва-Грохотов.

Весенняя радость.

Оживает земля,
Каждый кустик вдали зеленеет:
В шелк оделись поля,
Теплый ветер чарующий веет.
Будем в поле глядеть
Тучки влажной с дождем дожидаться;
Будет нивушка зреть,
Колос полным зерном наливаясь.
Золотистую рож
Сжав в большие снопы перевяжем.
Ну, теперь не тревожь!
Повелительно голоду скажем.
И заботушка с плеч,
Точно камень тяжелый свалится;
Станем хлебушко печ,
Не скупясь меж собою делиться.

В. Л.

Если вести вам придется
В жизни с невзгодой борьбу,
То головы не склоняйте
И не кляните судьбу.
Жизнь—это бурное море
Полное разных невзгод,
Редкий под бурей спокойно
К берегу челн свой ведет.
Часто челнок заливают
Брызги сердитой волны,
Путь заграждают нередко
Грозные в бурю валы.
Если рука ослабеет,
Волны челнок унесут,
Жалобы, слезы напрасны,
Жизни они не спасут.
Смелые, сильные волей
С грозной стихией в борьбе
Смело встречают напоры
И не сдаются судьбе.
Волны их челн заливают,
Бешено ветер шумит,
Море волнуется, стонет,
Смелых ничто не страшит.
Твердо, уверенно смелый
К берегу кормчий плывет.
Взор его полный отваги
Дерзко стремится вперед.

Неизвестная.

БОДРАЯ ОСЕНЬ.

Сентябрь 1918 г.

*„С холоду щеки горят,
Любо в лесу мне бежать“.*

Осень... Не дождливая, серая, скучная осень, а ясная, прозрачная, с осенним, таким дорогим и так радостно встречаемым солнышком, со свежими утренниками, звездными ночами, с пурпуром брусничных кистей на пнях, с шумящими под ногами листьями, с золотисто-красноватыми редкими листочками....

Многое позади, много ушло.....

Весна—пора нежного, трогательного ожидания чего то, пора мечтаний, чувства, пора веры и надежды в новую жизнь... Мы разрушаем старое, как весенние лучи—зимний лед и снег, мы полны мечтами о новой жизни, которую нам предстоит строить ..

Лето... Знойное солнце.. Мы уж что-то получили, чего то дождались, солнце уже согрело землю. Оно уже работает, надо ждать плодов, результатов его работы. Мы уже немножко обленились, размякли... Все кругом тепло, свет.... Успехи.. Мы забыли о борьбе, забыли об осенних тучах, о зимних заморозках...

И вот—осень....

Борись, иначе погибнет все, свети солнышко, хоть не так щедро, как летом, хоть не все время, но вливай бодрость, радость, давай сил для борьбы!

Уже осенняя туча, уже резкий ветер, вот вот погубит недоделанное, навяжет, хотя и на время, невольный покой, забвение, хотя и недолгое.... Нет, нет! Солнышко, грей, зови бороться, вливай бодрость в размягченное расслабленное за лето тело, напоминай, что впереди зима, много испытаний и жертв, погрей еще, чтобы укрепилось то, что есть, чтобы пережило оно ненастье и холодный снежный покой. Зови, зови, грей! Бодрое осеннее солнышко, свежий осенний ветерок, напоминайте о борьбе.

Красные осенние листья, напоминайте о крови погибших!...

P.

РАССТРЕЛЯТЬ!

Это было в 1916 году, незадолго до Барановичского наступления. Наш полк стоял в резерве в деревне Сутоки. В марте мы понесли большой урон людьми, а теперь нам дали пополнение и мы подучали молодых пред ожидаемым наступлением. Солдаты наши ничем не обижали местных жителей, но те почему-то относились к ним недоверчиво, почти враждебно. Корпусной генерал отдал в приказе, что каждый солдат, который будет замечен в бесчинствах по отношению к жителям, будет расстрелян. И до сего времени, как я уже говорил, у нас все шло хорошо. В нашем взводе был солдат, очень веселый и общительный, по имени Алексей. Он принес с собой гармошку и в часы отдыха занимал товарищей. Во

взводе все его очень любили и часто случалось, когда подходила очередь Алексея идти в наряд, то ктонибудь из товарищей с охотой шел вместо него. Наши офицеры тоже его очень любили и часто просили играть на гармошке.

Через неделю мы должны были идти на позицию. День был чудный, мы все сидели на улице, говорили, что сегодня должен приехать корпусной командир. Солдаты все почистились, подтянулись. Вдруг, слышим, в доме, в котором мы стояли, поднялся настоящий гвалт. Я вошел в дом, и мне представилась следующая картина. Посреди комнаты стояла наша хозяйка с сжатыми кулаками и кричала, а около двери, прислонясь к косяку, стоял Алексей и слегка улыбался. Дело было в следующем: у хозяйки пропала пара кур и она обвиняла в этом Алексея, подсакивала к нему с кулаками и грозилась, что она пойдет жаловаться к командиру полка. Алексей в свою очередь только улыбался и говорил, что он этого никогда не позволит сделать, что он мог бы купить кур, так как только что получил деньги из дома, что его знает вся рота за честного человека и может в этом поручиться. Я, в свою очередь, тоже стал уговаривать хозяйку, что этого быть не может и, чтобы не поднимать шума, предлагал ей, что мы соберем между собой деньги и уплотим ей за кур. Но она и слушать не хотела—пойду, говорит, к командиру полка. В это время вбежал в дом солдат и говорит, что едет корпусной командир. Мы выбежали из дома. Я построил свой взвод. Хозяйка вышла тоже и встала на крыльце. И вот, немного спустя, мы услышали конский топот и из-за поворота улицы показалась толпа всадников. То ехал командир корпуса со своим штабом. Взвод взял на караул. Генерал ехал впереди всех, толстый, напыщенный, с нафабранными усами. Он почти не взглянул на взвод, а так как-то сбоку покосился и не здороваясь стал проезжать мимо взвода. Вдруг наша хозяйка с криком сбежала с крыльца, бросилась на перерез лошади генерала и стала жаловаться ему, что у ней, бедной женщины, украли двух кур, причем определенно указала на Алексея, как на виновника покражи. Генерал, не взглянув на Алексея, сказал—„расстрелять“ и поехал дальше. Только один адъютант подехал, спросил фамилию, записал и уехал. Алексея арестовали. При аресте он не выказал никакого волнения и послушно пошел за конвоем. Его увели. Мы стали просить ротного, чтобы он заступился. Ротный просил командира полка, но ничего не вышло. Наконец и хозяйка ходила к командиру полка и заявляла, что куры ее нашлись—тоже ничего не вышло.

За день до нашего выступления Алексея расстреляли. Когда он шел на расстрел, то был совершенно спокоен и только сказал: „такая судьба“.

Рабоч. А. Цыцарин.

Инструкторская группа в 1-м Рабоч. Соц. Клубе.

Среди многих возможностей и путей, открываемых жизнью, самый яркий и радостный; — творчество.

В клубе каждый до некоторой степени инструктор: каждый рабочий думает о том, чтобы учась и развиваясь, передать это все темной массе. Ведь часто она своей косностью, своим непониманием задач момента, своей малой активностью тормозит дело великого освобождения пролетариата и всего человечества, за которое борется каждый сознательный рабочий. Организаторская, творческая работа дает громадное удовлетворение. От нее человек сразу вырастает и уже с громадным приливом сил учится дальше. В клубе привыкаешь выражать свои мысли, передавать другим свои знания, отстаивать свои взгляды и вырабатывать еще не вполне сложившееся мировоззрение.

„Мы не задаемся целью приготовить специалистов—инструкторов, мы хотим дать возможность каждому участнику группы привести в систему, что он видел и слышал за полгода посещения клуба, обратить его внимание на то, что м. б. осталось им незамеченным. По мере накопления опыта, мы должны им делиться“, так определила впервые собравшаяся инструкторская группа свои задачи.

Весь план работы должен строиться на активности. Он—с другой стороны—не может быть намечен весь заранее, только тогда он будет жизненным, когда складывается и пополняется в процессе работы.

Без докладов не обойтись, но 1) темы можно наметить самим участникам 2) выдвигать из своей среды содокладчиков, хотя бы первое время по частичным вопросам. 3) после доклада вести беседу.

В нашей группе доклады наметились такие: 1) Значение внешкольного образования; 2) формы культурно-просвет. работы; 3) изба—читальня, деревенская библиотека; 4) Чтения с туманными картинами; 5) О школах для взрослых; 6) О деревенской сцене, хоре, оркестре; 7) О школьных музеях и выставках; 8) Знакомство с народными домами; 9) Рабочие клубы на Западе и в России; 10) Об организации народных университетов. Доклады не более 40 мин. чтобы больше времени оставалось для бесед.

Состав группы был почти исключительно рабочий, содокладчики брали себе легкие, знакомые темы, так после доклада о значении внешкольного образования они взяли темой: „Культ. просв. значение 1-го раб. соц. клуба.“

Доклады раз в неделю, не чаще. После доклада „изба— читальня“ содокладчики взяли тему: „Как читать газеты в деревне“.

Беседы по докладам велись самые оживленные, кроме того бывали беседы после чтения. Получаем „Пролетарскую культуру“, читаем статью т. Крупской о клубной работе и „по косточкам“ разбираем свою работу, отмечая, с глубоким удовлетворением, правильность своего пути. Иногда беседа затрагивала и другие темы. Читали о духовной и матерьяльной культуре. „Когда я познакомился с вашим клубом,“ говорит один из тов. ремесленников; „я ясно увидел, что мы ремесленники, ничего такого создать не можем, с тех пор мысль о фабрике портных не оставляет меня!“

Иногда назначались диспуты, брались двое осветить вопрос с разных точек зрения. Более всего было диспутов религиозных, так как к работе среди самой темной массы готовились наши инструктора. Быть неверующим самому еще не значить уметь раз'убедить другого. Все время записана длинная очередь ораторов, едва дают кончить одному. Вот товарищ в волнении бегаёт по комнате, другой вскочил и ждёт не дожждется, когда его слово. А вокруг беседующих соберется до 40—50 челов. „вольнслушателей“, кот. тоже не прочь поспорить.

С первого же собрания участниками коллективно был намечен ряд вопросов с тем, чтобы разобрать их и ответить в след. раз:

„Почему клуб предпочитается сейчас другим видам культ. просьв. работы“, „Партийный ли должен быть клуб“, „Что дает лекция и что беседа и другие.

После чтения статьи „Литературное творчество“ велась беседа, как применить коллективный способ работы в клубе. Один из членов обдумывает основные положения доклада, другие берут их для разработки, т. к. только тот доклад ценен, где много матерьяла, иллюстраций, есть показательные цифры. Затем все это докладчик объединяет, литературно обрабатывает весь доклад и читает его в группе, а затем и для всех.

Через 2—3 мес. самими членами группы были намечены себе доклады на интересующие их темы: „Новая и старая религия“, „Необходимость самостоятельности и дисциплины в настоящий момент“, „Дети—наше будущее“, „Отсталость женщины“, „Будущее женщины“, „Освещение некоторых вопросов по текущей работе совета и партии“.

Одно время решили усиленно заняться политической подготовкой, при чем вести занятия так: один делает небольшой доклад, излагает содержание брошюрки или отдельной главы какой нибудь ценной книги. Затем в обычной живой беседе пополняется недосказанное. Попутно намечаются нужные для освещения книги. По каждому докладу составляется конспект, печатается в клубном дневнике, один из членов группы—пользуясь конспектом—делает доклад собранной им группе членов. Другой товарищ присутствует, чтобы указать потом недостатки. На каждом собрании—обзор текущих событий. Группа была привлечена к практич. работе: подготовляли, разбирали всесторонне какую-ниб. тему и выделяли 2—3 товарищей для беседы в так называемой „сборной“, где живут рабочие.

Так как группа поставила себе с самого начала задачу готовить работников в условиях клубной жизни,—был намечен с первого же раза еще вид работы: разбор всей работы клубов за истекшие дни. Это великолепный материал для беседы. Приходилось касаться всех видов клубной работы. Каждый член внимательно присматривался ко всему в клубе, чтобы выступить на собрании инструкторов с критикой. Заглядывали и в другие клубы, чтобы материал был разносторонней.

Была еще у группы такая работа: распределили газетные отделы, чтобы собирать весь ценный материал в отдельные тетради, для пользования всех членов. Продов. вопрос, рабоч. движ. за границей, жизнь деревни, нар. образование, партийная жизнь, библиография и пр. Наиболее интересное и характерное отмечается в плакатах и диаграммах самими членами. Кроме того предполагалось составлять диаграммы из жизни клубов, из рабочей жизни, общего характера. Коллективный дневник был намечен инструкторской группой.

Наконец в ней возникла мысль об организации курсов работников по клубам. Много оживления внесла инструкторская группа в жизнь 1-го клуба, многим членам рабочим дела возможность встать самостоятельно на ноги.

Об инструкторской работе 1-го раб. соц. клуба в книжке № 5 „Пролетарской культуры“ в обзоре провинции т. Кривцов пишет: *) „Костромичи уже создали кружок инструкторов по внешкольному образованию. Правильно полагая, что мы учимся и развиваемся, чтобы передать свой опыт и свои знания другим, решено было из членов клуба создать организаторов для уездов. С этой целью устраиваются собеседования, а местные инструкции являются своего рода справочниками. Беседы ведутся по след. вопросам (идет изложение нашей программы занятий, указанное здесь).

Этот же 1-й раб. соц. клуб в Костроме устроил крайне интересную выставку по клубному делу. Матерьялом явились: открытки клуба и его жизни, группы членов, снимки работ; плакаты с клубными девизами: „От каждого по способности, каждому по потребности, и др., диаграммы — анкеты, которые дают ясное представление о составе членов, посещаемости групп и пр. Выставлены были плакаты о лекциях с подробными конспектами, также плакаты на злободневные вопросы. Представлена была полно и жизнь библиотеки рядом таблиц и своей „тихой читальней“. Следует и другим товарищам заимствовать у костромичей их начинание — выставление на щитах газетных и журнальных вырезок: были выставлены и собственные издания и №№ собственного журнала. О литературных начинаниях костромичей мы поговорим особо, но здесь же мы должны отметить, что только таким путем, каким пошли товарищи из Костромы, мы и будем строить нашу пролетарскую культуру: не на зыбком песке, а на гранитном основании.“

М. Расстонина.

*) Мною матерьял в „Пролет. культуру“ не посылался, очевидно, написано по рассказу кого-нибудь из моск. товарищей навещавших клуб, бывших на выставке, устраиваемой для губ. съезда, по просьбе губернского отдела народн. образования. М. Р.

Беглые заметки

о методах работы в драматической группе рабочего клуба. ¹⁾

„Не налагай очов на вдохновенье,
Свободный смех не сдерживай в устах;
Что скорбь родит, что будит восхищенье,—
Пусть все звенит на искренних струнах“.

С. Я. Надсон.

В области сценического творчества, как и во всех иных областях клубной культурно-творческой работы, в начале развития нашего дела совершался напряженный процесс исканий. Еще совершенно не ясны были пути, которым и мы пойдем—неясны были формы и методы работы. Работники клуба шли ощупью впотьмах, осторожно нащупывая правильный путь. Ошибки необходимо должны были совершаться—они совершались—на них учились (Коллегиальное совещание сотрудников на еженедельных собраниях подчеркивало ошибки работы, жестоко критикуя свои приемы, ища новых путей).

Совершенно естественно, что формы и методы работы, унаследованные от прошлого, еще оказывали доминирующее влияние на умы работников:—с одной стороны—формы школьной драматической работы,—с другой стороны—формы профессиональной актерской режиссуры. Эти формы, совершенно не соответствующие условиям культурно-творческой работы в клубах и были применены, как данные, готовые приемы. Опыт оказался не совсем удачным. Методы преподавания, применимые с успехом в драматической школе оказались неприемлемыми для группы рабочего клуба, ищущей выявления своей духовной энергии в области сценического искусства.

Правильные занятия—по определенной программе, с определенным кадром учеников, в определенное время—оказались неприемлемыми. Мертвая программа сковывала живое дело—понижала интерес к нему. Запросы духа рабочей массы не считались с программой. Эти запросы, широкие как море,—могучие, как бурья—не укладывались ни в какие рамки; как карточные домики рушились под их напором все заранее составленные планы занятий—все академические программы. План занятий складывался сам собой—естественно-стихийно—всегда новый—многогранный—в процессе работы изменяющий свои нюансы. План работы творился самой массой, никогда не оставаясь неподвижным, всегда изменяясь по мере роста запросов духа.

Школьный метод работы по заранее выработанной программе оказался неприемлемым. Ибо в самом смысле занятий учеников буржуазной драматической школы и рабочей драматической группы

¹⁾ Настоящая статья написана зимой 1918—19 года и освещает работу 1-го Ко-стромского рабочего клуба именно за этот сезон. По случайным причинам в печати появляется с опозданием.

есть существенная разница. Для учеников драмат. школы суть дела заключается в приобретении практич. знаний и технич. навыков,—иначе говоря—в приобретении профессион. знаний своего ремесла. Для драматической рабочей группы смысл занятий в удовлетворении своих духовных запросов—в развитии человеческой личности. Иначе говоря,—занятия учеников драматической школы направлены к тому, чтобы выучиться ставить спектакли—играть на сцене,—так играть, чтобы удовлетворять запросам духовного гурманства, расцветшего пышным цветом на капиталистической почве. Смысл же занятий рабочей драматической группы заключается не в постановке спектаклей, а в самих занятиях, ибо в них выявляется свободное массовое творчество в определенной области. Фабрикация актеров и постановка спектаклей отнюдь не составляют задачу клубной драматической группы. Буржуазная драматическая школа фабриковала актеров путем чисто внешней тренировки и давала игру нездоровую, прядную, бьющую по нервам, ибо нужно было актеру быть очень грубым и резким в приемах, чтобы добраться до ожиревшего сердца буржуа и заставить его хоть немного потрепыхаться. Клубная драматическая группа цели сфабриковать из рабочих группу актеров—профессионалов совершенно не преследует—она имеет ввиду дать пролетарию возможность радостного осуществления своих творческих помыслов в области сценического искусства не отрываясь от станка, сохраняя свою рабочую психологию

Драматическая группа клуба может не поставить ни одного спектакля, а ценность ее может быть очень высокой. Все зависит от степени напряженности работы,—от присутствия творческого духа, которым она оживлена.

Многие культурные работники не понимают этого. В пример приведу следующий случай. Зашел к нам в клуб один иногородний работник культурник. Узнав о существовании в клубе драматической группы спрашивает прежде всего:

— „А сколько спектаклей поставила ваша группа?“

— „Ни одного не поставила“—отвечаем.

— „А давно группа существует?“—снова задает вопрос.

— „Давно,—говорим,—месяца—три, четыре...“

Недоумение выразилось на его лице. Какую же ценность имеет драматическая группа, после—трех, четырех месяцев работы не смогшая поставить ни одного спектакля?

Лишь после того как мы объяснили наши взгляды на работу и познакомили с реальными формами работы,—он понял, что суть дела не в спектаклях, а в чем то другом.

Люди привыкли все расценивать старыми мерками;—привыкли на все смотреть через раз навсегда втертые очки. Трудно освободиться от привитых эпохой капитализма умственных пут. Надо как то особенно широко и светло взглянуть на мир,—чтобы спала с глаз пелена. Надо осознать себя абсолютно свободным, чтобы пали невидимые духовные цепи, и человек сделался бы способным свободно мыслить и чувствовать.

В драматической группе клуба как программа занятий, так и кадр занимающихся не может быть строго определен. Группа не есть нечто замкнутое,—нечто законченное. Нет—она вся в движении—она ежедневно изменяет свою физиономию—ея состав текуч, разнообразен. Но, само собой,—совершенно естественно складывается основное ядро. Это—люди особенно горящие священным огнем искусства,—страстно ищущие выявления своих духовных богатств в сценическом творчестве. Они поразительно настойчивы в своем устремлении. Это будущее сцены—наши надежды—наши ожидания. Когда всматриваешься в их работу чувствуешь, что это люди с большим художественным чутьем, от природы данным и с несомненным сценическим дарованием. Они естественно, как цветок к солнцу, устремляются к тому роду искусства, который наиболее импонирует их душевным силам. Они то и являются теми дрожжами, которые в своем неустанном брожении увлекают широкие массы в область сценического искусства,—углубляют и расширяют понимание этого искусства,—являются проводниками его в самые низы человеческого общества. до сих пор лишенные всякого общения с царством прекрасного. Имея такое постоянное ядро группа будет безусловно жизненной. Она, впитывая в себя здоровые начала буржуазного искусства и отбрасывая все упадочное, должна пойти своим оригинальным путем, ища те формы сценического искусства, которые соответствовали бы данной ступени пролетарского сознания.

Этот процесс есть частичное проявление общего процесса приобщения пролетариата к наукам и искусствам. Аналогию этому общему процессу можно видеть в падении Западной Римской Империи и его следствиях. Варвары, разрушив Западно-Римскую Империю, не оставили камня на камне от ее культуры—разбиты прекрасные статуи, разрушены храмы, сожжены библиотеки. Но приобщение варваров к наукам и искусствам все же совершилось чрез восприятие здоровых начал разрушенной культуры. То же самое совершается и теперь с той разницей, что тэмп исторического хода является соответствующим непомерно быстрому течению современной жизни. Аналогичные процессы, совершавшиеся в древности веками, теперь требуют для своего развития ничтожные периоды времени.

Падение буржуазного господства сопровождается падением наук и искусств капиталистического периода. Класс, пришедший к власти, до сих пор был чужд этих высоких достижений человеческого духа, но он чувствует все растущую потребность в приобщении к ним. И этот процесс приобщения совершается прежде всего в тех культурно-просветительных учреждениях, которые созданы самой массой—в рабочих клубах. Все формы клубной работы есть прежде всего формы приобщения рабочих масс к сокровищам наук и искусств, накопленным капиталистической эпохой. Эти формы совершенно новы—своеобразны—в них нет ничего искусственного—ничего придуманного—в них нет ничего строго определенного—застывшего,—наоборот—все в движении—все в процессе образования.

Касаясь работы, в частности, драматической группы, подмечая те черты, которые она принимает, следует особенно отметить—это отсутствие школьных атрибутов—определенной заранее выработанной программы, строго определенного кадра учеников и даже точно определенного времени занятий. Группа занимается тогда, когда нарастание творческой энергии требует этого. Нельзя уложить в рамки расписания эту работу, ибо это не ремесло, а свободное творчество, ибо это не умеренность и аккуратность, а пламя энтузиазма—массовый творческий порыв. Задача руководителя—сконцентрировать элементы этой энергии и помочь им вылиться свободно и мощно.

Руководители, незнакомые с методами клубной работы, пропитанные школьными приемами, являясь на занятия в условленный час в группу и не находя этой группы, обычно жалуются на неаккуратность посещений, на отсутствие интереса к делу. Не найдя своей группы в условленном месте в условленный час, такой руководитель с беспомощно опущенными руками блуждает по клубу и наконец обращается к администрации с вопросом:

—„Да где же моя группа?—Что же это такое?—группа не собирается... я трачу время“ и т. д.

Приходится объяснять что рабочие—не школьники, что принципы клубной работы существенно разнятся от принципов работы школьной, что группа нигде и везде, что задача руководителя не только провести занятия, но и собрать—сконцентрировать психическую энергию, жаждущую выявления в определенной сфере искусства. Более подвижные натуры быстро осваиваются с клубными методами работы и делаются ценными работниками. Менее подвижные, и особенно педагоги, привыкшие к школьным приемам, после первых неудач уходят от дела, не будучи в состоянии приспособиться к клубным методам культурно-просветительной работы. Руководитель должен быть в высокой мере подвижным человеком, так как он должен все время следить за психическими настроениями группы, с которой он работает,—все время чутким наблюдательным умом улавливать ее запросы, и сообразно этому давать для работы тот или иной материал,—укладывать эту работу в ту или иную форму. Иначе говоря, руководитель должен обладать тем свойством, которое Вольтер называет „гостеприимством духа“:—он должен, как губка, пропитываться окружающей его духовной атмосферой—быть чутким барометром для этой атмосферы. Ничего своего придуманного—все должно быть массовое, общее, коллективное. Ибо по самому своему характеру театральное искусство есть искусство в сфере которого можно творить только коллективно. Руководитель должен, концентрируя эстетическую энергию группы, создавать условия для коллективного нахождения соответствующих форм ее выявления.

Совершенно не обязательно для руководителя рабочей драматической группы быть актером, или вообще человеком, прошедшим курс драматической школы. Это условие—т. е. прохождение драматической школы, или практического сценического стажу—часто может быть даже минусом в работе; так как такому человеку

труднее освободиться от трафаретных школьных и профессиональных актерских приемов работы. В практике одной из клубных драматических групп помнится, например, такой случай, когда руководитель, окончивший драматическую школу, начал работу с чтения Гомера. Школьный прием оказался неприемлемым—группа распалась. На место этого неудачного работника скоро пришел другой профессиональный артист. Этот на первое же собрание группы пригласил полный набор пьес Островского, выбрал пьесу, распределил роли и начал репетировать. Прием оказался то же неправильным—рабочие из группы ушли. Таким образом ясно, что дело не только в том, чтобы иметь знания, но и уметь их превратить в живое дело. Руководитель должен быть „живым человеком“. Это—прежде всего. Хорошо, если у него есть специальные знания, нужные для работы,—не беда, если их нет,—так как они легко приобретаются в самом процессе работы. И даже, пожалуй, лучше, если руководитель совершенствуется в данной области, работая вместе с группой. Во-первых,—это в корне освобождает от фантома непогрешимого учительского авторитета; во вторых—совершенно устраняет так везде надоевший трафарет в сценическом искусстве; в третьих, заставляет проявлять группу больше самостоятельности.

Переходя к конкретным формам работ драматической группы, следует сказать, что эти формы вытекали сами собой из непосредственных духовных потребностей группы и если имеют чтонибудь общее с программами драматических школ и приемами профессиональной актерской режиссуры, то это сходство более чисто внешнее формальное, чем по существу. Это сходство вытекает из самой природы сценического искусства, но никак не из простого копирования. Формы работ драматической группы развивались совершенно самостоятельно, путем непосредственных коллективных исканий. Все эти формы работы преследуют следующие цели: во-первых—развить искусство изящного и характерного слова; во вторых—развить понимание декоративного искусства; в третьих—развить изящество и характерность движений; в четвертых—познакомить с театральной техникой; в пятых, что самое важное—развить чувство сценической правды, понимание характеров и взаимоотношений. Все эти цели достигаются следующими занятиями:

а) Развитие искусства речи.

„Нет на свете мух сильнее муки слова:
Тщетно с уст порой безумный рвется крик“.

С. Я. Надсон.

Часто замечается во время разных занятий, бесед, прений и т. п., что принимают участие в работе лишь исключительно лица, уже привыкшие говорить публично—широкая же аудитория молчит. Это явление замечается первое время и на групповых занятиях. Надо вовлечь в беседу всех. Для этого во-первых, надо создать такую атмосферу в группе, чтобы все чувствовали себя как дома, чтобы совершенно исчезло всякое чувство застенчивости; во вто-

рых—надо незаметно для самих участников (т. е. так, чтобы не чувствовалось, что проделывается определенное упражнение) вовлекать их в разговор—сначала о самых обыкновенных повседневных предметах и явлениях, о которых не может не быть у участников определенного запаса идей,—а потом, по мере увеличения запаса идей в связи с занятиями группы, руководитель должен вовлекать в беседу и по вопросам, касающимся сценического искусства. Особенное внимание должно быть уделено самым молчаливым членам группы. Большею частью это очень умные и дельные люди с немалым запасом идей, но слишком застенчивые, не привыкшие говорить публично. Надо высечь из этого камня искру живого слова, и она не угаснет—из искры возгорится пламя прекрасной речи.

Школьный прием для развития искусства речи—рассказывание по картинкам—в клубе не применим в силу своей искусственности—в силу того, что он носит характер определенного упражнения.

Для успеха работы надо чтоб все делалось само собой—без всякой натяжки—без малейшей тени принудительного элемента. Надо стараться, чтобы в группе возможно больше говорили,—говорили обыкновенной разговорной речью, отнюдь не стараясь подражать приемам и строению речи присяжных ораторов. Чем больше свободы и естественности, чем меньше подражания заезженным приемам, тем изящнее, сочнее, ритмичнее будет речь.

Процесс речи есть внешнее отражение процесса мышления. (Оба процесса текут параллельно). Научное же мышление требует прежде всего абсолютной духовной свободы. Никаких авторитетов—догматов, никакого подражания,—хождения по проторенным тропам. Истинно научное мышление всегда оригинально. Оригинальна неподражаема должна быть и речь окончательно оформляющая образы, проясняющая идеи. Смутен образ и неясна идея если они не выражены словом. Слово придает ясность четкость определенность процессу мышления, закрепляет этот процесс также как фотограф запечатлевает на своей пластинке вечно изменяющуюся многоликую природу. Поэтому необходимо, чтобы процесс мышления не проходил бесследно, фиксировать его в свободной, гибкой, хорошо управляемой речи.

б) Выразительное чтение.

Благодаря ошибочным приемам школьного обучения громадное большинство рабочих читает неправильно—серо и тускло. Безжизненность произношения поражает. Кажется как будто кто то нарочно старался вытравить все живое, яркое, выразительное, так, чтобы в чтении остался один голый скелет членораздельных звуков. Надо оживить мертвые звуки—надо придать им стройность и красоту. Для этого нужно, чтобы читающий почувствовал, что тот печатный материал, который находится у него в руках, не есть только набор условных знаков для выражения мысли, а есть живая словесная красота,—что эта красота цветет, благоухает, дышит. Надо чтоб материал, предлагаемый для чтения, затронул какие-нибудь струны души, чтобы он не прошел поверх сознания, а непреодолимо и

мощно стучался в сердце и разум человека. Материал для первых чтений должен быть особенно тщательно выбран:— он должен быть яркий, жизнен, волнующ,— должен быть такой, чтобы совершенно исключал безразличное отношение. Для того, чтобы вызвать особый исключительный интерес к читаемому произведению, необходимо предварительное всестороннее освещение этого материала, с обращением особого внимания на общественное его значение. Выразительное чтение есть одновременно и объяснительное чтение, так как без полного понимания произведения, конечно, невозможна яркая его передача. Самые способы выразительной передачи мыслей и чувств, заложенных в произведении, должны быть найдены самим читающим. И они непременно будут найдены, если произведение действительно затронет душу читающего и будет им вполне идейно осмысленно. Руководитель должен, по возможности, избегать показа выразительного чтения, так как это стесняет свободную трактовку произведения чтецами группы, ибо они часто несознательно заимствуют приемы руководителя и вкладывают в произведение его понимание. Надо чтоб каждый самостоятельно искал формы выражения мыслей и чувств, заложенных в произведении, не прибегая к подражанию. Тогда только чтение будет действительно выразительным, душевным, красочным.

с) Декламация.

Еще большую творческую радость, нежели выразительное чтение, дает занимающимся в группе декламация, т. е. выразительное произношение на память небольшого литературного произведения. Здесь для художественной передачи, помимо музыки речи, приходит человеку на помощь—выражение лица, глаз,—жест,—то или иное положение тела. Человек уже не смотрит в книгу,—не следит за печатными буквами:—он уже вполне свободно выражает все то, что является содержанием литературного произведения. Всякое такое произведение, предназначенное для декламации должно быть глубоко продумано и прочувствовано. Произведение должно быть высокохудожественным по форме,—идейным по содержанию. При упражнениях в декламации, также как и при упражнениях в выразительном чтении, надо идти своим собственным путем—путем непосредственных исканий. Особенно следует избегать в этой области усвоения искусственных актерских, профессиональных приемов, направленных к достижению дешевого эффекта. Для человека с здоровым эстетическим чувством все эти трафаретные приемы актерской декламации смешны:—все эти нелепые выкрики, искусственные жесты, утрировка в выражении лица, делающая его ничуть не выразительным, а просто глупым. Вот почему часто во время такой декламации, когда актер передает прекрасные благородные чувства поэта, которые должны бы, кажется, захватить массу,—этого не получается:—аудитория не только не переживает вместе с поэтом его чувства, но определенно, в самых трогательных местах хохочет. Обычно это принято относить за счет невежества и художественной невоспитанности масс,—но это не верно. Напротив здесь,

сказывается здоровое художественное чутье, которое самым естественным смехом реагирует на нелепую утрированную актерскую декламацию. Надо, чтобы группа, не заимствуя искусственных актерских приемов, путем самостоятельных исканий находила способы выражения мыслей и чувств, не расходящих с жизненной правдой.

д) Ритмическое чтение.

С точки зрения красоты звуковой всякая человеческая речь есть музыкальная мелодия. Чтобы речь была красивой и музыкальной надо почувствовать ее ритм—ее звуковой строй. Жители больших городов, ежедневно оглушаемые грубыми звуками современной техники фабрично—заводской работы и техники передвижения, все более и более теряют чувство ритма человеческой речи. Неистовый рев сирен, угрожающее рыкание автомобилей, пронзительный свист паровозов—все это не проходит бесследно:—грубеет слух человека,—грубеет его речь. Голос—естественный музыкальный инструмент человека становится каким то деревянным, неживым. Между тем как чувство ритма человеческой речи есть чувство данное от природы—всем присущее. Чем дальше мы будем удаляться от крупных центров в глубь наших сел и деревень, тем больше мы чувствуем музыкальную красоту речи Народная реч в глухих углах нетронутых городской культурой, дивно прекрасна Мы слышим красивый натуральный тэмбр голоса,—чувствуем музыку речи—ее напевность. Припоминается как этот характер народной крестьянской речи, прекрасно в немногих словах, оттенила одна из наших поэтесс Любовь Столица. В ее странном, чудном, полном музыки романе „Елена Деева“, там, где описывается возвращение героини из-за границы в деревню—ее первая встреча с жницами,—у поэтессы вырываются такие строки:

— Вот приветствуют напевно,

Приподняв руки заслон—

— „Свет Олена Олексевна“—

И сгибаются в поклон.—

В этой напевности крестьянской речи отражается вся та естественная гармония звуков природы, от колыбели до могилы сопровождающая радостный производительный земледельческий труд:—и дыхание майского ветра, и шелест зреющей нивы, и стрекотание насекомых, и птичьи голоса Фабричный рабочий не слышит этой музыки природы:—в его ушах раздаются удары молота, жужжащий звук сверлильного станка, нервирующий однообразный стук машин текстильного производства. В его жизни—полная какофония—какой то дикий звуковой хаос. Это, конечно, отражается на его речи,—дисгармонизирует ее. Надо парализовать это вредное влияние;—надо вернуть речи рабочего ее изящество—ее музыкальность. Для этого нужно—во первых на групповых занятиях стараться правильно поставить голос, так как большинство людей города говорить не тем голосом, которой им свойственен в силу строения их голосового аппарата, а совершенно искусственными;—во вторых—производить чтение литературных произведений со сие-

циальной целью—выявить их музыкальной строй. Часто прекрасное литературное произведение теряет весь свой аромат благодаря тому, что читающий не может уловить ритма. Это бывает с произведениями, написанными поэтической, но не стихотворной речью, внешне имеющими вид прозы; а также и с произведениями, которые хотя и внешне имеют уже вид стихотворный—поэтический, но размер их является слишком непривычным—своеобразным, как например у Бальмонта или Игоря Северянина. Для того, чтобы дать почувствовать музыкальную мелодию произведения,—надо все время следить за его размером,—надо напевным речитативным чтением оттенять его музыкальный строй. Очень хорошо это делать хором—целой группой. Тут каждый участвует в работе, и размер речи становится для него совершенно ясным. Мертвая деревянная речь оживает—приобретает новую красоту. При упражнении в напевном ритмическом чтении надо стараться, чтобы размер речи находился коллективно самой группой;—руководитель не должен преподносить его группе как нечто готовое—данное. Нет—пусть группа сама ищет музыкальную красоту речи;—задача руководителя только в том, что-бы направить эти искания на правильный путь. Эти упражнения безусловно окажут громадное влияние на развитие изящества в обыденной речи рабочих и таким образом парализуют вредное влияние какофонии фабрично—заводской техники.

е) Драматическое творчество.

Для того, чтобы проанализировать самый процесс драматического творчества,—понять как внешнее, так и внутреннее психологическое строение драмы,—можно производить такого рода упражнение. Коллективно группой намечается какая-либо тема для драматизации. Тема должна быть волнующая живая,—должна зажечь творящую массу силой своего внутреннего огня. Масса захвачена—напрягаются лицевые мускулы, глаза горят; каждый интенсивно мыслит, интенсивно чувствует;—то у одного, то у другого вспыхивают искры творческого пламени,—сначала робко—несогласованно, потом все смелее и стройнее и наконец сливаются в психологически единый коллективный творческий процесс. Творится драма. Каждый вносит свое понимание действия,—свое понимание психологии действующих лиц. Каждая индивидуальная мысль вливается в общий поток коллективной мысли,—каждая вносит что-нибудь ценное. Подробно разрабатываются характеры действующих лиц,—их психология, борьба. Намечаются целостные психологически законченные моменты, которые кладутся в основу деления пьесы на акты. Подробно и всесторонне разрабатывается каждый акт пьесы: с точки зрения психологии героев пьесы, реальности их характеров, сценичности действия и т. д. Отмечаются общие мысли, которыми должны обмениваться в пьесе действующие лица, черты их поведения. Составляется краткий конспект, в котором описываются характеры действующих лиц, их психология, и развитие действия в виде последовательной, согласно ходу драмы, смены мыслей, чувств, поступков. Пьеса зачерчена обще, но рельефно. Созданные

путем коллективного творчества образы живыми стоят перед глазами,—остается их лишь воплотить в процессе сценического действия. Распределяются роли сообразно склонности и желанию каждого. К следующему дню занятий группы каждый продумывает свою роль на предмет импровизации. В этот день устраивается импровизированный спектакль. В комнате для занятий условно определяются место и обстановка действия. Согласно ранее разработанному плану каждый из участников, свободно импровизируя речь и поведение, ведет свою роль, не стесняемый данной формой, а сам создавая ее. Такая полнота творчества, когда каждый одновременно является и автором и актером дает наивысшее удовлетворение человеку, ищущему выявления своей личности в сценическом творчестве. Получается полное соответствие между мыслью и чувством автора, и мыслью и чувством актера. Тут невозможно неправильное понимание роли—неправильная трактовка:—автор и актер—одно. Гармония художественного творчества создается самая полная.

f) Беседы, считки, репетиции.

Но игра для себя, наполняя все существо творческой радостью, далеко еще не является последним этапом достижений.

Если человек путем исканий приобрел какую-либо высокую ценность духа, у него является совершенно естественное стремление—поделиться со всеми своим сокровищем. Если в душе человека ярким пламенем горят творческие силы,—они требуют самого широкого своего выявления. Творчество артиста—проявление его дарования—по преимуществу мыслится публичным. С одной стороны он зажигающий толпу гневом, востром, радостью,—с другой стороны эта самая тысячеглазая многоликая толпа, вместе с актером переживающая драму. Слияние артиста и зрителя в едином, прекрасном чувстве—высочайшее достижение театра.

Драматическая рабочая группа естественно будет стремиться к игре на сцене для публики—для приобщения к искусству своих братьев-рабочих. С этого момента начинается предварительная работа по постановке спектакля. Первый шаг в этой работе—выбор пьесы. Группа знакомится с одной пьесой, с другой... третьей... пробует... оценивает... зажигается... потухает и слова зажигается. Наконец пьеса для постановки выбрана. Всех волнует, томит жажда перевоплощения в прекрасные образы, созданные поэтом. Сама группа всем коллективом распределяет роли сообразно склонностям, способностям, темпераменту каждого. Распределение ролей режиссером, как это обычно делается в силу театральной традиции, неприемлемо: авторитарный принцип не совместим с свободой творчества и всегда служит помехой на пути человеческих исканий. Коллектив группы всего лучше сумеет определить, кто лучше, рельефнее воплотит тот или иной образ. Это коллективное распределение ролей, чтобы быть осуществленным, должно находиться в гармонии с личным желанием, и оно всего чаще находится в гармонии с личным желанием.

После того как роли уже распределены, каждый играющий должен основательно изучить пьесу в целом—осмыслить ее—продумать, так что-б все было ясно. Идея пьесы, сущность совершающейся борьбы, общий фон, на котором разыгрывается драма—должны быть уловлены каждым играющим; ибо только при единстве понимания общих заданий получается стройность в игре.

По всем этим вопросам общего характера группой ведутся беседы, которые приводят к согласованности в понимании. Следующие беседы посвящаются разработке характеров действующих лиц и их взаимоотношений—психологическим деталям:—взвешивается значение каждой реплики, каждого движения.

Лишь после того, как идейно все уяснено, группа приступает к реальному воплощению в сценической игре прекрасных образцов поэта. Первый шаг в этом направлении „считка за столом“. Каждый исполнитель читает выразительно по книжке свою роль, причем чтение все время прерывается обсуждением соответствия характера речи характеру изображаемого лица. Внимание фиксируется исключительно на искусстве речи. Вырабатываются художественные и характерные приемы, при помощи которых дается известная выпуклость мыслям и чувствам,—рисуеться образ, созданный драматургом. Лишь после достижения известных результатов в искусстве художественного характерного слова путем считки, группа переходит к соединению искусства речи с искусством движения. Начинаются репетиции.

Обычно в труппах профессионалов в этом деле доминирующую роль играет режиссер: на репетициях все подчиняется палочке режиссера—его воле—его пониманию. Такого характера репетиции есть дело „пустое, никчемное и даже вредное“.—„Пустое и никчемное“—потому, что вместо массовой работы, в которой бы каждый принимал участие, получается работа одного человека, который все за всех продумал, который все знает и театральный авторитет которого непогрешим—„И даже вредное“—потому, что в самый метод культурной работы привносятся идеи власти и подчинения,—авторитета и веры:—привносятся идеи несомнимые с достоинством человеческой личности. Если мы хотим воспитать нового свободного человека,—человека—творца жизни,—мы должны тщательно устранять все то, что способствует сохранению пассивности духа. „Человек—это звучит гордо“,—и человек должен быть гордым:—никаких авторитетов,—никакой тени зависимости, подчинения даже умственного. Неравенство умственного развития есть худшее из неравенств, и оно должно быть стерто и будет стерто напряженной работой культурно самоопределяющихся масс. Таким образом ясно, что с точки зрения истинно гуманитарного воспитания, личная режиссура—как форма работы на репетициях рабочей драматической группы—неприемлема.

Режиссером клубной драматической группы должна быть сама группа—весь коллектив. Руководитель только в качестве сведущего лица должен давать группе те или иные разъяснения, справки, сведения, которые потребуются в процессе работы. Ни в каком случае неприемлемо режиссерское навязывание приемов сцениче-

ского творчества, которое практикуется в труппах артистов-профессионалов. Там режиссер показывает репетирующему артисту тот или иной прием,—показывает как надо говорить, какие делать движения. Актер рабски копирует голос и движения режиссера, не смея проявить собственного творчества—собственного понимания изображаемого лица. Поневоле игра артиста становится натянутой, трафаретной, чисто технической. Так было с Шаляпиным, которого в начале его артистической деятельности режиссура все время загоняла в рамки оперного профессионального ремесленничества, с которым не мог мириться его ищущий творческий гений. Так было с тысячами иных неизвестных артистов, которые благодаря этой режиссуре не могли проявить своих дарований и были засосаны болотом театрального ремесла. Личная режиссура настолько мешает художественной работе, что несмотря на огромный талант Шаляпина, по его собственному признанию в „Автобиографии“,—он первое время на петербургской сцене играл скверно. И этим он обязан исключительно режиссуре, в то время диктаторски господствовавшей в государственных театрах. ¹⁾ Как только гнет личной режиссуры был сброшен, его сценический гений заиграл всеми переживаниями истинно драгоценного камня. ²⁾ Личная режиссура обезличивает артиста,—мертвит игру, вынимает из дела живую душу. Вот почему на всем громадном пространстве от Архангельска до Тифлиса, где развертывают свои силы наши провинциальные труппы, в театрах не чувствуется свободной ищущей мысли. В каком городе мы не заходим в театр—езде видим одни и те же трафаретные приемы—как будто по всей необъятной России играет одна и та же труппа. Это скучное однообразие игры,—эти заезженные приемы—продукт личной режиссуры.

В работе пролетарских клубов, где всякое творчество проявляется свободно, не может быть места этому явлению, ибо оно есть пережиток старого театра капиталистического периода нашей истории. Драматическая клубная группа сама является своим собственным режиссером, обращаясь к сведущим лицам лишь за разрешением специальных вопросов. Руководитель, помимо дачи всяких сведений согласно запросам группы, должен стараться развить как можно шире стремление к самокритике,—к возможно более строгому отношению к своей работе. Для этого надо создать в группе такую интимную атмосферу, что-бы всякий мог, без всякого опасения обидеть, подчеркнуть ошибки товарища. Такая атмосфера легко создается в однородной рабочей группе.

Путем вдумчивого критического отношения к работе развивается художественный вкус группы. Святое недовольство своей работой повышает требования, которые группа предъявляет к себе.

¹⁾ „Я чувствовал, что та индивидуальность, которую я представлял себе князем Владимиром, не может делать жестов и движений, которые навязывал мне режиссер“ (Шаляпин, „Автобиография“;—„Летопись“ 1917 г. № 9—11 стр. 136).

²⁾ „Когда Мамонтов предоставил мне право работать свободно, я тотчас начал совершенствовать все роли моего репертуара: Сусанина, Мельника, Мефистофеля и т. д. Мне никто не мешал, меня не били по рукам, говоря, что я делаю не те жесты. Никто не внушал мне, как делали то или это Петров и Мельников. Как будто цепи спали с души моей“ (Шаляпин „Автобиография“—„Летопись“ 1917 г. № 9—12 стр. 138).

Растет художественное понимание, а вместе с ним и стремление к безграничным достижениям. Такой рост художественного понимания может быть лишь результатом работ всего коллектива. Коллективная групповая режиссура, внося чрезвычайное разнообразие в понимание сценических заданий, оживляет работу, в корне убивая всякий мертвый трафарет, переоценивая и разрушая мишурные ценности актерского профессионального ремесленничества. Эта критическая переоценка укоренившихся нелепых театральных традиций крайне необходима. Все глупые и смешные условности в приемах игры должны быть устранены:—игра должна быть совершенно свободной от традиционных профессиональных форм.³⁾ Коллектив группы путем постоянных исканий должен нащупывать новые формы сценического творчества, причем найденные уже формы, не обращаясь в традицию, все время должны подвергаться критической переоценке. Никаких окаменелостей!—все должно быть в движении— в процессе образования. Коллективная групповая режиссура как раз и не позволяет застывать создающимся формам—не позволяет им перейти в статическое состояние, все время поддерживая творческий динамический процесс. Репетиции, проводимые в условиях коллективной режиссуры, особенно ценны тем, что они, во-первых—оказывают громадное развивающее влияние на членов группы; во-вторых—самым наилучшим образом способствуют нахождению новых, простых и естественных форм сценического искусства. Коллективная режиссура, как форма активной художественной работы, является полной противоположностью личной режиссуры,—которая представляется формой пассивной актерской учебы. Таким образом ближайшая подготовка к спектаклю в условиях клубной групповой работы мыслится как коллективная режиссура, когда каждый проявляет свою личность в сценическом творчестве, выливающимся в общий поток массового художественного созидания. Эта работа, протекающая в форме репетиций, независимо от того приведет ли она к постановке спектакля, имеет самодовлеющее значение. Пусть даже репетируемая пьеса никогда не будет поставлена,—самый процесс подготовительной работы проложит глубокие борозды в культурном развитии лиц, входящих в драматическую группу. Если же группа достигает завершения своей работы постановкой спектакля—это расширяет сферу влияния проделанной культурной работы на громадную массу лиц. Спектакль драматической группы может быть поставлен лишь после всесторонней тщательной обработки пьесы, что-бы постановка доставила действительное художественное на-

³⁾ Прим. Чуткий А. П. Чехов более чем кто либо другой чувствовал фальшь игры. В письме своем к О. Л. Книппер, по поводу постановки пьесы Гауптмана „Одинокие“ он пишет:

„Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть резким в изображении нервного человека. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где— на улицах и в домах—Вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, т. е. не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикующей а грацией. Тонкоискусственные движения, присутствие интеллигентным людям, и внешним образом нужно выражать тонко. Вы скажете: условия сцены.—Никакие условия не допускают лжи.“ („Невский Альманах“ СПб. 1915 г. стр. 99).

слаждение артистам и зрителям. Только при этом условии постановка публичного спектакля имеет ценность. Постановка слабо проработанных пьес недопустима—ее не допустит здоровое эстетическое чутье самой группы. Раз группой ставится какая либо пьеса, значит эта постановка имеет несомненный художественный интерес, иначе не было бы смысла в самом факте постановки. Спектакль должен выявлять искания группы—ее подход к разрешению той или иной эстетической проблемы.

Серьезное отношение артиста к делу передается по невидимым психологическим нитям и зрителю. Зрительный зал замирает—задумывается:—нет обычных пошлых хлопков и еще более пошлых раскланиваний артистов со сцены. Пуританизм артистов—рабочих—отсутствие стремления „сделать успех“—создает здоровую атмосферу в зрительном зале, совершенно противоположную тому болезненному неврозу, который создается в театрах артистов—профессионалов, прибегающих к крайней утрировке в игре и грубым эффектам. После первых опытов с рабочими труппами мы должны отметить как одну из основных черт их игры—полную правдивость и искренность,—в отличие от фальши и лжи, которые чувствуются в игре профессиональных трупп.

д) Доклады.

„Не станем увлекаться авторитетом писателя, не будем заботиться о том, много ли, мало ли он знаменит в литературе; пусть одна чистая любовь к истине и простой здравый смысл руководят нами в выборе и усвоении хороших мыслей и полезных знаний“.

Артур Шопениауэр.

Для того, что-бы работа группы имела строго научное основание и освещение, необходимо что-бы руководитель знакомил ее с теми науками, которые дают наилучшее понимание сценического искусства. Это ознакомление делается в форме докладов, сопровождающихся общей беседой. Руководитель должен познакомиться группу с историей театра вообще, с историей драмы, как литературного произведения в частности, с видами драматических произведений и их структурой. Освещение в своих докладах эстетического и общественного значения классических драматических произведений должно быть одной из основных задач руководителя.

Ознакомление с основами декоративного искусства, являясь необходимым для сценической работы, еще большее значение имеет в деле эстетизирования рабочего быта. Красота, которая создается на сцене не может не проникать в жилища рабочих.

Доклады руководителя по всем вышеуказанным вопросам должны быть—во первых—строго научны—не должны спускаться до степени дешевой популяризации; во вторых—просты, дабы не уподобляться лекциям и диссертациям многих буржуазных ученых, в которых большею частью много мудреных слов и всяких ссылок на всевозможных языках, но мало мыслей. Человеку непосвященному в алхимию научной работы таких ученых, когда он развер-

тывает толстые томы докторских диссертаций, наполненные непонятными словами, цитатами на разных языках,—со всевозможными указателями—алфавитным—предметным, указателем прочитанной автором труда литературы и т. п.—эти ученые представляются какими то необыкновенными людьми—каким то неизякаемым кладом мудрости. И громадному большинству читающей публики совершенно неясно, что под той мудреца здесь часто скрывается просто научное юродство—чрезвычайное убожество и бедность мысли,—и что в копеечной брошюре мирового гения гораздо больше ценных мыслей, нежели во всей этой „научной“ макулатуре, трактующей тот или иной вопрос.

Надо помнить, что всякая научная истина, прежде всего, проста. Надо уметь вылущить здоровое зерно истинно научной мысли от облегающей его псевдо-научной шелухи, и только это здоровое зерно предлагать в качестве духовной пищи своей аудитории. Надо стараться охранить здоровую рабочую аудиторию от той путаницы, которая царит в головах буржуазных ученых—в их писаниях, и отражает собой хозяйственный хаос капитализма. Надо уметь находить среди всего этого научного хлама брильянты и самоцветы истинной науки и бережно переносит их в новую умственную среду. Процесс развития научной мысли в рабочей группе должен быть очень интенсивен, так как он заключается не только в восприятии готового материала, но и в критической работе над этим самым материалом. Руководитель группы в этом деле должен служить теми дрожжами, которые дают брожение мысли. В своих докладах, сообщая определенные научные истины, он должен везде стремиться к достижению полной точности,—должен ставить вопросы ребром, отнюдь не замалчивая тех или иных контраверз.

Указывая литературу по тем или иным вопросам, руководитель должен рекомендовать только действительно ценное и важное, оставляя в стороне все компилятивное, путаное, чего так много на книжном рынке. Рабочему некогда тратить время на литературную чепуху:—лучше прочитать немного и извлечь из этого определенные знания, чем замусоривать голову расплывчатой, ничего не уясняющей quasi-научной брехней присяжных болтунов.

h) Художественные экскурсии.

В целях развития чувства прекрасного, группа производит художественные экскурсии. Очень полезно такие экскурсии устраивать на спектакли театров, в постановках коих проявляются художественные искания. Группа наблюдает здесь новые методы сценической работы—взвешивает и оценивает их с разных точек зрения. Руководитель должен обратить внимание на самую суть дела,—на смысл и значение того или иного метода постановки или приема игры.

Не менее полезно такие групповые экскурсии устраивать также и в обычных театрах, где постановка пьес и игра ведется по определенному профессиональному шаблону. Здесь руководитель дол-

жен подчеркнуть всю фальшь, — всю грубую условность постановки и игры, чтобы возбудить серьезное критическое отношение к ремесленной работе профессионалов. Это предохранит группу от вредного стремления к подражанию — предохранит от многих ошибок.

Чрезвычайно важными для группы по своим последствиям могут быть экскурсии в ярмарочные балаганы. Среди интеллигенции принято как то свысока относиться к этим учреждениям: результат предвзятого мнения, что здесь ничего нет художественно ценного. Это ошибочное мнение: во всевозможных выступлениях балаганных артистов часто видятся крупницы истинно народного искусства. Ведь балаганный артист не проходит предварительно никакой школы он доходит до всего собственным умом. И эти то искания содержат чрезвычайно много характерного, так как являются ответом на запросы самых широких масс. В этом балаганном искусстве есть много поучительного, — есть много такого, что невольно останавливает внимание человека чувствующего красоту и заставляет задуматься. Правда, здесь все примитивно — все в зародышевом состоянии; но подход к разрешению задания часто поражает своей простотой и художественной правдой. Уловить правильные методы художественного творчества в клоунадах и пантомимах балаганных артистов — вот благодарная задача группы. В целях ознакомления с декоративным искусством руководитель может повести группу в мастерскую декоратора, познакомиться с особенностями декоративного письма, с типами декораций.

Для понимания декоративной красоты и развития умения ее создавать необходимо устраивать экскурсии в здания, в которых особенно ярко отражается определенный характер внутреннего убранства; иначе говоря, внутреннее убранство коих типично для быта того или иного общественного слоя, той или иной исторической эпохи. Например, для того, чтобы дать понятие об обстановке жизни русских помещиков до отмены крепостного права, — нужно повести группу в какую-либо заброшенную барскую усадьбу с старым барским домом. Все эти остатки прошлой жизни: парадные ворота с каменными столбами, с какими то статуями; — полу-сгнившие службы, расположенные на дворе; — заросший липовый парк с развалившимися беседками, с покрывшимся зеленью прудами; парадный зал дома с колоннами, с хорами для музыки, — гостинная с тяжелой неуклюжей мебелью, с портретами предков по стенам, — уютные антресоли с низенькими потолками, печками, выложенными узорчатыми изразцами, с окнами на двор и т. д. — создают живую картину помещичьего быта. Все эти памятники жизни определенного слоя человеческого общества, в определенную эпоху, в определенной стране, — эстетическое понимание наблюдателя приводит в стройную систему — стилизует. Эта то работа и является очень важной для группы, так как здесь стилизация того или иного быта совершается самой группой, а не является заранее данной согласно создавшемуся историческому шаблону, часто совершенно ошибочному. Такие экскурсии с целью развития понимания декоративной красоты как исторического, так и современного быта ока-

зывают огромное влияние на развитие эстетического чувства. Человек начинает видеть красоту там, где ее раньше не видал:—начинает любоваться тем, мимо чего ранее проходил равнодушно, ибо источник красоты не во вне, а внутри—в душе человека. Несколько человек могут наблюдать одно и то же явление, придавая ему совершенно различную эстетическую оценку. Возьмем для примера такое внешнее явление, как—грязная дождевая лужа. Один проходит мимо нее с брезгливым неприятным чувством; другой—с равнодушием; а третий останавливается, любит отражающимся в ней солнцем, ее блестящими брызгами,—зарисовывает ее,—создает картину—художественное произведение. Задача эстетического воспитания именно и заключается в том, чтобы научить—видеть, понимать и чувствовать красоту всюду—во всей окружающей жизни, ибо нет такого предмета и явления, которое не могло бы быть эстетически осознано. Чрез внешнюю, часто грубую оболочку, надо видеть души вещей—мысль и чувство творца их. Это дается художественным пониманием мира.

Задача руководителя группы, организующего художественные экскурсии, и заключается в пробуждении дремлющего в человеке чувства красоты, которое дает любовное светлое отношение к окружающему. Если это чувство пробуждено—оно найдет красоту везде—и в величественном храме и в грязном заплеваном кабаке и в дворце владетельной особы и в хижине пастуха.

Художественные экскурсии должны быть разнообразны и многосторонни, ибо многогранна и многолика сама, всюду кипящая жизнь.

В заключение следует указать на особо важное значение экскурсий в художественные музеи и галереи для группы, изучающей сценическое искусство. Эти экскурсии могут дать очень хорошее освещение вопросам, связанным с сценической мимикой и пластикой. Дело в том, что действительная жизнь не представляет нам возможности наблюдать движения человеческого тела, движения мускулов лица—в статическом застывшем состоянии. Эту возможность представляют искусства живописи и вааяния, фиксирующие определенный психический миг, закрепляющие его красками или резцом. То, что в действительной жизни неясно, расплывчато, и, благодаря этому, ускользает от наблюдения—в картине и статуе представлено выпукло, ясно и определено. Всякое движение человеческого тела, игра его мускулов, тончайшие оттенки в выражении лица—все это, благодаря тому, что раз навсегда зафиксировано на полотне или мраморе,—становится доступным изучению. Призывы страсти, порывы горя, иступления дионисического восторга, тысячи всевозможных тончайших нюансов чувства—все воплощено в красках или камне. Здесь драматической группе широкое поле для изучения.

Художественная галерея для артиста то же, что анатомический театр для медика. Живая жизнь разложена на составные элементы и становится доступной научному анализу.

1) Гимнастика, спорт.

Для развития искусства движения на сцене, большое значение имеют гимнастика и спорт.

После того как в течении мировой истории на смену златокудрому радостному Дионису пришел мрачный средневековый Христос;

после того как лицемерное ханжеское христианство скрыло прекрасное античное тело под нелепыми одеждами;

после того как похотливая извращенная монашеская мысль, самую культуру тела—его красоту,—признала грехом—соблазном дьявола:—

тело человека гибло в медленной агонии, поруганное, оплеванное ядовитой слюной святейших отцов.

На протяжении долгих столетий прекрасное тело вырождалось, обезображивалось и настолько сделалось некрасивым, грубым, безобразным, что уже самый вид его вызывает стыд.—Люди стали стыдиться своего тела.

Надо воззвать к телу его красоту. Надо возродить здоровые телесные упражнения, как средства культуры тела.

Помимо общих условий, для фабрично-заводских рабочих есть еще условия особые, вредящие правильному развитию тела. Благодаря однообразным формам машинного труда, организм рабочего не получает всестороннего развития. Тело его становится крайне уродливым, непропорционально развитым,—движения—угловатыми, лишенными какого бы то ни было изящества. Для того, что бы устранить эти дефекты в развитии организма рабочего и вытекающие отсюда последствия—необходимо, что-бы этот организм помимо своей профессиональной работы, производил иную еще мускульную работу, представляющую хорошие условия для всестороннего полного развития человеческого тела. Такой работой и являются занятия гимнастикой и спортом. Чем разнообразнее эти занятия, тем более всестороннее развитие получить организм человека. Движениям возвращается их естественное изящество и уверенность. А это чрезвычайно важно для артиста, который путем тех или иных движений должен на сцене выявить характеры определенных лиц и их борьбу. Артист на сцене в отношении развития движений тела должен быть совершенно свободен,—должен быть полным господином своих движений, иначе игра будет страдать крайней вялостью. Путем гимнастики и спорта человек научается регулировать свои движения, управлять своими мускулами, а в этом и заключается суть сценической пластики.

Все перечисленные выше формы работ драматической группы клуба сами собой намечались в процессе занятий. Тут нет ничего придуманного, привнесенного извне—все это родилось и продумано внутри группы. В силу недостатка работников многое из намеченного приходилось проводить в жизни группы слабыми штрихами, и несмотря на это жизненность того или иного приема весьма

чувствовалась группой. Кой какие из перечисленных выше работ, не были еще совсем осуществлены, а только наметились в процессе групповой работы и настоятельно требуют осуществления. Наша работа очень несовершенна, но в ней много намечается жизненных и здовых начал, каковые мы и имели ввиду зафиксировать в настоящем очерке.

Справедливость требует отметить, что помимо указанных выше, в группе применялись и некоторые иные формы работы. Здесь указаны только важнейшие и в общих чертах, ибо каждая форма работы в клубной группе не может быть закреплена в строго определенных чертах—она все время видоизменяется—все время варьирует на всевозможны лады. Такая эластичность форм работы—залог жизненности дела. И наоборот—омертвление этих форм было бы началом конца творческой работы.

Принципы, на которых строятся те или иные формы групповых занятий, должны быть согласованы с общими принципами клубной работы, или даже непосредственно из них вытекать. Из таких общих принципов, имеющих непосредственное отношение к организации групповых занятий, следует отметить следующие.—

Во, первых—интимность клубной работы. Работа производится только в кругу членов клуба и не имеет непосредственной целью какие нибудь публичные выступления,—ибо клуб есть коммунальный домашний очаг.

Во вторых—полное отсутствие всякого принуждения в занятиях, даже морального. Каждый самостоятельно находит ту работу, которая наиболее соответствует его духовным запросам, и свободно предается влечению своего ума. Никакой дисциплины!—ни тени принуждения! Свободная работа в свободных коллективах. В третьих—всякая клубная работа есть проявление творческой самодеятельности масс. Формы клубной работы не есть формы пассивного восприятия, а формы активной массовой культурно—творческой деятельности. Работает сама масса;—руководитель занятий лишь акушер способствующий рождению свободной мысли. Клубная работа есть стихийное массовое творчество.

Эти принципы клубный работник должен всегда иметь в виду при организации того или иного рода занятий. Ибо эти принципы есть не умозрительная теория, а нечто эмпирически данное, вытекающее из стихийно слагавшихся форм клубной культурно—творческой работы. Основная ошибка многих работников по просвещению заключается в том, что они часто стараются привить формы работы, являющиеся их собственным домыслом. Такие формы работы всегда являются мертворожденными. В области клубной культурно—творческой работы нельзя придумывать ничего искусственного,—следует лишь глубже продумывать те формы работы, которые создаются самой массой и способствовать направлению их по правильному пути. Ведь рабочий клуб есть революционная организация, возникшая в борьбе за умственное равенство,—сила же всякой революционной организации в массовом творчестве. И как „советы“ есть найденная форма пролетарской диктатуры, так и рабочие клубы есть найденная форма культурно—творческой работы

снизу в переходной период истории. Эта форма работы находится еще в зародыше, но она чревата чрезвычайно важными последствиями. В рабочих клубах намечаются основные черты духовной культуры нового строя—прекрасной культуры грядущего коммунизма.

И. П. Беляев.

Дополнение I-е

к заметкам о работе в драматической группе рабочего клуба.

После того, как был написан предыдущий очерк, в одной из драматических групп рабочего клуба появляется новая форма работы, привнесенная в группу новым работником А. Д. Поповым.

Ввиду того, что эта форма работы крайне интересна, жизненна и прочно привилась в группе, нельзя оставить ее без освещения. Я заранее извиняюсь перед сотрудником за несовершенство и неточность передачи сущности и форм его работы. Передать ее на бумаге очень трудно,—почти невозможно. Надо видеть эту работу чтобы почувствовать ее смысл. Как передать на бумаге мимику, движения, интонацию артиста, которыми он поясняет свои положения? Свои занятия А. Д. Попов начал с беседы о типах театра. На живых конкретных примерах, все время для уяснения мысли прибегая к художественным приемам, он провел пред умственным взором слушателей три типа театра: театр, в котором рассказывают (театр повествования),—театр, в котором показывают (в котором изображение жизни достигается тонкой внешней игрой без участия чувства),—и театр, в котором переживают (в котором игра соединяется с чувством). Этому была посвящена вся первая беседа, занявшая не менее двух с половиной часов, и так заинтересовавшая группу, что несмотря на наступление часа закрытия клуба, она не хотела расходиться.

Вторая беседа была посвящена вопросу о правдивости сценического изображения—о правде жизненной и правде художественной. Она также вызвала высокий интерес, так как в корне разрушала утвердившееся обывательское представление о сценическом искусстве.

Когда путем бесед было уяснено в общих чертах правильное понимание сценического искусства, группа приняла предложение руководителя заняться в первую очередь разработкой „драматических этюдов“. Прежде чем сделать это предложение т. Попов уяснил всю нелепость работы тех драматических групп, которые в первую голову занимают репетициями и постановками спектаклей,—так как такие постановки всегда являются плохими копиями постановок провинциальных трупп актеров—профессионалов, чуждых каких-либо художественных исканий, работающих по определенным сценическим штампам. Поставить спектакль, говорил он, ничего не стоит,—очень легко. Но какой смысл в этом? Только одним плохим спектаклем в Костроме будет больше. Кто получит от этого художественное удовлетворение?—Никто—ни артист,—ни зритель.

Поэтому необходимо прежде долго заниматься предварительными упражнениями, которые разовьют способности, необходимые артисту для художественной работы. В первую очередь для начинающих такими упражнениями являются „драматические этюды развивающие чувство правды“.

Сказано—сделано. Группа немедленно приступает к постановке этюда—„в парикмахерской“. Часть клубного зала обращается в парикмахерскую.—Напротив воображаемых зеркал ставятся стулья, определяется входная дверь: парикмахерская готова. Сейчас же из группы выделяются действующие лица: парикмахер, его помощник, заведующая дамским отделением, мальчик, посетители и посетительницы.

Прежде чем приступить к разработке этюда, т. Попов предупреждает, что каждый из действующих лиц должен быть тем, что он есть. Никто не должен стараться изображать—играть. Каждый должен себя только почувствовать парикмахером, подмастерьем, мальчиком, посетителем и т. д. Каждый должен вести себя так, как бы он вел себя будучи, положим, парикмахером, но именно он Иван Иванович Петров, а не ктонибудь другой.

Наконец персонал парикмахерской занимает свои места, являются посетители парикмахерской:—начинается разработка этюда. При этой работе внешнему наблюдателю становятся очень ясны: как с одной стороны,—простота и искренность в исполнении; так—с другой стороны,—фальшь и ложь. Это упражнение тем и ценно, что в нем нельзя лгать, так как всякая ложь выпукло—рельефно выделяется и вызывает в зрителях смех.

В этом упражнении принимали участие представители двух драматических групп, одна из коих работает исключительно над постановкой спектаклей—репетирует и ставит—репетирует и ставит,—и эту работу совершает под руководством артиста—профессионала; другая группа к постановкам совершенно не стремится, а проявляет свое художественное устремление к сценическому искусству в иных формах.

При проведении этюда сразу же почувствовалась существенная и характерная разница в исполнении, представителей той и другой группы. Члены группы, не ставившей спектаклей, исполняли задание просто и естественно:—они, исполняя этюд вели себя, так как бы они вели себя в данном положении в жизни. Члены группы, ставившей спектакли, прежде всего оказались не в состоянии понять задание: они все время старались играть—изображать, в то время как этого, именно, не нужно было делать по смыслу задания, которое заключалось в том, что-бы почувствовать себя в положении, скажем, парикмахера и соответствующим образом вести себя. Один же из членов этой группы дошел до такой степени неестественности и фальши в игре, что вызвал своими жестами и выкриками такое веселое настроение занимающихся, каковое граничит с гомерическим хохотом. Когда он играл на сцене, благодаря нашей привычке видеть на подмостках кривляющихся, безумничающих людей,—неестественность его поведения слабее чувствовалась,—в этюдах же эта неестественность выступила ярко и рельефно. Человек ока-

зался в корне испорченным обучением профессиональным сценическим приемам, и для художественной сцены является совершенно потерянным.

Только на этих этюдах становится понятным тот вред, который приносит так называемое „любительство“ делу сцены. Зародившееся в нездоровой атмосфере мешанской обывательщины, вскормленное и вспоенное провинциальным ремесленным актерством,—оно совершенно чуждо всяких исканий и бесплодно топчется на одном месте. Являясь плохой копией плохого оригинала, „любительство“ во всем своем психологическом укладе носит мертвящие начала самого пошлого филистерства. Как хореографическое искусство, во все обесцвечивающей обывательской среде, выродилось в глупый бальный танец, ничего не имеющий общего с искусством; так и сценическое искусство в этой косной среде приняло характер пассивности и выродилось в, ни уму ни сердцу не говорящие, любительские спектакли. Поражает эта тупая самонадеянность любителя, имеющего нескромность публично выступать без всяких к тому данных. Поражает это ремесленничество,—срепетировал—сиграл,—срепетировал—сиграл: спектакли пекутся как блины с легкостью удивительной. Нет ничего, конечно, странного в том, что после такого спектакля у зрителя в душе остается весьма легкий след от него, если не полная пустота.

Вспоминаются слова А. Д. Попова, сказанные им во время одной из бесед в группе: „для того, чтобы выучиться играть на музыкальном инструменте, учатся от 8 до 10 лет,—для того, чтобы выучиться петь—тоже,—только одно искусство игры на сцене представляется всем настолько легким, что тут вся наука сводится к нескольким репетициям“. Такое легкомысленное отношение к игре на сцене свидетельствует, конечно, об отсутствии художественного чутья у таких „любителей“ и о полном непонимании заданий сценического искусства. Для того, чтобы спектакль сделался ценным достижением, необходима длительная и упорная предварительная работа. Клубам нужны не группы, работа коих с точки зрения сценического искусства малоценна, а драматические группы с студийным характером работы. Уже на первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций (15—20 сентября 1918 г.) по вопросу о пролетарском театре была вынесена резолюция: „строительство пролетарского театра должно начаться... с образования драматических рабочих студий“. И вот эти то драматические группы с студийным характером работы должны организовываться прежде всего в стенах рабочих клубов. Этого повелительно требует поступательный ход пролетарской культуры.

Вот почему мы должны всей силой души приветствовать те новые формы драматической работы, которые прививаются в наших клубах. Нам эти формы работы представляются началом нового этапа в развитии клубного драматического искусства. Намеченный путь безусловно верен и приведет к хорошим результатам. Этот путь безмерно ценен тем, что в самом процессе работы вскрывается вся сценическая гниль, унаследованная нами от прошлого.

Сама собой откидывается в сторону условная заштампованная сценическая фальшь, и в ярком свете рампы должна выявиться художественная правда.

По этому то мы и считаем нужным отметить новую форму работы, прививающуюся в драматической группе рабочего клуба.

Дополнение II-е

к заметкам о работе в драматической группе рабочего клуба.

На днях мне пришлось сделать одно наблюдение, которым не могу не поделиться с людьми, интересующимися постановкой изучения сценического искусства в клубах.

Вслушиваюсь в разговор двух артистов: одного любителя, другого профессионала—руководителя одной из клубных драматических групп, занимающихся постановками спектаклей.

Профессионал недоумевая и возмущаясь жалуется любителю на то, что его группа не желает играть пьесы Островского: „помилуйте!—пьесы Островского—классика сцены не хотят играть!—удивительно“. На что любитель ему приблизительно ответил следующее: „да, что-то странное творится;—мы недавно ставили пьесу Островского в деревне, и публика—серая крестьянская масса—осталась недовольна не игрой, а именно тем, что ставили пьесу Островского. Слышались разочарованные возгласы:—ну опять Островского! Во время спектакля зевали“.

Оба разговаривающих разводили руками и недоумевали, почему классические пьесы Островского, которые ранее были самыми желанными гостями на народной сцене, вдруг потеряли свое обаяние.

Немного спустя после того, как я услышал этот разговор, читая новогодний номер „Дневничка I-го Костромского рабочего социалистического клуба“ (письменное издание, выходящее два раза в неделю), я натолкнулся на то же отрицательное отношение к старым укоренившимся на сцене пьесам и в частности к пьесам Островского. В этом дневничке, в котором члены клуба часто обмениваются своими мнениями по вопросам культурно-просветительной работы, в статье—„Два театра“ автор, передавая впечатления от игры артистов Костромского городского театра, пишет: „здесь все из буржуазной среды: на сцене видим барынь с жиру бессящихся, интеллигентов—тряпок, ничего не делающих для улучшения жизни“. И в другой статье „Народный дом“, при оценке репертуара, коим пользуются труппы, играющие в Костромском Народном доме, имеются следующие строки: „здесь“, т. е. в Народном доме, „ставятся пьесы из столь дорогой нам народной жизни и никогда даже пьесы Островского не имеют здесь места, так как в них изображается купеческая среда“.

Вышеуказанные статьи дневничка являются весьма показательными, так как в немногих скупо брошенных словах объясняют причины отхода масс от того репертуара, который по преимуществу считался народным и во главе которого незыблемо стоял Островский. И этот отход рабочих и крестьянских трупп от классического

репертуара народной сцены сказывается все больше и больше. Недавно ко мне является представитель труппы так называемого „Костромского заречного пролетарского клуба“ и говорит: „знаете что? мы хотим бросать ставить пьесы Островского,—надоело,—не затрагивает. Слишком уж далекой становится та жизнь, которая изображается в пьесах“.

Этот вопрос о пьесах Островского поднимался, между прочим, в инструкторской группе „I-го Костромского рабочего клуба“ и большинство пришло к тому мнению, что они устарели.

Когда мне потом приходилось говорить об этой устарелости пьес Островского со старыми „любителями“ они возмущенно возражали: „пьесы Островского не могут устареть“.

Разберемся во всех этих наблюдениях. Прежде всего придется констатировать факт, что пьесы Островского и его последователей перестали затрагивать душу зрителя. Почему?

Прежде всего потому, что благодаря изменяющемуся и во многом изменившемуся экономическому укладу, та драма, которая называлась в семье и обществе вокруг хищников первоначального накопления капитала в нашей стране, становится современному зрителю далекой и даже непонятной. В настоящее время, когда капитализм разбит, когда не существует даже самого торгового сословия, купцы Островского являются уже двойной древностью: во-первых, потому что они купцы;—во вторых, потому что они купцы русские эпохи первоначального накопления капитала. Таким образом пьесы Островского, благодаря молниеносному ходу культурного революционного развития, теряют непосредственный жизненный интерес и приобретают лишь интерес антикварной. Другое дело, если пьеса, изображающая давно-прошедшую жизнь, имеет в себе общечеловеческое философское содержание;—вроде например—„Царя Эдипа“ Софокла, „Гамлета“ Шекспира и т. п. Она может представлять высокий интерес на протяжении веков. Пьесы же Островского чисто бытовые—мировых вопросов не пытаются разрешать и поэтому интерес к ним уходит вместе с исчезновением того быта, который в них изображается. Пьесы с таким антикварным содержанием могут быть интересны на сцене лишь в том случае, если они ставятся артистами в собственном смысле,—а не рассказчиками, как это бывает в любительских труппах и в труппах актеров профессионально-ремесленного склада. Ведь всякая труппа, не имеющая сама по себе художественной ценности, что-бы хоть чтонибудь дать публике, должна брать пьесу, захватывающую своим содержанием. До революции такими пьесами и были пьесы Островского и его последователей, на постановку которых выработались определенные штампы. Благодаря этим сценическим штампам, постановка их сделалась крайне легкой. Когда какая либо впервые играющая труппа „любителей“ собиралась ставить пьесу, она останавливалась на Островском: во-первых, потому, что здесь существуют уже определенные сложившиеся формы сценического изображения,—здесь не нужно искать—думать, раз имеется готовый штамп для каждого действующего лица; во-вторых, потому, что содержание захватывает, и даже при самой скверной игре, сводя-

щейся к передаче актером от суфлера в публику слов пьесы, все-таки создается настроение—чувства волнуются.— Публика похлопает Островскому,—артисты, приняв эти хлопки на свой счет, раскланяются, и все выйдет прилично. Теперь же, когда, благодаря изменениям происшедшим в экономической жизни, живой дух покинул эти пьесы и осталось только яркое историческое панно,—такого результата не получается, а получается скандал—публика зевает и скучает на Островском. Нужно ставить новые пьесы—живые, современные, а для этого шевелить мозгами—думать—учиться:—такая работа большинству „любительских“ трупп не по плечу. В результате—актер недоволен зрителем; зритель—актером.

Эти наблюдения и выводы относятся не к одним только пьесам Островского, но к громадному большинству репертуара провинциальных сцен. Новая драма еще не народилась—она нарождается в грозной буре мировой революции. Те пьесы на современные темы, которые имеются, страдают многочисленными недостатками, но они все таки более жизненны, чем старые классические пьесы русской сцены.

Тем, кто выступает на подмостках пред „всенародным множеством“, следует больше прислушиваться к тем ветрам, которые дуют из рабочих кварталов, чтобы лучше удовлетворить запросам масс. Побольше сердца и разума в дело!—поменьше косности и лени, ибо надо оставить проторенные тропы—надо искать новых путей. Жизнь идет вперед неудержимо. Кто отстал, тот пропал для жизни и будет раздавлен ее железной пятой.

И. П. Беляев.

Эстетическое воспитание в клубе.

(Первые шаги).

Привлеченные в наш клуб рабочие искали отдыха, хотя бы и культурного. Нашей же задачей в первую очередь было вовлечь в политическую жизнь рабочих, иметь возможность уже не массовым путем (митинги), а путем отдельной работы с каждым или с небольшими группами (беседы, практические занятия) приобщить к стану бойцов,—убежденных и совершенно сознательных сотрудников. Мы ждали, что таким образом, на смену, или в поддержку старым усталым рядам пойдут новые, свежие, из массовиков, наиболее ценные в работе. И мы не ошиблись.

Но первые шаги наши сразу же показали, что правы те (т. Луначарский), кто говорит, что одним из крупных двигателей в области установления связи между работниками являются вместе пережитые хорошие минуты. К таким минутам следует отнести наш первый клубный праздник. У нас не было хора, не было никаких более, или менее солидных артистических, музыкально—вокальных сил. Те были в другом лагере. Они ждали..

Клуб располагал лишь силами посетителей.

А посетителями были рабочие да партийные работники. Всех тянуло в клуб тепло и уют, горячие беседы и споры за стаканом чая. Сюда приходили и в поздние часы, после большого трудового дня, чтобы отдохнуть, обогреться.

В первом празднике, скромном и по началу нескладном и принимали участие эти посетители. Составился хор. Он пел на импровизированной сценке интернационал, такой казался, торжественный и чужды, по словам и мотиву, и такой родной и близкий, когда к нему привыкли и сжились с ним. Тогда этот „L' internationale“, написанный членом правительства Парижской Коммуны, коммунаркомом Эйженом Потье, звучал не совсем стройно: мы еще не усвоили своего гимна. И песни старой революции с анахронизмами и неудачными исправлениями были исполнены также без особого вокального мастерства, но так же горячо, как пел Руже де Лиль свою марсельезу. Не мудрено, что эта горячность подогрела присутствующих. С большим вниманием, в полной тишине, эта рабочая аудитория прослушала легенду „про Марко“, где говорится, про равнодушных обывателей.

Больше всего оживились все при пении одной из партийных работниц, старинных народных песен. Не „Дубинушка“, вызвавшая грусть, заставившая подтянуть наиболее смелых из скромных обитателей клуба, установила связь между „сценой“ и „публикой“, а эти милые народные песни, пропеты так искренно и просто.

После них уже небыло исполнителей и слушателей. Чинно сидевшие сначала на стульях и скамейках рабочие, их жены и знакомые запели сами. Я помню, как первым запел бородатый рабочий. Он пел про Стеньку Разина. У него был большой бас зычно раздававшийся по клубу. Все умевшие петь и знавшие эту песню подтянули певцу. С этой минуты все изменилось. Сначала пели все, затем поделились на группы.

Всем хотелось петь те песни какие каждый знает. Небыло терпения ждать очереди, когда один кончит, чтобы ему, другому начать;— поделились на группы. И долго пели в этот вечер И когда вновь стали петь „Интернационал“,—он небыл уже чуждым. Все пели еще в один голос за вожаками, но уже кой-где заметны были и подголоски.

Поздно разошлись по домам. А на следующий вечер в клубе видны были те же лица, и после лекции по политической экономии, требовавшей некоторой тишины в маленьком клубе нашем, опять стали петь, декламировать Кольцова, Некрасова, Никитина.

Теперь уже установилось, что после каждого доклада или лекции, все посетители заканчивают вечер пением.

Иногда бывала и самокритика. Когда хор звучал особенно стройно, некоторые говорили, что „похоже на духовный лад“. Другие находили что нам нужно научиться петь наши песни не хуже того, как поют в храмах.

Так возник в клубе хор. Но когда появился руководитель и попробовал наладить постоянные уроки, наши клубисты перестали участвовать в этом хоре, а пели где то в другой комнате сами, без руководителя. Потом выдвинулись любители из своей же среды, смогшие подбирать несложный акомпанимент к песням. Это улучшило дело и руководители хора выдвинулись сами. В короткий период разучили много песен простых и милых. Это пение ясно говорило о тяготении клубистов к искусству.

Однажды в клуб был принесен граммофон с большим числом пластинок.

Лектор подобрал пластинки для своей лекции по истории музыки.

Он говорил о преданиях народов о происхождении музыки, о Гермесе, изобретателе Лирь, о Афине—изобретательнице флейты, о музыке индусов и египтян. Он говорил о позднейших исследованиях по истории музыки; о применении музыки религиями, о христианской музыке, о народной музыке.

Надо было видеть, с каким интересом слушалась эта лекция. Было уже поздно. Свет гас, а слушатели не расходились. Они прониклись чистой поэзией музыки и настойчиво просили продолжить лекцию завтра же. И завтра они так же внимательно следили за развитием музыки. Они слушали и о песнях и игре трубадуров и менестрелей, и о торжественной духовной музыке Паллестрины, и об ораториях и хоралах Баха и Генделя и т. д. Иллюстрации с помощью рояля и граммофона, как нельзя более дополняли лекцию, показавшуюся совсем не скучной не смотря на ее серьезность.

После лекции установились музыкальные беседы, и когда в город приехала опера, в клубе бывали предварительные лекции

с иллюстрациями грамофона, с характеристикой композиторов, с разъяснением музыки, и либретто. Мы ходим всем клубом на оперы и результат предварительных бесед и лекций был ясен.

С тех пор в клубе стали устраиваться лекции—концерты, вечера музыки, митинги—концерты и пр. Большим праздником была полугодовщина со дня открытия клуба. Удалось привлечь струнный оркестр. Этот день был истинным „светлым праздником“. Оркестр сыграл увертюру к „Руслану“ и „Фантазию“ Глинки и ряд других прекрасных произведений. Светлая праздничная музыка,—гениальное творчество—надолго остались в памяти наших клубистов. Перед концертом было сказано вступительное слово и розданы книжечки с либретто и характеристикой пьес и композиторов.

В посетителях развился вкус. Они уже научились различать хорошее от посредственного. Клубисты сделали частыми посетителями концертов, устраиваемых отд. народного образования в городе. Кроме того, установился обычай, кто бы ни приехал из Москвы или Петербурга из крупных артистов, он сначала приглашался в наш клуб и в нашей обстановке, без эстрады и занавеса, среди клубистов он пел или играл.

Так было с москвичами Шором, Мецем и другими, так было с петербуржцами проф. Мальмгренем, проф. Штейном, Аббите и др.

Когда в Костроме организован симфонический оркестр и хор „Дома Искусств“, клубисты были первыми слушателями хорошей и серьезной музыки.

Простенькая опера Фомина „Мельник, колдун, обманщик и сват“, поставленная силами рабочих,—(музык.-драмат. кружком Рабочего Кооператива) показала, что есть возможность этому нетронутому источнику сил вылиться в могучую реку, ведущую к океану пролетарского искусства.

В открытую в Костроме Консерваторию рабочие наши отдали 75 человек своих детей желая научить их музыке.

Взрослые рабочие, обладающие голосами хотя и в небольшом количестве, также поступили в консерваторию, желая научиться петь. Другие же из них частью поступили в муз. школу по курсу общего музыкального образования.

Поездка в Москву 23-х клубистов наших для ознакомления с художественными ценностями столицы, определенно показала, как далеко ушли наши товарищи в понимании искусства.

Серьезную музыку Вагнера, Штрауса, Римского-Корсакова в симфоническом концерте они так же сознательно слушали, как и музыку народных старинных инструментов, домр, под упр. Любимова. Одной из последних работ клуба в области музыкального воспитания своих членов были лекции и практические занятия для инструкторов по клубной работе. Там наши товарищи ознакомились и восприняли методы работы по муз. воспитанию в клубах взрослых. Некоторые из товарищей курсантов уже состоят теперь сами заведующим клубами. И непрерывившаяся связь с ними показывает, что уроки нашего клуба не прошли даром... Устраивали мы в клубе уроки музыки. Составился смешанный оркестрик, огра-

низованной самими клубистами. Оркестр представлял странную смесь: здесь были и балалайки, и гитары, и домры, и мандолины, и скрипки. Играли все с увлечением, пока не переиграли все песни, какие знали. Пробовали разучивать новые, незнакомые вещи, но т. к. нот не знали, разучивание по слуху шло туго и оркестрик принужден был довольствоваться своими достижениями.

В создавшемся хоре наблюдалась та же история. Пробовали и с большим успехом разучивать хоровые вещи из „Аскольдовой могилы“, из „Евгения Онегина“ из „Демона“ и т. д. Но мы все время помним, что в клубе—каждый занимается тем, к чему его сейчас влечет и некоторый успех из за отрывочных, нерегулярных занятий здесь оправдываем.

Сорганизовалась группа по обучению игре на рояле. В этой группе молодежь упорно занималась вплоть до открытия специальных школ (студий) для обучения игре на инструментах, куда упорно желавшие научиться и поступили заниматься.

Кроме лиц, интересовавшихся пением и музыкой, были и такие, которые желали обучаться декламации. Интересно было видеть, как первый руководитель с группой по декламации, сам обучающийся в театральной школе, с увлечением скандировал Гомера: „Пой, о, богиня, гнев Ахиллеса, Пелеева сына“... Он заставлял своих слушателей декламировать Гомера, Мильтона и других стариков. Но так как объяснений текста не делалось, то эти торжественные описания войн древних, эти страстные речи сатаны были чужды, и скоро группа потребовала живой работы. Из их среды выделилась одна рабочая, хорошо декламировавшая. К ней как то сразу и перешло руководство группой по настоянию самих слушателей. Рабочим (текстильщицы) девушкам очень хотелось так же хорошо читать, они подражали своей руководительнице и гордились ее талантом. Вскоре действительно стали устраиваться чтения, в которых участвовали эти девушки в качестве исполнителей. В осенние и зимние вечера стали устраивать чтения с волшебным фонарем. Тогда можно было видеть разные таланты клубистов: и чтение, и декламация, и пение (вечера Гоголя, Горького, Чехова, Короленко, Некрасова и др.) Иногда некоторые клубисты читали стихи свои, затем помещаемые в журнальчике клуба.

Мы пробовали коллективно творить пьесу. Была выработана тема: 1) Вечеринка у народовольцев, 2) Старые революционеры в ссылке, 3) Социалистическая революция в России и возврат революционеров из ссылки, 4) Попытка понять новых революционеров и разлад между старыми и молодыми революционерами, 5) Заседание Совета и провал стариков—постепеновцев и соглашателей, 6) Устарели... а жизнь идет дальше.

Увлеченные товарищи наперерыв описывали обстановку вечеринки, места ссылки, заседание совета и пр. Внешняя сторона пьесы была обдумана в подробностях. Дело было за текстом. Что-то мешало написать текст, кажется, лихорадочная подготовка к октябрьским торжествам. А затем молодежь раз'ехалась при мобилизации.

Кроме музыки, пения и декламации мы попробовали ввести рисование, живопись и лепку.

Достали глины, наделали дощечек, лапоточек, принесли тряпочек и приступили к работе.

Сначала заниматься стали человек семь, остальные были зрителями. Эти первые семь человек рабочих с увлечением лепили не сложные предметы и орнаменты. Когда зрители увидели, как это просто и интересно, все до 30-ти человек пожелали заниматься лепкой. И первое увлечение было буйное. Лепили везде, напачкали глиной по всему полу, все руки и костюм были в глине, но зато лица пылали от восторга и удовольствия. Лепка стала любимым занятием рабочих, скоро дело наладилось и через месяц мы уже видели выставку работ наших товарищей. В наивной трактовке фигур, в неожиданном положении при повороте тела или головы видны были те же шаги, какие мы находим и в творчестве древних скульпторов. Выставку больше всего посещали сами авторы и с улыбкою радостно рассказывали о том, что они хотели выразить той или иной фигурой. Занятия лепкой привились и вошли в повседневную жизнь клуба. Сменьшим интересом занялись клубисты рисованием. В продолжении полугода мы рисовали геометрические тела, орнаменты. С начала вместо геометрических фигур появлялись какие то странные фигуры, больше напоминавшие домашних животных, но несколько уроков геометрии исправили дело. Однако „правильные“ занятия рисованием утомляли клубистов. Поэтому больше всего группа радовалась, когда мы приступали к творчеству и иллюстрациям. Были заданы темы: Лиса и Журавль, басня; Притча о блудном сыне; Сказка о рыбаке и рыбке; Беда проповедник, Орина, мать солдатская; Пророк Пушкина; Майская ночь, Гоголя и т. д.

Мне приходилось видеть рисунки детей, фантазировавших на заданные темы, но ниразу не приходилось видеть того, что я увидел здесь: поражает обстановка, в которой изображается та или иная сцена, изумляет смелость, с какою подходят к теме эти непререкованные художники.

В дальнейшем мы забросили наши геометрические тела, используя их как пособие при композиции города, построек и т. п.

Мы перешли к рисованию иной природы: мы пробовали рисовать птиц, цветы, предметы, окружавшие нас; мы пробовали рисовать кусочки улицы, комнаты и пр.

Занялись композицией эскизов к пьесам Островского и Гоголя. Здесь много неожиданного и поучительного можно было наблюдать.

У многих из группы явилось желание заниматься живописью. У многих ввели этот предмет. Приобрели акварели кистей, тарелок и приступили к работе. Писали натюрморты, цветы. Здесь многие из товарищей проявили чувство краски и в этой области предстоит большая и интересная работа.

Надо еще сказать о художественной выставке. В устройстве ее принели все посильное участие. Кто устанавливая столики, кто добывая тес, кто доставая холст, кто накачивая его. Общими силами мы раздобыли ряд подлинных картин художников.

Мы старались раздобыть у местных буржуев в их частных собраниях картины разных направлений и школ. Мы раздобыли

альбомы и цветные репродукции с крупных русских и иностранных художников и у нас получилась довольно значительная выставка. Распределив картины и репродукции по школам и направлениям, мы имели возможность ознакомиться исторически со всем ходом изобразительного искусства. В ряде летучих лекций группы посетителей могли услышать объяснения о форме, манере, цвете, приемах письма и рисунка. Выставка была подлинным нашим праздником. Каждый гвоздь по нашему обычаю был вколочен нами самими без посторонней помощи. Дежурство, объяснения и пр. в эти дни велись при непрерывном участии нашей группы. Выставка продлилась 8 дней. Мы ознакомились с художниками от иконописи до импрессионизма, кубизма и футуризма включительно.

Живя в Костроме, городе старом, богатом художественными ценностями, мы совершали время от времени экскурсии по городу, чтобы ознакомиться со стилем построек, в монастыри и храмы, чтобы ознакомиться с церковною живописью, фресками и орнаментами.

Много интересного было и в этих экскурсиях. Чтобы фрески не были непонятными, мы читали апокалипсис, ибо многие фрески здесь — иллюстрация к апокалипсису. Мы научились ценить и распознавать старинную живопись и при поездке в Москву посетили, кроме галлерей и выставок, новодевичий монастырь, чтобы найти московские фрески и живопись и сравнить со своими. Так клуб живет, приобретает опыт, готовит новых работников, воспитывая своих членов, привлекая к прекрасному и вечному.

А. Полтевский.

10 октября 1919 г.
Кострома.

ЛИТЕРАТУРА И БИБЛИОТЕКА.

В настоящее время наиболее развитой капиталистически страной является Америка. Естественно, что некоторые ее формы жизни кажутся образцовыми другим отсталым странам. Отсюда вытекает стремление подражать ей, что мы наблюдаем во многих областях культуры—в частности в библиотечном деле. Как и все в Америке, американские библиотеки грандиозны по своим размерам, по количеству своих книг, по числу библиотекарей и их помощников. Грандиозно и количество посетителей. Грандиозно и количество выдаваемых книг.

Чтобы не затеривать книг и самому не затериваться среди безконечного их множества, американские библиотекари изобрели целую науку библиотечной техники. Там, где библиотеки огромны, и где их несметное число, как в Америке, их приемы очень недурны. Например, мысль, чтобы каждый автор во всей стране имел один и тот же номер очень полезна. Применяется она так: во многих тысячах экземпляров отпечатывается каталог хороших и употребительных книг. Эти именно книги наполняют большинство библиотек. И вот библиотеки раскупают этот каталог, вычеркивают из него книги, которых у них нет, и вписывают книги, которые у них есть, а в каталог не вошли. И вот каталог готов. Дешево, скоро и удобно.

У нас до сих пор ничего подобного не было. Между тем потребность в хорошо поставленной библиотеке сильно возросла.

И вот на помощь к нам поехали с запада остроумные выдумки: десятичная система Дьюи, Оснабрюкская система, таблицы Кеттера и т. д..

Американец Дьюи, библиотекарь, разделил все книги литературы на отделы и каждому дал постоянный никогда не меняющийся номер таким образом:

Беллетристика	без номера
Общий отдел	000
Философ. знания	100
Религия	200
Обществен. знания	300
Языки	400
Матем. и естествозн.	500
Прикл. знания	600
Искус., развлеч., спорт	700
Литература	800
История и геогр.	900

Отделов этих (с номером) десять. Каждый отдел делится на 10 под'отделов. Каждый под'отдел можно разделить в большой би-

блиотеке еще на 10 разрядов, каждый разряд на 10 подразрядов и т. д. до бесконечности, смотря по надобности.

Напр., отдел математики и естествозн. делится на под'отделы так:

Природоведение вообще	500
Математика	510
Астрономия	520
Физика	530
Химия	540
Геология и др.	550
Общая биология	570
Ботаника	580
Зоология	590

Таким образом, каждый *отдел* обозначается цифрою с двумя нулями справа (философия—100, религия—200, естествозн.—500 история—900 и т. п.).

Каждый отдел делится на 10 под'отделов, и каждый из них имеет цифру отдела на первом месте, затем свою цифру и на конце нуль (математика—510, астрономия—520, зоология—590 и т. п.). Под'отделы делятся на разряды. Каждый отдел обозначается своею цифрою, справа рядом с ним ставится цифра под'отдела, потом цифра разряда.

Напр. землемерие имеет три следующих цифры: цифру отдела естествознания—5, цифру под'отдела—астрономии—20 и свою цифру, цифру разряда—6, итого—526.

Если будет введено деление на подразряды, то понадобится уже не три цифры, а четыре—(для отдела, под'отдела, разряда и подразряда).

Все деления основаны на числе десять, лежащем в основе нашего счисления.

Каждая книга любой библиотеки относится к какому-либо отделу, под'отделу и разряду. Каждый из них имеет свой постоянный номер.

Чтобы легко найти книгу в библиотеке, недостаточно знать, в каком отделе, под'отделе и разряде она поставлена. В одном разряде находится обыкновенно множество книг разных авторов. Чтобы скоро найти среди них требующегося автора, книги устанавливаются в строгом алфавитном порядке, а затем в этом порядке перенумеровывают. Номер разряда и номер книги в пределах разряда—по этим двум цифрам книгу очень легко найти.

Но вот приходит новая партия книг. Им дают следующие номера в пределах каждого разряда. Приходит еще партия. Еще номера. Еще партия. Еще номера. Одна и та же „Анна Каренина“ Льва Толстого, поступив 4 раза в библиотеку, получит 4 совершенно различных и далеких друг от друга номера, напр. № 4521, № 4901, № 5028, № 5457 и т. д. При выдаче книг, нельзя помнить, какая выдана, какая нет, а потому одинаковые книги, чтобы было легко справляться, должны стоять рядом. А для этого нужны и номера соседние.

Если взять, все фамилии авторов, какие только могут быть и подобрать их в порядке строгого алфавита, — получится огромнейший список. Он естественно делится на ряд отделов по числу букв, с которых начинаются фамилии (их 28 в русском языке). Книгу каждого автора так и можно обозначить первою буквою его фамилии. Но на каждую отдельную букву (особенно на к и с) начинается в отделе беллетристики множество разных фамилий. Их следует перенумеровать. Эти номера будут постоянны и неизменны для всех библиотек.

Чтобы отличить в библиотеке разные книги одного и того же автора, следует выставлять еще первые буквы заглавия. Л. Толстого Анна Каренина, напр., будет обозначаться так:

Т 53 а к или Т 53
а к

При таких условиях всякая вновь входящая книга попадает как раз на свое место по строгому алфавиту в библиотеке.

Но количество авторов с одной буквы непомерно велико, и цифры, их обозначающие будут очень велики и, кроме того, в малых библиотеках пробелы между имеющимися книгами будут огромны. Поэтому в список включаются не все фамилии, а только наиболее часто встречающиеся. И то не полностью, а только 2—3—4 первых буквы. Для нумерования промежуточных авторов, невошедших в список, прибегают к помощи десятичных дробей, и таким образом получают промежуточные числа:

например Кашицын	К 31
Квашнин	К 32
а Кашкин будет	К 31,5

Эту систему придумал Кеттер, а Хавкина переработала ее для русских библиотек.

В результате все старые и новые добавочные книги стоят в библиотеке всегда в строго алфавитном порядке. Новые становятся в порядке алфавита между старыми, согласно номеров Кеттеровских таблиц, номера таблиц соответствуют порядку букв в строгом алфавите. Применяв систему Дьюи для распределения книг по отделам и Кеттеровские таблицы для распределения книг в пределах каждого отдела, библиотека получает возможность всегда быть в порядке, не нуждаясь в прибавлениях или дополнительных каталогов.

Системы Дьюи и Кеттера указывают, как стоять книгам, но ничего не говорят о том, как им следует двигаться среди читателей. Но дело ведь не в том как книги стоят, а в том, как они ходят. Для *читателя* существует библиотека, а не читатель для *библиотеки*. Отвлеченным любителям книги,—любителям углубляться и копать ради углубления и копания, интеллигентам из кадетского лагеря—теперь, когда их воззрения утратили значительную долю влияния на массы,—как раз время увлекаться в библиотеке техникую библиотечного дела—Дьюи и Кеттером.

Для коммуниста—же это—смерть. Для коммуниста необходимо, чтобы нестояли хорошо, а хорошо ходили—бы книги. Читатель для него важен, а не книга.

Но без книги нет читателя. Когда книги хорошо постановлена, ее легко найти и снабдить ею читателя. Когда книга хорошо стоят, им и ходить легко.

Это верно.

Но, что-бы ввести новые сложные системы, каждой би—ке нужно много работников, нужны работники—специалисты по библиотечному делу, хорошо знающие эти системы, нужны литературно образованные работники, нужны, наконец, просто сильно-грамотные люди. Нет ни первых, ни вторых, не хватает просто грамотных людей. Нужны годы, чтобы их создать. А до тех пор?

Мы бьемся, бьемся, чтобы все-таки ввести Дьюи и Кеттера. Уходят безценные, незаменимые годы революционного под'ема, когда нельзя откладывать, когда нужно, чтобы народные массы, не медля ни одного дня приобщились к богатствам человеческого духа, сосредоточенным в библиотеках. Если-бы мы, вместо того чтобы ошибаться на каждом шагу, падать и вставать, вводя Дьюи и Кеттера употребили все усилия, чтобы познакомиться со своим читателем и сблизиться с ним,—за два года мы ушли-бы уже далеко.

Но мы кадетизированы, вот что губит нас. И мы сами и литература не слились с широкими массами.

А что касается Дьюи и Кеттера, то дело дошло до такого смехотворного положения, что в Костроме теперь нельзя говорить о их недостатках, кто осмеливается говорит только в полголоса: кто—против, тот ведь явный невежда, вовсе незнакомый с библиотечным делом. Вот до какой чепухи можно дойти.

А то, что десятичная система переработана в Европе Брюссельским Библ. бюро?

А то, что немцы не признали ее?

А то, что в ней имеются изумительные нелепости?

Не показывает-ли это, что сами ее поклонники недостаточно с нею знакомы. Отсюда и усердие не в меру.

Ну, как-же все-таки? Большая часть американских библиотек приняли систему Дьюи, можно-ли говорить, что в ней есть нелепости?

Можно и должно.

Как вы думаете, куда должно отнести анатомию и физиологию—к чистой науке или к практическому знанию.

Иначе говоря, чему они посвящены: исследованию о том, *что есть, что наблюдается и изучается* в организме или их задача показать *как влиять* для своих практических целей на тело человека или животного. Кто-же не знает, что анатомия есть наука о строении тела, а физиология—наука о его отправлениях, следовательно это—чистые науки, безо всякого сомнения.

А вот Кеттер этой азбуки не знает (см. стр. 4, п. 610 брошюры А. Покровского „Как в би-ке распределяются книги по отделам“) и относит анатомию и физиологию к „Прикладным знаниям“ и именно к врачебным.

Нелепость первая.

Далее.

Прикладные знания—что это такое? Это приложения, применения чистой науки к практическим целям. Напр., чистая наука—естествознание—исследует, что такое мир, в том числе и растительный, а прикладное знание—земледелие—применяет естествознание к добыванию плодов земных. Так оно и показано—и совершенно правильно—в таблицах десятичной системы.

Но, кроме естествознания, есть еще такой-же обширный отдел наук—обществознание. Соответствуют ли общественным наукам какие-либо прикладные знания? Иначе говоря, имеют ли общественные науки какое-либо применение к практике или просто висят в воздухе? Имеет ли чистое учение о праве практическое применение в виде закона, суда и наказания. Имеет ли политич. экономия—чистая наука о свойствах народного хозяйства—приложение в жизни в виде бюджета, финансов, городского и земского хозяйства и т. д. Имеет ли чистая наука о душе применение к воздействию на душу ребенка. Всем чистым наукам, а не одному естествознанию с математикою, соответствует ряд теорий искусства, как воздействовать на окружающий мир неорганический (инженерное дело, фабрично-заводское, ремесла, производства и т. д.) органический (земледелие, скотоводство, рыболовство, пчеловодство и т. д.) духовный (воспитание, суд, финансы, кооперация и т. д.). Чистая наука и теория искусства—вещи совершенно разные.

Но ни одного из отделов практического знания, относящихся к общественной жизни, вы не найдете в таблицах десятичной системы в отделе практического знания: ни воспитания, ни суда, ни финансов, ни кооперации и т. д. Общественные науки не имеют практического приложения у Дьюи.

Нелепость вторая.

Но все эти отделы прикладного знания: воспитание, законы, суд, финансы и т. д. залетели зачем-то в отдел общественных наук, (см. там-же, стр. 2 и 3 п. п. 370, 340, 336, 334 и др.)

Нелепость третья.

С другой стороны, в отделе общественных наук красуется чисто прикладное знание—земледелие (см. там-же, стр. 3, п. 526).

Нелепость четвертая.

Идем дальше.

Отрасли литературы расположены в десятичной системе в таком порядке: 1) Беллетристика, 2) общий отдел, 3) философские знания, 4) религия, 5) общественные знания, 6) языки, 7) математика и естествознание, 8) прикладные знания, 9) искусства, развлечения, спорт, 10) литература и 11) история и география.

Сюда входит вся литература. Но что объединяет совокупность этих отделов? Какая основная идея? Что это не видно? Беллетристика или художественная литература—в одном месте, ее философия и история под именем „литературы“ отброшены в противоположный конец списка, а также отдел: искусства, развлечения, спорт. А между тем все три составляют одну группу отделов—о искусстве. Отделы чистой науки: общественные знания, языки, математика естествознанием и история с географией разрезаны отделами: Прикладные знания, Искусства и Литература на две части. История и география откинута почему-то в самый конец. Не м. б., чтобы такая система, принятая во многих местах, не имела в своей основе какой-нибудь охватывающей ее всю одной руководящей идеи. Однако, в самом делении на отделы этого не видно.

Итак, нелепость пятая: —самасистема отраслей литературы, как система безсистемная.

На это возражают, что для Дьюи система собственно не нужна. Ему нужно только прикрепить каждую книгу к какому-нибудь определенному месту, по системе или без системы или по плохой системе это не важно. Лишь-бы прикрепить навсегда.

Если не важно, по системе или без системы, то почему-же книги все-таки распределяются по отделам литературы. Было бы много легче по отделам их вовсе не делить, а подобрать просто по алфавиту. Однако отделы введены. Значит, они нужны. А если нужны, то, нужна и основательная система.

Нелепость остается нелепостью.

Сущность системы Дьюи состоит в ее десятичности: весь круг знаний делится на 10 отделов, каждый отдел на 10 под'отделов, каждый под'отдел на 10 разрядов или групп и т. д. Деление на 10 взято потому, что система счисления у нас десятичная— по числу пальцев на руках. Из каждого пальца мы высасываем по отделу литературы. Действительно-ли литература происходит из пальцев, по отделу из каждого? Очевидно нет, а, следов., и деление литературы на 10 отделов число искусственное, произвольное. Приведенный выше перечень отделов вполне подтверждает это. Все устроено так, чтобы вышло именно десять, не больше, не меньше. Где урезано где наставлено. Тришкин кафтан. Математика и естествознание слиты в один отдел. А если бы не хватило до десяти, то были бы разделены. Введен отдел „языки“— вполне искусственный: языкознание как наука о развитии форм мысли в звуковой форме должно стоять рядом с психологиею. Искусства и Литература отделены друг от друга. История соединена с географией, а еслибы понадобилось то были бы разделены во имя принципа десятичности.

Итак, нелепость шестая.

Не только против логики грешит система Дьюи, но, вместе с системою Кеттера, и в технику библиотечного дела она вносит немаловажные неудобства. Обе говорят, что вносят упрощение в нумерование книг. На деле нумерование усложняется. Что проще—изобразить-ли Кропоткина Историю великой французской революции так—№ 4527 или по Дью и Кеттеру:

909

К 83

и в ф р

Может-ли быть сомнение, что проще? Среди наших фабричных рабочих очень многих затрудняет прочесть—4527, что-же им делать, когда перед ними воздвигается такое чудовище в три этажа, то цифры, то буквы:

909

К 83

и в ф р

или в два этажа:

909

К 83 и в ф р

(что хуже незнаю).

Тертый калач—американец—поголовно сильно грамотный, живущий в грамотной семье и прошедший отличную американскую школу, м. б., разберется без особого труда в этой каше разнокалиберных значков. Но каково положение нашего малообразованного рабочего в клубной или фабричной би-ке. Каждому из них нужно прочесть целую лекцию, чтобы он усвоил себе как читать абракадабру. Но тут новое затруднение: когда освободившийся с абракадаброй читатель произносит ее, лицо, выдающее книги, обязательно переспрашивает и в конце концов просит показать ему шифр. Повидимому, система Дьюи и Кеттера требуют введения обязательных листков при выдаче книг. Но для малограмотного читателя это еще новое огромное усложнение.

Есть и еще неудобство. Старый опытный би-карь не ищет требуемой книги: он наизусть знает где какая стоит, и с одного взгляда видит есть-ли она на месте. При системе распухания би-ки изнутри, все старые книги постоянно меняют квартиру и переезжают из этажа в этаж, по этому нельзя привыкнуть—знать их место.

Наконец, при системе Дьюи и Кеттера не видно—как при простой нумерации—порядке ли стоят книги в данный момент на полке, не перепутаны-ли они, и би-карь никогда не уверен нет-ли среди книг утрат.

Есть еще неудобство в новой технике, вытекающее из самого сочетания из систем Дьюи и Кеттера в одну. У Кеттера обозначение двоякое—буквы и цифры, у Дьюи только цифры. Буква с цифройю легче схватывается глазом, чем одна длинная цифра. Поэтому и у Дьюи следовало-бы ввести букву, указывающую на отдел литературы, затем цифры, указывающие на под'отдел, разряд или группу и т. д.

Если за отделы принять не крупные деления литературы, а более мелкие, то это будет: не беллетристика, наука, практическое знание и философия, а следующее:

1. Беллтристика—Б
2. Искусство и Литература,
их ист. и фил.—И Л
3. Математика—М

4. Естествознание—Е
5. Обществознание—О
6. География—Г
7. История—И
8. Современность—С
9. Материальная практика—М П
10. Социальная практ.—С П
11. Философия—Ф
12. Религия Р

Тогда Кропоткина можно изобразить несколько проще:

$$\text{вместо } \frac{909}{\text{К } 83} \text{ — } \frac{\text{И } 4}{\text{К } 83}$$

и в ф р   и в ф р

Во всяком случае для малых би-к фабричных и сельских системы Дьюи и Кеттера не нужны, они будут только без нужды затруднять читателя и отпугивать от чтения. А наша задача создать как можно больше таких би-к и привлечь к книге рабочее население страны. Для этого нужно, чтобы нумерация располагала к себе читателя своею ясностью и простотою, а не выглядела бы какою-то таинственною непостижимою чернокнижною мудростью.

Вообще нужно признать, что старые способы нумерации книг плохи. И что новые—тоже плохи. Нужно искать лучших. Типов личности может быть много в зависимости от того, какие в ком преобладают склонности

Психолог А. Бэн устанавливает три основных рода характеров, в зависимости от преобладания той или другой стороны психики.

У человека имеются три основных особенности в душевном процессе или, как прежде называли, три основных способности. Они дают три основных характера.

Способности.

Характеры.

1. Ум	— интеллектуальный.
2. Чувство.	— эмоциональный.
3. Воля.	— волевой.

В записанном опыте человечества—в литературе—отсюда происходят три основных вида литературы.

Виды литературы

Их названия.

1. Литература познавательная	— наука.
2. „ эмоциональная	— изящная литература.
3. „ волевая	— практическое знание.

Есть еще один род характеров—характеры живые, подвижные, деятельные, центробежные, активные во всех отношениях, им соответствует литература *текущей* жизни—газеты, журналы, брошюры на злободневные темы.

Есть, наконец, род характеров вдумчивых, обобщающих и объединяющих все сущее, центростремительных. Им соответствует литература высшего постижения, обобщения и объединения всего познаваемого, чувствуемого и воздействуемого — *философия* — как едино наше „я“, наша личность.

Получаются еще:

Особенности душевной жизни.

Характеры.

4. Активность	— деятельный.
5. Единство личности	— обобщающий.

А от них происходят виды литературы и их названия:

4. Литература текучести	— периодическая печать.
5. Литература объединяющая	— философия.

Вот главные виды человеческих типов и отраслей литературы, им соответствующих. Их должны иметь в виду в своей деятельности библиотеки. Каждый человеческий тип есть особенный читательский тип, — у каждого свои книжные вкусы и стремления, свои интересы, вытекающие из особенностей их духовной природы. Библиотека должна стремиться каждому типу дать присущую ему духовную пищу. Дело осложняется еще тем, что существует много промежуточных между основными типами и смешанных. В особенности затрудняется дело библиотеки там, где читатель малограмотный и непривычный к книге. Ему самому трудно найти в каталоге и даже непосредственно в библиотеке подходящую для себя книгу. Тут необходимо должен приходиться на помощь библиотекарь и беседовать с читателем, что он раньше читал, и какие книги ему понравились. Руководясь этим, библиотекарь рекомендует читателю те или другие книги. Такие читатели встречаются больше всего в библиотеках рабочих и сельских клубов и в фабричных библиотеках. Тут, поэтому, особенно важно, чтобы библиотекарь сам был из рабочей или крестьянской среды, чтобы он был свой человек, сразу понимающий своего читателя.

Согласно делению человечества по совокупности духовных свойств на типы, д. б. разделена на отделы литература в библиотеке: периодическая печать, изящная литература, наука, практическое знание и философия. Но этого *психологического* деления недостаточно. Личность от рождения меняется и движется духовно, проходит разные ступени развития, переживая, в детстве вкратце согласно биогенетическому закону Геккеля, прошлое своих предков, а затем творя новую жизнь и нуждается, сообразно с этим в разное время в разной книге. Отсюда видно, что каждую отрасль литературы нужно делить еще *педагогически* сообразно со степенями развития.

Необходимо правильное разделение литературы на отделы, чтобы разделением этим могли руководиться библиотекари и сами читатели.

Беллетристика, напр., педагогически м. б. разделена по ступеням развития на отделы:

Лестница развития:

Отдел беллетристики.

1. Сродство маленького ребенка с окружающими животными.

1. Картинки и альбомы с изображениями животных, под ними краткий текст.

2. Развитие способности ко всевозможным сочетаниям мысли, чувства и воли.

2. Волшебные сказки, веселые и страшные рассказы.

3. Развитие высших чувств, мысли и стремлений: отваги и предприимчивости (у мальчиков) и страдания (у девочек) и у начинающих читать взрослых.

3. Роман приключений: рыцарский роман, былины, революционный роман.

4. Переживания *действительной* жизни взрослых.

4. Бытовой роман.

5. Переживания *внутрен.* жизни.

5. Психологический роман.

Центральной библиотечной организации следовало-бы взять на себя важную задачу: согласовать систему Дьюи со здравым смыслом, т. е. отбросить главные нелепости, а затем предложить принять ее всем. Затем при всех губернских организациях, распределяющих книги, создать по комиссии по шрифтованию книг. Все книги, которые поступают в распределение, сначала должны быть зашифрованы комиссиею по десятичной исправленной системе и по таблицам Кеттера. Это освободит би-карей от работы по изучению десятичной системы Дьюи и таблиц Кеттера и с нумерованием книг по этим системам. Та-же комиссия, облегчая далее труд би-карей, должна на каждую книгу написать по 3 карточки: для алфавитного каталога, для систематического каталога, и книжный формуляр. Тогда би-кари могут, без помехи и огромного промедления, заниматься все время тем, чем следует, т. е. вести в би-ке не техническую, а чисто культурную работу. Теперь, при отсутствии хорошо подготовленных технических рабочих, масса времени в би-ках пропадает непроизводительно на технической работе, а на культурную времени остается слишком мало.

Нужно также завести экскурсионные комиссии по шифрованию, которые зашифровывали-бы десятки тысяч книг, уже имеющих ныне в би-ках на лицо.

Полезно было-бы еще ввести в каждой би-ке для взрослых отдел книг для детей (хотя-бы в особой комнате). Через посредство детей би-карю легче связать себя добрыми отношениями со взрослыми читателями—их отцами и матерями—и вызвать в них интерес к библиотекам и к чтению.

После этого можно было-бы би-карями фабричных и фабрично-клубных би-к назначать рабочих побывавших на библиотечных курсах. Они слишком не подготовлены, чтобы легко применять таблицу Кеттера, но к населению они близки, пользуются его доверием, свои люди, поэтому для культурной работы они незаменимы интеллигенциею. Тем более, что интеллигенция невольно будет заражать рабочих своим духовным складом и искажать их пролетаский облик.

Рабочий мало подготовленный к обращению с книгой, много подготовлен к обращению с читателем. А библиотека существует не для книги, а для читателя. Следовательно, библиотекарь близкий к читателю дороже библиотекаря близкаго к книге.

В. Ахматов.

„Комиссия фабрично-заводских предприятий по культурно-просветительной работе среди широких масс.“

(Ея деятельность и принципы работы.)

Вышеназванная комиссия возникла в г. Костроме в Январе 1919 года. В нее вошли все местные фабрично-заводские культурно-просветительные комиссии, существующие по „положению о фабр.-зав. комитетах“ при каждом предприятии,—культурно-просветительная комиссия союза текстилей и два инструктора от Городского Отдела Народного Образования. Своей основной задачей комиссия постановила распространение просвещения среди самых малокультурных слоев фабр.-зав. пролетариата,—среди тех рабочих и преимущественно работниц, которые до сих пор знали только две дорожки—одну на фабрику к станку, а другую в лобаз за продуктом,—которые совершенно еще не были затронуты культурными влияниями. Такая работа диктовалась крайней необходимостью. В то время как сознательные верхи рабочих принимали самое широкое участие в культурной жизни,—малосознательные низы попрежнему вели чисто растительное существование. В процессе революции все культурные сознательные рабочие ушли с фабрик на ответственную советскую работу, в результате чего у фабричного станка осталась обезглавленная и обескровленная малосознательная масса, плохо разбирающаяся в текущих событиях. Положение становилось угрожающим, ибо понижение культурного уровня рабочей массы, вследствие ухода оттуда сознательных товарищей, создало благоприятную почву для восприятия массой нелепых волнующих слухов, неорганизованных выступлений и т. п. Необходимо было предпринять решительные шаги в отношении развития сознательности массы. Эти шаги и были предприняты культурно-просветительной рабочей комиссией. Она, обсудив вопрос о методах работы, пришла к выводу, что нельзя ждать, когда малосознательная на половину безграмотная рабочая масса сама пойдет в клубы школы, театры и т. д.,—что необходимо культурным работникам самим опуститься в гущу фабр.-зав. населения и там на местах—в этих темных углах жизни—создавать просветительную работу. И вот—культурные работники пошли в фабричные „сборные“—в эти тюрьмы, созданные капиталистами для своих рабов—и там создавали те или иные формы работы, расширяющие кругозор рабочего, развивающие его политическое сознание, дающие бодрый тон жизни. В фабричных „сборных“ стали устраиваться беседы, лекции, литературные вечера и т. д. Впервые культурными влияниями стала пропитываться среда совершенно ими еще не затронутая. Работать в „сборных“ было очень трудно.

Тяжелая удушливая атмосфера, насыщенная испарениями. Аудитория—преимущественно женщины—матери, обремененные хозяйственными заботами. Большинство приходит с грудными детьми на руках,—за ними тянутся дети всевозможных возрастов. Здесь такая масса детей как нигде:—они, как горох, рассыпаются по сборновскому залу и заполняют все свободные углы. Крик и плач детей,—гомон, шум неимоверный.

Надо иметь очень много выдержки и терпения, чтобы говорить пред такой аудиторией. Надо обладать в высокой мере гибкостью мысли, так как со всех сторон сыплются всевозможные вопросы, часто наболевшие, которые надо осветить. Надо быть в курсе всей местной советской работы, чтобы знать, о чем идет речь, когда говорят полунамеками. Надо быть очень внимательным чтобы всех удовлетворить. Надо понять психологию голодных людей, которые все вопросы сводят к картошке и обуви.

Комиссия учитывала все эти условия, была очень чуткой и подвижной в сфере выработки новых методов культурного воздействия. У ней не было какого-либо шаблона в работе, которая строилась на непосредственном опыте и направлялась сообразно требованиям живой жизни. Главным видом работы комиссии была культурная агитация,—агитация по привлечению рабочих в клубы, школы, на митинги, концерты, спектакли и т. п. Членов комиссии можно встретить решительно везде, где можно провести какую либо культурно-агитационную работу.

Вот в газетном киоске около фабричных ворот сидит работница комиссии и распространяет литературу. Она все время ведет самую оживленную беседу с останавливающимися у киоска рабочими:—освещает текущий момент,—рассеивает провокационные слухи, которые залетают в рабочие кварталы из центра города и здесь находят благодарную почву в среде самых темных невежественных элементов.

В то же время другая работница комиссии на фабричном дворе лепит на афишную доску об'явление о концерте в Народном Доме,—тут-же продает билеты идущей смене и агитирует за участие в культурной жизни.

„Товарищи!—кто раньше посещал концерты?

— Буржуазия!

Не пора ли нам рабочим послушать хорошую музыку?

— Покупайте билеты!—раздается ее голос“.

В самых фабричных зданиях, преимущественно по цехам, отличающимся слабой восприимчивостью к культурным влияниям, ходят иные работницы комиссии и у самых станков производят запись в школы, на курсы,—раздают литературу.

А вечером, когда окончен рабочий день на фабрике, те же культурные работницы идут по школам и курсам взрослых,—везде ведут культурную агитацию,—поддерживают дух учащихся, колеблющихся в своих устремления к учебной работе, утомленных скучным восьмичасовым рабочим днем, длинными хвостами у продовольственных лавок, путешествиями в деревни за картошкой. Они

своим живым зажигающим словом вливают новые силы в души этих мрачно безрадостно смотрящих на мир пожилых работниц, с строгими морщинистыми лицами, старательно выводящих неуклюжими руками на бумаге буквы и слова, или напряженно слушающих лекцию. Светлой улыбкой озаряются озабоченные лица. Люди, до сих пор жившие в условиях бескрасочного и безрадостного рабочего быта, впервые приобщаются к наукам и искусствам—впервые познают радость творчества. Работницы комиссии всюду вносят бодрый тон жизни,—энтузиазм,—везде проникают, все организуют, пронизывая пролетарским сознанием работу тех учреждений, с коими соприкасаются.

Культурно-просветительная рабочая комиссия, являясь культурно-агитационным центром фабричного района, одновременно является и идейным руководителем всей вообще культурной жизни фабрик. Она вмешивается в работу всех культурных учреждений фабричного района (домов ребенка, детских клубов, библиотек, школ, Народного дома и т. д.) кому бы эти учреждения ни были подведомы, направляя их жизнедеятельность так, чтобы в ней отражалось культурное самоопределение рабочей массы.

Принципиальные постановления комиссии по тем или иным вопросам культ.-просв. работы имели большое значение для Городского Отдела Народного Образования, который, чутко учитывая эти постановления, как голос самой массы, корректировал работу своих учреждений.

Вот иллюстрация.—

Рабочая молодежь Костромы зимой 1918—19 года отвлекались от культурной работы танцевальными вечерами, устраивавшимися большей частью учениками школ второй ступени и студентами университета.

Культурно-просветительная рабочая комиссия, обсудив создавшееся положение вынесла следующую резолюцию:—„Констатируется, что в городе, в учебных заведениях развивается какая то дикая вакханалия пляски. В то время как помещений так мало, что нигде собираться организациям,—большие залы бывших средне-учебных заведений и зал университета занимают под танцевальные вечера. В университете пляшут танго, ходят по канату и т. п. Университет обращается в какой то балаган. Это еще небывалый позор. Эта пляска, прививаемая элементами, чуждыми пролетариату, оказывает вредное деморализующее влияние на рабочую молодежь: она отвлекает от серьезной работы в клубах менее устойчивые элементы рабочей молодежи. Необходимо положить конец этому безобразию. Необходимо воспретить устройство публичных танцевальных вечеров,—а залы учебных, заведений, в дни и часы, свободные от учебной работы, должны быть открыты для деловых собраний организаций и митингов. Президиуму поручается осведомить Отделы Народного Образования городской и губернской об отношении представителей рабочих к вопросу о танцах.“

В результате Отдел Народного Образования Горискома сократил танцевальные вечера и культурная работа среди пролетарской молодежи снова пошла усиленным темпом. Так всегда Отд. Нар.

Обр. внимательно прислушивался к голосу комиссии, учитывая ее чистый рабочий состав,—ее непосредственную живую связь с массой. Таким образом культурно-просветительная рабочая комиссия является очень ценным коррективом к работе Отдела Народного Образования, не так близко и непосредственно соприкасающегося с пролетарской массой, и не всегда имеющего возможность учесть ее нужды и интересы.

Но помимо значения органа культурно-агитационного и органа, выявляющего пути культурного самоопределения массы, комиссия имеет еще огромное значение как орган непосредственно и исключительно ведущий борьбу с малограмотностью и безграмотностью в фабричном районе. Еще в самом начале своей культурной работы комиссия наткнулась на одно непереходимое препятствие, которое необходимо устранить—это громадный процент безграмотности и малограмотности разных родов, степеней и оттенков среди фабрично-заводского населения. Этот контингент неграмотных и слабо грамотных был слишком невосприимчив к культурным влияниям и комиссия предприняла самые решительные шаги, что-бы дать им хорошую грамоту. Она, немедленно по своем формировании, в январе-феврале 1919 года открыла целую сеть школ, в которые привлекла самые темные элементы фабрик. Не было ни одной даже самой маленькой фабрички, где бы не функционировала школа взрослых. Работа велась лихорадочным ускоренным темпом и приносила хорошие плоды как в смысле организационном, так и учебном. Но эти школы могли держаться только на постоянной и неослабной культурной агитации:—как только эта агитация прерывалась по каким либо причинам,—посещаемость уменьшалась и школы рассыпались, Вообще существование и хорошая работа этих школ возможны только в атмосфере творческого энтузиазма,—в атмосфере высокого подъема настроения—даже некоторой экзальтации. Будничное серенькое настроение быстро разлагало школу. Нужно, что-бы душа пролетария горела священным огнем познания,—что-бы его внутренний мир был праздничен и светел. В настоящий момент, когда производство материальной жизни стало таким трудным, посещение работницей школы после восьмичасового рабочего дня является известной жертвой, а порой прямо подвигом. Разнообразные хозяйственные нужды зовут ее к домашнему очагу и если работница идет с фабрики не домой, а в школу—это показывает ее высокое душевное напряжение—ее культурный энтузиазм. Она несет известную жертву во имя революции, ибо хочет, путем приобретения грамотности, перейти из пассивного состояния в активное,—сделаться творцам новой жизни. Но такое напряженное творческое состояние духа не может продолжаться очень долго. Будни жизни: голодные раздетые дети, очереди у продовольственных лавок, картошка по триста рублей мера, которую приходится чуть не слезами вымалывать у подгородних крестьян и тащить на своих плечах тяжелые мешки за десять—двадцать верст—все это разлагает твердость духа. В результате этих неблагоприятных условий материального быта рабочего, ослабляется его воля к культурному творчеству,—посещаемость школ падает, и они рас-

сыпаются. Культурно-просветительная рабочая комиссия очутилась в положении Сизифа, который лишь только с громадными усилиями вкатывал свой камень на вершину роковой горы, камень скатывался и снова начиналась та-же работа. В то время как комиссия организовывала одну школу, другая разваливалась. Надо было найти какой либо выход из создавшегося положения и комиссия нашла этот единственный выход в том принципе, который она всюду в настоящее время горячо отстаивает,—в принципе, еще не получившем общегосударственного признания, но единственно гарантирующем успешность занятий,—в принципе снятия с работы неграмотных на определенный срок для обучения с выplotой им их заработной платы. Комиссия, придя к выводу, что рабочий после восьми часов фабрично-заводского труда имеет слишком мало времени и сил для занятия грамотой, так как переобременен хозяйственными заботами, отнимающими все свободное время,—сделала и другой вывод,—что для ликвидации неграмотности и малограмотности фабр.-зав. рабочих необходимо поставить их в нормальные учебные условия, т. е. поставить дело так, чтобы в период обучения учебное дело было у них на первом плане. А поставить дело так можно лишь в том случае, если рабочие будут сниматься на период обучения с работ и им будет оплачиваться их рабочий день в школе также, как он оплачивается на фабрике. Это требует громадных средств, но указанный путь-единственный, дающий возможность уничтожить безграмотность и малограмотность как массовое явление. Учитывая все эти соображения, комиссия составила обширный план полной ликвидации, прежде всего, безграмотности в г. Костроме как в фабричных так и в обывательских районах в два с половиной года. Всего по городу Костроме, согласно данным городской статистики, числится 16151 чел. неграмотных от 16-и лет и выше, из коих 4592 мужчин и 11559 женщин. Для обучения этой массы неграмотных комиссия разработала целую сеть школ, разработала такой план снятия с работ, который бы не нарушал нормальный ход производства в предприятиях, и составила смету на второе полугодие 1919 года на сорок школ грамоты. В своей объяснительной записке к этой семимиллионной смете комиссия писала: „мы полагаем ближайшей и насущнейшей задачей в области просвещения ликвидацию безграмотности: эта ликвидация есть дело государственное, долженствующее осуществиться во всероссийском масштабе, и государство должно пойти в этом отношении на величайшие жертвы.

Эти жертвы являются для государства нравственно-обязательными, ибо грамотность есть необходимое условие современного общественного существования человека“.

В настоящее время такая постановка вопроса о ликвидации темного наследия царизма—безграмотности все более находит свое принципиальное признание, ибо это единственный верный и твердый путь. Средства, которые требуются на такую прочную постановку дела ликвидации безграмотности, громадны, но они принесут государству хороший процент в виде повышения производи-

тельности труда в предприятиях, благодаря развитию общественного сознания и дисциплины не внешне принудительной, а свободной — основывающейся на велениях разума и совести.

Проект комиссии и смета на ликвидацию безграмотности в г. Костроме в настоящее время рассматривается центром, который еще по этому вопросу не вынес определенного решения. Но Костромская культурно-просветительная рабочая комиссия, не дожидаясь решения центра, уже приступила к частичному осуществлению своего плана, ибо живая жизнь не ждет и настоятельно требует определенной работы. 1-го сентября с. г. комиссия открыла первую школу грамоты для индустриальных работниц в фабричном районе. Комиссия сняла с работ на местных фабриках 27 неграмотных работниц в возрасте от 20 до 35 лет и начала с ними учебную работу в помещении „коммунистического клуба“. Был снят с работ элемент наиболее нуждающийся в культурном воздействии — женщины-работницы в возрасте полной зрелости и расцвета творческих сил. Период обучения, согласно теоретическому расчету, определен в два месяца, с ежедневными шестичасовыми занятиями, из коих три часа употребляются на обучение грамоте, один час на обучение счету и два часа на общее культурное и политическое развитие. Хотя школа еще только начала функционировать, но из наблюдений над ее работой уже видно, что процесс культурного развития работниц совершается весьма интенсивно. Прежде всего надо отметить, что комиссией очень удачно было найдено место занятий. Среда и обстановка рабочего клуба оказывают громадное культивирующее влияние на безграмотных женщин-работниц, ранее никогда в клубах не бывавших, не имевших понятия о своих классовых органах культурного творчества. Курсантки, первый раз придя в клуб, очень внимательно и долго осматривали детали его убранства: знамена, картины, портреты, плакаты с лозунгами, о всем непонятном обращаясь с вопросами к беседчице школы. Для них здесь все ново, — все поражает. Одна, напр., немолодая работница остановилась у портрета К. Маркса и спрашивает беседчицу: „а это что за старичок?“. Другая залюбовалась портретом Карла Либкнехта и то же спрашивает: „кто это такой молодой и хороший?“. И когда беседчица (то же работница, но хорошо грамотная, прослушавшая курсы по подготовке клубных работников) с величайшим душевным подъемом говорит о вождях рабочих, — об их жизни и борьбе за освобождение пролетариата, — вдумчивыми серьезными становятся лица слушательниц — в глазах их блестит огонь революционного классового гнева. А они ведь еще только вчера, наверное, стоя в хвостах у лавок бранили советскую власть за плохие порядки и не понимали ее великой мировой ценности. Так в недрах рабочего класса в процессе культурной работы зреют новые силы для борьбы за освобождение трудящихся. Так постепенно отмирает обывательская психология и нарастает психология рабочая классовая. Эти работницы, еще вчера совершенно аморфные в политическом отношении, теперь выявляют свое определенное классовое лицо и когда лектор освещает перед ними основные принципы программы коммунистов — они долго не отпускают его, про-

думывая все детали, приводя материал, данный лекцией, в стройную систему. Кажется, что основные идеи коммунизма где то далеко были скрыты в их подсознании и только теперь ярко выступили и нашли свое словесное выражение.

Вместе с стремлением к политическому развитию у курсанток наблюдается не менее сильный интерес к философским вопросам: о мироздании, о происхождении человека, есть ли Бог? и т. д... Все, давно известные всякому грамотному человеку, выводы наук для них являются совершенно новыми,—поэтому производят сильное впечатление и будят философские вопросы. После урока, напр., географии, на котором была объяснена солнечная система, курсантки были поражены открытием, что земля ходит вокруг солнца, а не наоборот,—и долго трактовали этот вопрос, делая из него философские выводы, которые отвечают их потребности в выработке миросозерцания. Но всего более усердия в работе проявляется по отношению к грамоте, которая является для них сильнейшим орудием познания окружающего мира. В междуурочные перерывы, в обеденное и вечернее время они все время практикуются в письме и чтении, проявляя в этом отношении большую настойчивость. Достижения окрыляют. „Я вчера почти целиком прочла письмо от мужа с фронта“—говорит учительнице курсантка, и глаза ее сияют счастьем. До сих пор она обращалась к посторонним людям, чтобы прочесть мужнино письмо,—теперь же сама читает и безмерно рада этому.

На воле идет мелкий осенний дождь. Пасмурное небо нависло мрачно над землей. Порывами ветра срываются с деревьев желтые листья и бросаются в дорожную грязь.

А здесь в светлом красивом зале клуба коммунистов девушки и женщины с просветленными лучем познания лицами ищут путей в страну братства, равенства и свободы,—ищут ключа от двери потерянного, но снова обретающегося рая человечества. Радостно смотрят они в сумрачную осеннюю даль и что-то прекрасное прозревают за вереницами бегущих облаков, ибо светлы лица их и смелы движения порыва, зовущего в высь.

Но как ни ценна эта первая школа, основанная на принципе снятия с работ,—она лишь слабая искорка во мраке ночи. В ней обучаются лишь 27 работниц из многих тысяч, нуждающихся в этом.

Недавно законченная обработкой анкета о культурном состоянии фабрично-заводского населения, проведенная той-же культурно-просветительной рабочей комиссией, рисует картину очень и очень мрачную. Анкета далеко не охватывающая всего фабр.-зав. населения, произведенная лишь в кварталах с наибольшим скоплением рабочей массы, дала результаты весьма показательные. Работниками по проведению анкеты были заполнены 7071 личный бланк. Мужчин было опрошено 2842 чел.; женщин—4229 чел. *) Из числа опрошенных мужчин неграмотных оказалось 453 чел., — малогра-

*) Примечание. Такая разница в составе фабр.-зав. населения по полу объясняется тем, что громадное большинство здоровых мужчин мобилизовано и находится на фронте.

мотных разных категорий 725. Из числа опрошенных женщин неграмотных оказалось 1828 чел.,—малограмотных разных категорий 884. Т. е. оказывается, что свыше пятидесяти процентов фабр-зав. населения нуждаются в приобретении первоначальной грамотности. Эту грамотность надо дать во что бы то ни стало,—это насущная задача момента, ибо грамотность сама по себе во много раз увеличивает силу сопротивления рабочего класса в борьбе с капиталом.

На вопрос же анкеты о пополнении рабочими своего образования получается следующий ответ: —

Пополняют ли образование в настоящее время.							
МУЖЧИНЫ.				ЖЕНЩИНЫ.			
Пополняют.	Не пополняют.	Не указано.	Итого.	Пополняют.	Не пополняют.	Не указано.	Итого.
1068	1774	—	2842	897	3210	122	4229

Сначала может показаться, что пополняют образование как раз те неграмотные и малограмотные, которые больше всего в этом нуждаются, а не пополняют те кто уже имеет первоначальную грамотность, но дальнейший материал анкеты дает совершенно обратную картину. Из числа 1877 лиц, желающих поправить образование, нет ни одного неграмотного:—все окончили какие либо школы (б. ч. низшую начальную) и лишь 260 чел. не получили полного школьного образования. В число же 5194 лиц, заявивших при опросе, что они не желают поправлять образование входят как раз все неграмотные и малограмотные за немногими исключениями. Практика по организации школ взрослых показывает то-же самое, именно, что неграмотных всего труднее привлечь в школу, что на призыв к учению откликаются прежде всего хорошо грамотные, в гораздо более слабой степени—малограмотные и почти совсем не откликаются неграмотные, пока они еще не вкусили от древа познания грамоты. Для неграмотного взрослого человека чрезвычайно труден первый шаг к учению, но раз он сделан—дальнейшее стремление к достижению полной грамотности обезпечено.

Из этих данных ясно, как мало еще серьезной культурной работы ведется в рабочих кварталах, где должны бы быть сосредоточены все лучшие силы,—все лучшие культурные учреждения—во имя торжества социальной революции—во имя торжества идей коммунизма во всем мире. Авангард революции—индустриальный пролетариат должен быть грамотен, и он будет грамотен—каких бы жертв и усилий это ни стоило нашей республике.

Насколько слабы культурные навыки у наших костромских рабочих—показывают следующие статистические выводы из анкеты.

Число посещений рабочими культурных учреждений за последний месяц.

	МУЖЧИНЫ				ЖЕНЩИНЫ			
	Лекции.	Митинги.	Спектакли и концерты.	Кинематограф.	Лекции.	Митинги.	Спектакли и концерты.	Кинематограф.
От 1 до 3-х раз	508	904	297	365	465	1096	405	555
От 4-х и более раз	183	217	130	325	125	151	155	339
Не указано	62	144	44	66	112	211	86	122
1) Не посещают	2089	1608	2371	2986	3527	2771	3583	3213
Итого	2842	2842	2842	2842	4229	4229	4229	4229

Цифры достаточно красноречиво говорят о том, что в деле окультурения быта рабочего сделано еще слишком мало. Потребность участия в культурной жизни у рабочих еще ничтожна, процентов пятьдесят фабр.-зав. населения этой потребности совершенно не ощущает.

Если посещаемость лекций, митингов, театра является весьма показательной в смысле определения степени культурности фабр.-зав. населения, то читаемость газет в этом отношении является едва ли не более показательной. Как же велика потребность в чтении газет у костромских рабочих? Статистическая обработка анкеты дает на этот вопрос следующий ответ.

Читают ли газеты рабочие.

МУЖЧИНЫ			ЖЕНЩИНЫ		
Читают.	Не читают.	Итого.	Читают.	Не читают.	Итого.
1653	1189	2842	985	3244	4229

Картина еще более безотрадная: свыше шестидесяти процентов рабочих совершенно не читают газет и, следовательно, получают политическую информацию исключительно в хвостах у продовольственных лавок.

1) Прим. Из числа мужчин 1224 чел., а из числа женщин 2234 чел. никогда ничего не посещают (Статистич. сводка анкеты).

Если мы по данным анкеты проследим причины, мешающие рабочему принимать живое участие в культурной жизни общества, то увидим, что громадное большинство опрошенных ссылается на недостаток времени и семейные обстоятельства. Бестолковость повседневной жизни:—целодневные стояния в хвостах у лавок, из боязни что продукта на всех не хватит,—малые дети, не считающиеся ни с какими продовольственными затруднениями, а ежедневно регулярно требующие есть,—все это подрывает энергию рабочего, принижает его психику. Затем, согласно данным анкеты выяснилось, что желание продолжать образование прямо пропорционально общему семейному заработку. Чем выше общий заработок семьи, тем большее участие она принимает в культурной жизни и наоборот. А этот заработок по данным анкеты очень низок, ибо анкета была проведена почти исключительно среди неквалифицированных рабочих текстильного производства, получающих заработную плату вдвое и втрое меньшую, чем заработная плата, скажем, среднего интеллигента или квалифицированного рабочего. Поэтому рабочий-текстильщик поставлен в условия очень невыгодные для его культурного развития. Это невыгодное материальное положение неквалифицированного рабочего ставит культурно-просветительную работу среди фабр.-зав. населения в условия чрезвычайно тяжелые. И единственным выходом из создавшегося положения является тот, который наметила Костромская культурно-просветительная рабочая комиссия. Именно: быстрое проведение ликвидации безграмотности путем снятия с работ неграмотных рабочих на период обучения с выплатой им за этот период их заработной платы. Без проведения этого мероприятия в жизнь немыслимо создание мощной классовой пролетарской культуры. *Никакие студии пролеткульта не в состоянии будут создать эту культуру, если ее не создаст в своем стихийном творчестве сама широкая пролетарская масса.*

Культурно-просветительная рабочая комиссия и стоит именно на той точке зрения, что работа должна производиться прежде всего в самой широкой некультурной безграмотной рабочей массе. Надо победить инертность некультурной среды. Надо победить тьму и невежество рабочих кварталов и тем создать мощное сопротивление воинственно наступающему на нашу страну мировому капиталу, памятуя, что пролетарская культура есть сильнейшее орудие в борьбе за освобождение трудящихся.

Вот в главных и основных чертах—работа Костромской культурно-просветительной комиссии и принципы, коими она в своей деятельности руководилась. В настоящем кратком очерке освещено лишь наиболее существенное в совершаемой комиссией работе. Более детальные обзоры важнейших форм работы появятся в следующих сборниках.

И. П. Беляев.

Организация Костромского Пролеткульта.

(Информация и организационные принципы).

Большинство Пролеткультов обычно возникали искусственно, *) создавались интеллигентами по их почину и инициативе, — создавались, не имея под собой культурной классовой почвы и часто выкристаллизовывались в жалкие интеллигентские кружки **) с слабой примесью окультуренных единиц рабочего класса. Кружки этих искателей — одиночек уходили в себя и „вдали от шума городского“ — в тишине студий пытались создавать новые культурные ценности. Рабочие, входившие в студии, постепенно, по мере того как овладевали техникой той или иной отрасли интеллигентского труда, отрывались от фабричного станка, — теряли связь с питавшей их почвой, — обращались в профессионалов — интеллигентов. Благодаря оторванности от масс, классовая основа проявлялась в работе таких пролеткультов весьма слабо. Рабочие — студийцы, питаясь обедками буржуазного искусства (футуризм, кубизм и т. п.), не только не в состоянии были выявить в творениях своего классового пролетарского нутра, но сами заражались упадочными формами буржуазного творчества и подражали ему. ***)

*) Надавно пришедший к нам „Вестник Тверского Совета Пролеткульта“ № 1—2 в информации об организации в г. Твери Пролеткульта рисует, напр., такую картину. Пролеткульт возникает по инициативе губернского комитета Росс. Комм. партии, который постановляет: — „поручить г. Баклаеву заняться созданием Пролеткульта в Твери. Задача эта должна быть выполнена в семидневный срок“ (стр. 40 В. Т. С. П. № 1—2). Пролеткульт возникает искусственно в семидневный срок по приказу сверху. В означенный срок можно создать его, конечно, только на бумаге. Удивительно ли после этого, что на 1-й Тверской губернской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций принимается резолюция, которой „признается необходимым взять в руки Губернского Пролеткульта устройство танцев и постановку их на должную высоту“ (страница 49. В. Т. С. П. № 1—2).

**) На первых порах Петроградский Пролеткульт, например, „стремясь удовлетворить духовные запросы масс, создал подвижные труппы актеров, музыкантов и певцов, составленных из старых профессиональных рутинеров, совершенно чуждых классовым задачам пролетариата“ (В. К. „Письмо о пролетарском творчестве“ в журнале Тамбовского Пролеткульта „Грядущая Культура“ № 3 стр. 12).

***) Сравните:

Буржуазный поэт К. Бальмонт.

„Я мечтою ловил уходящие тени
Уходящие тени погасавшего дня
Я на башню всходил и дрожали ступени
И дрожали ступени под ногой у меня“.

Пролетарский поэт А. Поморский.

„На темных могилах из щебня былого,
Из смеха и слез изнуренных сердец —
Мы, гордые строим — мы, гордые, строим,
Мы строим рабочий дворец“.

Из этого случайного сравнения даже ясно под каким сильным влиянием буржуазной поэзии в области стихотворной техники находится пролетарский поэт, в частности талантливый А. Поморский заимствующий форму у Бальмонта.

Ошибки были слишком большы, чтобы идти по достаточно проторенному, но ложному пути, ведущему не в лучезарную страну рабочей культуры, а в то-же старое разлагающееся болото буржуазного мирочувствования. И наши местные культурные силы рабочего класса, в деле создания своего боевого культурно-творческого органа Пролеткульта, не пошли по этому пути. Они совершенно естественно нашли иной путь, могущий привести к достижениям более ценным.

Костромской Пролеткульт является непосредственным созданием самой индустриальной рабочей массы. Его организационная идея выношена и осуществлена передовыми рабочими—культурниками в процессе самой работы. Организационным ядром Пролеткульта являются культурно—просветительные комиссии фабрично-заводских комитетов и рабочие клубы. Они свободно объединяют единством работы все иные культурные ячейки, имеющие тяготение к творчеству грядущей культуры и восприятию ее начал. Этот организационный принцип никем не придуман, а создан естественным ходом культурной работы, творимой не единицами, а всей сознательной массой индустриального пролетариата. Костромской пролеткульт полагает, что он в своей работе должен не от'единяться от близких ему по духу культурных ячеек, а как раз наоборот—должен возможно шире распространять сферу своего влияния, чтобы непосредственно заражать эти ячейки духом новой культуры, творимой в его студиях. Костромской Пролеткульт полагает, что он должен в своем творчестве не уходить от масс в тишину студий и там под стеклянным колпаком выводить как тепличное растение пролетарскую культуру, а наоборот процесс творчества новой

Или еще пример:

„Стриженный мальчик чертенок
Бьется в веселом припадке...
Радость наматывай на веретена
Выпей напиток сладкий...

Стриженный мальчик чертенок
Выскреб из сердца тревогу,
Смотрит со столика глупый галченоч...
Завтра—лучше не трогать...

В угол уставились косо
Ницше, Ахматова, Гастев...
Любишь—люби, и не нужно вопросов.—
Счастье рождает счастье

Стриженный мальчик чертенок
Давится солнечным плачем...
Полно! Душа заблудилась спросонок
Взреая к граням горячим“.

Кем написано это стихотворение? Всякий припишет его Игорю Северянину, или кому либо из его подражателей. На самом же деле стихотворение принадлежит видному пролетарскому поэту В. Александровскому и напечатано в сборнике его стихотворений „Север“, изданному Московским Пролеткультом.

культуры должен быть массовым. *) Отдельные одаренные единицы рабочего класса, создавая в студиях Пролеткульта новые культурные ценности, должны быть органически связаны с рабочей массой, все время находясь в сфере ее переживаний. Первое условие успешной работы организации пролетарской культуры—как теснейшая органическая связь с массой, так и активное участие последней. Пролетарская культура может вырабатываться не одиночками, а целым классом. Отдельные пролетарии, выше стоящие на культурной лестнице „одаренные“,—будут создавать новые культурные ценности только когда они не оторвались от рабочей массы,—когда они живут ее настроениями, дышат тем же воздухом исполина—завода. Они претворяют в звуки, краски, образы то, чем живет, „к чему рвется,“ за что борется масса.

Ведя студийную работу нельзя отгородиться от всей другой культурной работы с широкой массой,—иначе—порвется связь с ней,—не будет свежего притока сил в студии;—Пролеткульту придется быть только лабораторией, но не живым объединяющим все культурные начинания рабочих центром.

Внешкольный Подотдел Отдела Народного Образования не может так близко стоять к рабочей массе, как организация государственная, имеющая к тому же работниками—инструкторами пока только интеллигенцию, не могущую слиться с рабочим,—понять, вполне его психологию. И какою бы ни была эта интеллигенция,—будь это интеллигенция саботирующая,—будь это интеллигенция революционная—она ни мыслить ни чувствовать за пролетариат не может и, следовательно, в деле творчества рабочей культуры может играть только техническую подсобную роль. Отсюда вытекает необходимость концентрации всех культурных сил рабочего класса в одну компактную массу, ибо задача, стоящая перед пролетариатом в области культуры, грандиозна и для своего разрешения требует соединения усилий—создания массовой мощи. Распыление этих усилий крайне вредно для дела.

Рабочая культура—это ведь не только картины, не только стихи, не только музыкальные композиции, создаваемые в студиях—это *весь организационный опыт рабочего класса*. Следовательно, творчество пролетарской культуры совершается постольку, поскольку вообще рабочий от станка проявляет в жизни органи-

---

*) На первом губернском съезде Костромского Пролеткульта по докладу В. А. Невского на тему: „Пролетарская культура и пролеткульт“ были приняты следующие тезисы:

а) Буржуазная культура, переживающая с конца XIX в. тяжелый кризис, в настоящее время находится в стадии полного разложения.

б) Пролетарская культура может быть создана путем массового творчества рабочего класса—путем связи культуры с бытом.

в) Вся культурная работа органов классово-государственной власти должна направляться тем классовым общественно-культурным мнением, которое кристаллизуется в организациях пролеткульта.

а) Специфическая задача Пролеткульта состоит в том, чтобы коллективно-творческим студийным путем воспитывать в рядах пролетариата навыки культурного творчества.

б) Пролеткульт не должен представлять из себя замкнутой организации одиноких искателей, а должен объединить в своих рядах самую широкую пролетарскую массу, связав в одно мощное целое все пролетарские культурно-просветительные учреждения.

зационные начала своей мысли и своего чувства. Проблема создания культуры грядущего не может быть разрешена только в студиях. Она разрешается широко в процессе всей текущей жизни организационными стремлениями рабочего класса—массовым творчеством. Следовательно, чем шире рабочая культурно—творческая организация будет захватывать в сферу своего влияния те или иные формы культурной работы, тем действеннее проявиться в жизни ее дух. Поэтому Костромской Пролеткульт стоит на той точке зрения, что он не должен в своей работе ограничиваться одними только студийными формами, являющимися чистыми формами культурно—творческого процесса, а должен проявлять свое творчество в иных смешанных формах культурной деятельности. Поэтому Костромской Пролеткульт считает своей задачей, напр., и выработку принципов постановки библиотечного дела в фабричном районе и проведение ликвидации безграмотности среди фабрично—заводского населения и многое другое. Формы работы чисто—пролеткультские неотделимы от общекультурной деятельности. Те и другие формы должны взаимно пронизать друг друга, возможно крепче спаяться, не устанавливая между собой каких либо граней. Вот почему Костромской Пролеткульт работает в самой тесной связи с Отделом Народного Образования, являясь для последнего как—бы культурным рабочим парламентом, выражающим творческие устремления рабочего класса. Иначе и не может быть. Единство в работе требуется жизнью, которая ломает все чисто теоретические планы. Напр., Центр. Сов. Пролеткульт, все время указывая Костромской организации на неправильность ее строения, ибо она захватывает и работу внешкольного отдела и полит'отдела, сам в то же время не может ограничиться чисто пролеткультскими формами, так как постоянно присылает предложения—то вести работу по выработке и углублению коммунистического мировоззрения студийцев и их руководителей (работа полит'отдела),—то провести день пропаганды и агитации советской власти (агитационная работа),—то призывает к работе на красном фронте (опять агитационная работа),—то предлагает дать необходимый минимум знаний студийцам по общеобразовательным предметам (работа внешкольного отдела). С другой стороны, указывая Костромскому Пролеткульту на „недопустимость“ того, что он является совещательным органом для Отдела Народного Образования по вопросам культурной работы (культурным рабочим парламентом), так как это противоречит принципу организационной самостоятельности, Центр. Сов. Пролеткульт одновременно рассылает для руководства следующие директивы:

а) „в целях согласования работы в народном комиссариате по просвещению создается секция внешкольного образования, в состав которой входит *наравне с другими отделами* и Пролеткульт“;

б) „такие же секции создаются и на местах, где существуют Пролеткульты, зарегистрированные во Всерос. Совете Пролеткульт“.

Ясно, что живая жизнь ломает теоретические построения и принципы введенные априорно,—и утверждает принципы создаваемые самым процессом работы естественно и свободно. Поэтому то Костромской Пролеткульт полагает, что формы работы должны

быть гибки, легко изменяемы,—должны основываться не на сухой догме, а на живой жизни. Он ведет и студийную работу и клубную и всякую иную диктуемую культурн. потребностями рабочих кварталов.

Костромской Пролеткульт возник не на пустом месте, как многие другие, а на почве уже ведшейся работы. Работа складывалась естественно и во имя теории ломать ее ход не имеет смысла. Работа костромских клубов идет весьма интенсивно и носит серьезный характер. Идейное руководство 1-го рабочего клуба распространяется на все клубы Костромской губернии. Студийная работа велась гораздо ранее, чем организовался Пролеткульт.

В настоящее время, после летнего перерыва в работе, снова организуются студийные группы.

Организуется драматическая студия, которая, — не ставя совершенно своей задачей фабрикацию актеров, будет стремиться дать возможность рабочему от станка осуществить свои творческие помыслы и радостно расходовать творческую энергию в область театрального искусства. Работа строится так, чтобы часы занятий в студии не были временем усвоения трудной сухой учёбы, а были бы часами духовной творческой жизни, дающей отдых и радость человеку.

Принципы работы драматической студии, зафиксированные в тезисах, принятых на губернском съезде Костромского Пролеткульта, определяются так:—

а) „занятия драматических студий строятся на коллективной свободной, творческой работе пролетарских групп, выявляющих свои художественные устремления в сферу сценических искусств;“—

в) „пьесы старого буржуазного театра, в громадном большинстве, строясь на почве личных интересов, — частью на борьбе за имущество культивировали индивидуалистическое начало и инстинкт собственника. Пьесы нового театра должны культивировать коллективизм, как культурно-воспитывающее начало грядущего общественного строя;“—

с) „артистический профессионализм старого театра должен смениться работой пролетарских драматических коллективов, осуществляющих культурно-творческие задания в области сцены, не отрываясь от станка;“—

а) „новый театр должен создать живую связь между артистом и зрителем, вынести зрелища на улицы и площади, сделать их всенародным радостным праздником борющегося и побеждающего пролетариата“.

Организуется литературная студия, которая ставит своей задачей словесное художественное творчество на почве пролетарской—классовой. Она будет знакомить рабочих с техникой этого творчества и классическими образцами буржуазной поэзии. Методически занятия студии отличаются от школьных занятий по литературе тем, что здесь художественно-познавательная работа неразрывно слита с художественно-творческой, в которой и лежит центр тяжести. Совершается единый познавательно-творческий художественный процесс, в результате коего, проявляются те или иные достижения в области пролетарского литературного творчества, — создается классовая пролетарская литература.

Организуется художественная студия, которая открывает пять студийных мастерских: мастерскую живописи, мастерскую рисования, мастерскую лепки, декоративную мастерскую и мастерскую художественной бутафории. Здесь кроме практических работ студийцы будут знакомиться попутно с теорией: перспектива, анатомия, теория красок, история искусств. Задачи художественной студии на губернском съезде Костромского Пролеткульта выкристаллизовались в следующие тезисы, принятые в связи с докладом т. Полтевского о пролетарском искусстве:

а) „религия в духовной жизни народа занимала самое видное место. Само искусство было на службе у религии, и она заменяла искусство;“—

в) „по мере того, как религия изживается из духовной жизни пролетария, более чем когда либо, является необходимость развиться духовной жизни пролетария без влияния религии;“—

с) „место религии должно занять искусство во всех его проявлениях;“—

а) „под искусством мы подразумеваем творчество человека, направленное к тому, чтобы дать возможность ощутить всю радость и счастье жизни;“—

е) „новое пролетарское искусство еще только зарождается. Работа наша должна быть направлена к тому, чтобы оно развилось и окрепло;“—

й) „до сих пор существовало народное—национальное, искусство и аристократическое—буржуазное;“

д) „каждое из них может для нас иметь ценность, поскольку может служить материалом;“

п) „в основу аристократического—буржуазного творчества положен принцип:—искусство — царской крови и доступно лишь избранным. В основу народного—национального творчества заложено рабство мысли, возвращенное феодализмом;“—

й) „в основу пролетарского творчества должно быть заложено здоровое пролетарское чувство, освобождающее человеческий дух от пут религии и капитала, принижавших искусство, придававших ему служебную роль.“

Организуется научная студия по разработке экономических вопросов современности, которая имеет в виду дать рабочей массе, вращающейся в области современных экономических проблем, знания и методы для разрешения этих проблем. Рабочая мысль, направленная в область экономических вопросов, должна пролить яркий свет на эти жгучие вопросы. Должна совершиться научнотворческая работа, которая даст экономическим наукам определенный уклон в сторону разработки методов построения экономических систем согласно интересам борющегося пролетариата. Работа научной студии по разработке экономических вопросов современности мыслится—с одной стороны—в форме приобретения определенных знаний из области экономических наук, — с другой стороны—в форме разработки экономических проблем, которые ставят жизнь. Последняя форма работы требует производства определенных наблюдений над экономическими явлениями и учет их. Эти

простейшие наблюдения, которые будут делать студийцы, разовьют в них способность к научному мышлению в определенной области. Организация научного наблюдения и учета экономических явлений составят тот материал, из которого студия будет выводить те или иные научные обобщения.

Помимо студийной работы Костромской Пролеткульт ведет широко поставленную клубную массовую работу. Работа клубов все более захватывает самую толщу фабрично-заводского населения,—будит в нем умственные запросы. Клуб является первой ступенью приобщения рабочего к общечеловеческой культуре, — первым толчком к его саморазвитию. Клуб дает запас бодрого нравственного настроения, навык общественно работать и некоторый запас знаний—все то, что составляет внутреннюю культуру человека. Работе клубов Костромской Пролеткульт придает первостепенное значение и уделяет ей главное внимание.

Из других форм работ Костромского Пролеткульт следует отметить еще организацию школ взрослых для неграмотных и малограмотных рабочих, о чем говорится в отдельной статье. *) В заключение настоящего краткого обзора следует добавить, что Костромской Пролеткульт строит свою работу на непосредственных культурных потребностях рабочих, совершенно не считаясь с абстрактными теориями. Ибо теория должна вытекать из работы, а не работа из теории.

Президиум Костромского Пролеткульт.

---

*) Прим. „Костромская культурно-просветительная комиссия фабрично-заводских предприятий по работе среди широких масс“ одновременно является и секцией Пролеткульт по ликвидации безграмотности.

14

СОДЕРЖАНИЕ: 1. *М. Растопчина*. Культура наша. (полугодовой опыт работы). 2. Впечатление рабочих от клубной жизни 1-го Рабоч. Соц. Клуба. 3. Опыт литературного творчества клубистов 1-го Раб. Соц. Клуба. 4. *М. Растопчина*. Инструкторская группа в 1-м Раб. Соц. Клубе. 5. *И. П. Беллев*. Беглые заметки о методах работы в драматической группе Клуба. 6. *А. Н. Полтевский*. Эстетическое воспитание в Клубе. 7. *В. Е. Ахметев*. Литература и библиотека. 8. *И. П. Беллев*. Комиссия фабрично-заводских предприятий по культурно-просветительной работе среди широких рабочих масс. 9. Организация Костромского. Пролеткульта (информация и организационные принципы).

К

2018552921

